

Дэш Хаоцки

Сууширский фарс

ШЕЛЬЯАР

Хранитель! Тебя предупреждали, что путь, которым ты идёшь, ведёт во тьму?

На шахматной доске Суушира сильные мира сего уже расставляют Фигуры для большой Игры. Грядёт великая война, и начинают вращаться жернова пророчества. Ты втянут в политические распри между Хозяином Блуждающего острова и серым кардиналом Тёмной лиги. А весь Шельяар ждёт своего Разрушителя.

Один твой неверный шаг — и хрупкое равновесие между добром и злом исчезнет. Готов ли ты к этому?

Посвящается соратникам из Лиги и Гильдии

Часть II Вампир, дракон и большая афера

День не задался с самого утра. Нет, с самым днём всё было в порядке: ясный, солнечный, тёплый. Птички щебечут, ласковый ветерок колышет густые кроны деревьев, с заднего двора раздаётся деловитый звук топора, а с кухни тянет жареным мясом и пряностями. Всё, казалось бы, замечательно. Живи и радуйся. А Саартан злился. Его раздражали и птички, и ветерок, и солнечные лучи, нагло лезущие в комнату. А топор и мясо вовсе вязались в далеко не мирную картину. Но главным раздражителем была хозяйка дома, в который Хранителя определил Лэуорд.

Маленькая и с виду хрупкая целительница Дейдрре имела привычку, едва разгорится утро, врываться в спальни к своим постояльцам — тем из них, которые числились у неё в списке пациентов (а это почти все) — как самое настоящее торнадо. Запертые двери её никогда не останавливали, — у хозяйки дома были ключи от всех дверей — а магическую защиту Дейдрре просто игнорировала, да ещё потом штрафовала за попытки хоть как-то отгородиться от её заботы. Целительница проносилась по комнате, раздёргивала шторы и открывала настежь окна, впуская в комнату вместе с обычно ярким здесь, в Норвантере, солнцем бодрящий утренний воздух. Хлопала в ладоши и радостно оповещала несчастных опекаемых ею постояльцев о начале процедур. Лечебных.

Саартана это жутко бесило. Не сам ранний подъём, и даже не нудные и непонятные обязательные процедуры, а именно такое беспардонное отношение к границам его личного пространства. У мужчин по утрам бывают самые интересные состояния, и присутствие в комнате посторонней женщины, не той, с которой провёл ночь, определённо смущало. Саму Дейдрре это нисколько не трогало.

— Я же целительница! — возмущённо всплёскивала она руками. — Це-ли-тель-ница! Мне важно знать о любых состояниях своих пациентов.

И ты хоть ускорься. Хоть головой о стену бейся — переубедить эту страшную в своей решительности вылечить всех и вся женщину не удастся. Саартан уже и не пытался, собственно. Бурчал под нос и огрызался, но терпел. Правда, каждое утро осторожно намекал, что он уже здоров и прекрасно себя чувствует. И каждый раз получал в ответ одно и то же:

— Мне виднее.

И так уже почти месяц. Хегг ушёл относить извлечённого из Кофы хаима домой, к Истоку. Лэуорд хоть и навещался в домик целительницы изредка, вызволять Хранителя из лечебного плена не торопился. К слову, Дейдрре оказалось той самой любимой женщиной джинна, от которой он отказался по каким-то своим якобы благим соображениям. И Саартан не брезговал использовать этот факт в качестве маленькой мести советнику Лиги за своё полудобровольное заключение.

Это утро началось так же, как и предыдущие: с сиреневого урагана в спальне Хранителя — у целительницы и глаза, и волосы и даже основная часть гардероба были цвета сирени —

распахивающего шторы и окна, хлопающего в ладоши и громко требующего немедленного пробуждения. Исключением было отсутствие неизменного подноса с инструментами для процедур, которые Хранитель про себя называл не иначе, как пыточными.

— Меня наконец-то выписывают? — с надеждой спросил Саартан, выбираясь из-под вороха одеял.

Целительница одарила его укоризненным взглядом.

— Что значит — наконец-то? — обиженно спросила она и встала прямо перед Хранителем, уперев руки в бока.

Саартан заёрзал, пытаясь натянуть штаны так, чтобы до конца процесса одевания одеяла не сползли с колен на пол. Отвернулась бы ради приличия! Дейдрре отворачиваться не собиралась. Смотрела требовательно и строго. Хранитель встал, поправился и затянул на штанах пояс. Глянул на целительницу сверху вниз, ухмыльнулся вскинутому с вызовом подбородку и поджатым губам Дейдрре — разница в росте определённо радовала. Ответил:

— Я безумно счастлив лицезреть вас каждое утро у себя в спальне, мадам, но всему есть предел. Так выписывают?

— Ещё чего! — Дейдрре стойко вынесла прохладный взгляд и ядовитый тон и не только не отступила перед нависшим над ней Хранителем, но и толкнула его в грудь своим бюстом. Небольшим, надо отметить, но чтобы заставить Саартана сделать шаг назад — хватило. — Рубашку надень и за мной топай. Можешь босиком, мы по тоннелю пойдём.

По тоннелю — это в соседнее с домиком самой целительницы здание, где располагались комнаты для постояльцев. Для обычных постояльцев, тех счастливчиков, которые в списках пациентов у Дейдрре не значились. Саартан ещё какое-то время поглядел на целительницу, вздохнул, признавая своё очередное утреннее поражение, и потянулся за рубашкой.

Тоннель соединял дом, в котором целительница жила и где вела свою врачебательную практику, с гостиницей, которую она содержала. Он проходил под землёй и выходил напрямик в холл большого двухэтажного и двухсекционного здания. Две секции — одна направо, другая налево — носили названия Светлая сторона и Тёмная сторона соответственно. В Светлой обитали постояльцы из числа Гильдии, в Тёмной — из числа Лиги. Постояльцев, которые не принадлежали ни к одной из названных организаций, Дейдрре расселяла на своё усмотрение. Холл на первом этаже и просторный богато обставленный зал на втором считались нейтральной территорией, где вели переговоры, разрешали споры и просто общались. Магией пользоваться запрещено (кроме бытовой и самой необходимой, разумеется), оружие носить при себе можно, но применять — нельзя. За каждое отступление от правил штраф в монетном эквиваленте. Дейдрре деньги любила, но цены не завышала. Разве что иногда для Лиги. Саартан решил, что это что-то личное между целительницей и джинном. Бывший муж, всё-таки. Как тут устоять?

К удивлению Хранителя, Дейдрре в холл подниматься не стала, а повела Саартана в подвал под гостиницей. Саартан там ещё ни разу не был. Среди постояльцев ходили слухи о шикарном винном погребе, но он явно был не тут. Потому что оглядывающийся по сторонам Хранитель не нашёл ни намёка на деревянные бочки. Или хотя бы вообще что-то деревянное. Стены обиты чем-то подозрительно напоминающим стеклопластик, в который вдавлены лампы, на первый взгляд даже электрические. Двери, непонятно что скрывающие за собой, больше походили на люки кораблей, только полукруглые, без вентиля и с маленькими

прямоугольными окошечками с задвижкой. Камеры? Саартан поёжился и покосился на шествующую впереди целительницу. Как-то не вязалась у Хранителя обстановка подвала с её зельями, порошками и прочими магическими и не очень научными примочками.

— У нас тут новый постоялец, — Дейрдре остановилась у одной из дверей-люков и повернулась к Саартану.

— В подвале?

Все нехорошие мысли, вероятно, отразились у Хранителя в голосе и на лице, потому что целительница надулась и тут же встала в боевую позу: руки в боки, голова вскинута, губы поджаты, взгляд взыскующий.

— И что такого? — спросила Дейрдре. — Некоторым вон уютнее всего в пещере. Подвал как подвал, а комнаты ты даже не видел, чтобы критиковать.

— Да я и не критикую, — Саартан примирительно поднял руки. — Мне любопытно, зачем здесь я. Если тут всё так здорово. Буянит?

— Постоялец-то? — целительница вдруг как-то сникла и потупилась. — Да как все новенькие. Кто в помощи нуждается.

Саартан чуть не рассмеялся. Кхекнул в кулак, чтобы сдержать рвущийся наружу смешок. Уточнил:

— Так это ваш новый пациент помимо прочего?

— Не знаю, пока. Осмотр сделать нужно. А он против. Категорически. Но такой худенький! Ты бы его видел! И бледный, белый прям! С головой не порядок, это сразу видно. Я, правда, его только через окошечко видела.

Хранитель всё же крикнул. Пришлось изобразить глубокое раздумье, когда сиреневые глаза подозрительно прищурились.

— И чего же вы хотите от меня? — спросил Саартан как можно серьезнее.

— Подстраховать. Вдруг он решит смыться раньше, чем я его осмотрю.

Ага, а то, что пациент на самого осмотрщика кинуться может, эту маленькую боевую женщину не волновало? Саартан хоть и не пытался наброситься, но поначалу тоже вёл себя... несдержанно. Да кто угодно будет вести себя несдержанно, увидев поднос с острыми предметами и щипцами! Да и требование раздеться догола сдержанности ещё никому не прибавляло...

— Что, некого больше попросить? Я на вышибалу не тяну.

— А нет никого, — Дейрдре пожалала плечами. — Кто на полигоне, кто в городе по делам... А мужа просить не хочу. Он ведь перестараться может, покалечить.

Муж у целительницы — ходячая гранитная скала под штормовым небом: этаким монолит из мышц и сухожилий, черногривый, породистый. Мрачный до мурашек, не в пример вечно улыбающемуся белобрысому Лэуорду. Можно сказать, полная его противоположность. И, вроде бы, тёмный маг. По крайней мере, очень похож. И такой точно может перестараться, защищая свою женщину.

— Массовый побег? — спросил Саартан про «нет никого». Поймал обиженный взгляд, усмехнулся. — Я, кстати, не обязан помогать вам причинять лечение.

— Да ты живёшь в моём доме, ешь мою еду! — возмутилась целительница. — Должна же быть от тебя хоть какая-то польза?!

— За меня платит Лига.

— За твой скверный характер мне никто не платит! Что за мужики пошли?! Некому сильное плечо подставить попавшей в беду женщине!

— Ладно! — Хранитель закатил глаза. — Открывайте вашу тюрьму... палату.

Как и предполагал Саартан, двери открывались не ключами, а приложением руки к прямоугольнику на стене. Технологично до странности. Драконы, эльфы, некроманты и вдруг — идентификационное устройство. Но если вспомнить, что Фаарха растит в Суушире будущих кураторов, то всё вписывалось в одну картину вполне органично.

Постоялец прыгнул к двери сразу, как только она отворилась. Саартан оттолкнул целительницу и заслонил собой. Что-то белое врезалось в него, зарычало и вцепилось зубами в руку, которой Хранитель успел прикрыться. По предплечью разлился обжигающий холод. Ядовитый он что ли? Не хватало потом на радость Дейдрре ещё и от заражения лечиться!

— Мы с миром! — вырвалось у Саартана, когда он не совсем миролюбиво отбросил постояльца обратно в палату.

Помимо высокого роста тело Дафтраана радовало ещё крепкими мышцами и способностью мгновенно аккумулировать силу в нужном месте. Очень удобно.

Не успев коснуться пола, постоялец прыгнул снова, вытягивая перед собой кулаки. И неожиданно резко прервал свой прыжок, встал как вкопанный в нескольких дюймах от острия появившейся перед ним шпаги Хранителя. Но смотрел он не на почти упирающееся ему в грудь лезвие, а на собственные руки.

— Что за чёрт? — пробормотал постоялец. Поднял голову и вопросительно уставился на Хранителя. — Где они?

— Кто? — Саартан моргнул, его шпага опустилась.

— Я же говорила, — выглянула из-за его спины Дейдрре. — С головой не дружит.

Постоялец сделал шаг назад в палату, остановился, хмуро переводя взгляд с Хранителя на целительницу и обратно. Саартан отметил, что у действительно белого от волос до ресниц и бровей человека в белом же костюме, гетерохромия: один его глаз был голубым с синими прожилками, а другой — малиновым с красными вкраплениями. И да, альбинос был бледный, что, собственно, нормально для альбиносов, и очень худой.

— Что это за место? — спросил разноглазый.

— Это дом целительницы...

— Это мой дом...

Хором ответили Саартан и Дейдрре. Хранитель мотнул головой, уступая право говорить хозяйке.

— Ты в моём доме, — сказала Дейдрре, разглядывая постояльца из-под руки Хранителя. — Тебя принесли без памяти, но я не успела проверить, не ранен ли ты.

— Не ранен, — альбинос отступил ещё на шаг.

— Это мне решать, — целительница сделала попытку протиснуться в камеру, но Саартан не позволил и загородил проход собой. Дейдрре хмыкнула и прижалась к его боку, чтобы расширить себе обзор. — Здесь ты в безопасности, а я хочу помочь.

— Мне не нужно помогать! — рыкнул разноглазый. — И тыкать в меня железяками тоже не нужно!

— Я уберу оружие, если ты дашь слово не нападать, — спокойно сказал Саартан.

— Что мне мешает слово нарушить?

— Не знаю. Совесть? Нежелание портить себе карму? Честь?

Альбинос презрительно скривился.

— Вы в каком веке живёте? — спросил он насмешливо и немного расслабился.

— А тебе от какой точки считать? — оживилась Дейдрре. — От начала спячки Земнотверда или от пришествия Семизвездья?

— Ч-чего?!

— Некоторые ведут отсчёт лет со дня сотворения Острова Богов, что на мой взгляд правильно и верно. Ведь когда Земнотверд заснул, Солн ещё не был таким мягким, как сейчас, а, значит, жизни в мире тогда быть не могло...

— Подождите! — разноглазый выставил руки перед собой как щит. — Какие, нахрен, боги?! Где я?

— В Суушире, — целительница озадаченно хлопнула ресницами. — Где ж ещё.

— Это... планета?

— Мир такой. Он на самой окраине Шельяаара...

— Ох!.. Шутите?!

— Она не шутит, — Саартан ухмыльнулся и убрал шпагу. — А ты откуда?

До Хранителя начало доходить, что постоялец — обычный попаданец. В прямом и переносном смыслах. Беднягу вытащили из его мира и закинули в этот. Попал — так попал. По самые уши. Острые, кстати, как у эльфа, только покороче и почеловечнее.

— С Земли, блин!

— О... С какой из?

— Так ты слышал о Странниках?

— Не... уверен, — Саартан задумался. — Поговорим?

Альбинос склонил голову, прислушиваясь к чему-то, принялся. Ещё раз оглядел Хранителя и целительницу, которая всё-таки умудрилась оказаться спереди Саартана, прижимаясь к нему спиной. Кивнул.

— Входите, — разрешил он и попятился к койке.

Дейдрре разве что вприпрыжку не побежала к бедному пациенту. Хранитель чертыхнулся про себя, прикрыл дверь и быстро проследовал за целительницей, на всякий случай разогревая в ладонях *силу*. Но альбинос пока нападать не собирался. Забрался на койку с ногами, забился в самый угол и угрюмо зыркнул оттуда на незваных гостей.

— Трогать себя не дам, — предупредил он направившуюся к нему Дейдрре.

— А как же?..

— Не дам. Покусаю.

— Вот об этом, — Саартан уселся на тумбочку рядом с койкой и оттянул вверх рукав своей рубашки. На коже виднелись четыре ровненьких красных отверстия без следов крови. А ведь почти до кости прокусил! — Ты что — вампир?

— Как догадался? — альбинос осклабился, демонстрируя тонкие клыки-иглы. — Обычно я сразу насмерть, но тут что-то мешает быть ловким и сбивает с толку. И оружие не даёт достать. Типа помехи. Какой-нибудь генератор блокирующих волн?

Дейдрре осторожно присела на краешек койки.

— Блокиратор, да, — подтвердила целительница, и гордо добавила: — Выторговала у Лиги. Чтобы пациенты не могли поранить себя и других в моменты помешательства или... в ещё какие-нибудь моменты.

— Так вы реально медик?

— А почему ты к ней на вы, а ко мне — на ты? — перебил альбиноса Хранитель, потирая укус. — И мы про твой вампиризм не договорили. Последствия мне ждать?

— Неа, не думаю. Я не успел ничего сделать. А на ты... — разноглазый почесал лоб. —

Да само как-то. А к леди на вы принято.

Леди заулыбалась и покраснела от удовольствия. Саартан фыркнул.

— Как-то ты сразу поверил, что оказался в другом мире, — сказал он, опуская рукав рубашки. — Почему?

— Я был в рейде, когда меня забрали. Какие-то монахи в балахонах, сильные, заразы. Вырубили, как нефиг делать. Я уж думал, инквизиция. Но потом глотнул твоей крови. А до этого ещё одного покусал. Вы — нелюдь, а в инквизиторах нелюдей нет. Ну и, — новый пациент целительницы обвёл взглядом палату. — Запахи здесь другие, атмосфера другая, энергетика. Но я надеялся, что это всего лишь левое измерение.

— А как тебя зовут?

— За что тебя взяли?

Дейдрре и Саартан снова сказали вместе. Хранитель поморщился. Он понимал, что хозяйка здесь одна, и что право задавать вопросы и принимать решения есть только у неё, но этот альбинос — самое интересное событие за долгие три с половиной недели. Конечно, каждое знакомство с постояльцами целительницы — само по себе необычное событие. Кого ведь там только нет в этих лигах и гильдиях! Но именно этот белый разноглазый вампир фонил чем-то знакомым, близким. Может, потому что он — пока единственный вампир в доме. Может, потому что так же, как и Хранитель, не рад здесь оказаться. Или потому, что судьба свела его с кураторами Фаархи. А может, просто потому, что Дейдрре кроме как задрать рубашку или не снимать повязку до утра ни о чём Хранителя раньше не просила.

— Нет уж, — вампир сильнее вжался в угол койки, заметив, что целительница шевельнулась и как бы невзначай подседа чуть ближе. — Вы ко мне вломились — вы и предоставляйте информацию.

— Я уже говорила, — тоном учительницы младших классов заговорила Дейдрре. — Я — целительница. Ты в моём доме, в гостинице...

— В подвале, — невинно добавил Саартан.

— В подвале, — невозмутимо продолжила Дейдрре. — И прежде, чем подобрать тебе комнату, мне нужно тебя осмотреть. Ты солнца не боишься, кстати? Чеснока? Серебра? Через текучую воду перешагнуть можешь? А в дом без приглашения зайти?

— Я ничего не боюсь и могу войти куда угодно, — не чинясь, ответил альбинос.

— Ага, — целительница задумчиво посмотрела на потолок, будто составляя в голове анамнез. — А кровь какого цвета?

— Откуда вы про кровь знаете? — вампир как-то весь ощетинился и напрягся.

— Я не знаю, вот и спрашиваю.

— Обычная, — буркнул альбинос.

— Я ведь всё равно возьму на анализы.

— Попробуйте, — разноглазый вдруг развеселился. — Не жалко! Не вы первая будете пытаться её изучить.

— Зря ты это сказал, — вмешался в диалог Саартан. — Ты только что бросил ей вызов. Заанализирует теперь насмерть.

— А ты кто? Её муж?

Саартан поперхнулся, вспомнив обоих мужей — бывшего и настоящего — целительницы. Хранитель там близко не стоял, даже при всём желании.

— Я такой же пациент, как и ты, — сказал он, подпустив в голос немного грусти. — Вынужденный.

— Я что, тебя держу?! — тут же взвинулась Дейрдре. — Приютишь голодранцев, холишь их, лелеешь! Заботишься! А они? Неблагодарные!

— Да я...

— Вот и сидите здесь, пока хорошим манерам не научитесь! — Дейрдре встала с койки и решительно направилась к выходу.

Вампир не пытался, а Саартан не успел ничего сделать, и тяжёлая дверь захлопнулась за спиной разгневанной женщины. Целительница показала им обоим через окошечко в двери язык, когда пискнул замок. И ушла.

— Это безответственно! — крикнул ей вслед вскочивший с тумбы Хранитель. — Закрывать меня неизвестно где с неизвестно кем!

— Я вампир, — альбинос вытянул ноги и потянулся всем телом. — То есть кров. Это известно.

— От этого не легче.

Камера с блокиратором *силы*. Вампир. Возможно, не дружащий с головой, судя по утверждениям Дейрдре. И Хранитель. Ничего не напоминает? Кровь Саартана этот упырь уже попробовал, к слову.

— Меня зовут Славиш, — представился разноглазый. — Вега. Если это важно.

— Я — Саартан, — Хранитель постоял, сверля взглядом дверь, вздохнул и снова сел на тумбочку. — Дракон, но это не фамилия.

— Дракон?! Что, прям настоящий? С крыльями, чешуёй, огнедышащий? В реале?

— В реале, — передразнил Славиша Саартан. Нет, день явно не задался. — Здесь, в смысле в Суушире, каждый второй дракон.

— Круто! А лечишься от чего? Напоролся на драконоборцев?

— В точку, — Саартан невесело усмехнулся.

Вот ведь какая несправедливость: Кофа считал, что вампиры — изменённые люди, а драконы — неугодные Творцу существа. Драконы же те ещё создатели, если разумные, целые цивилизации поднимают, искусством интересуются, культуру строят... Даже интуит создан на базе их языка!

— Ты знаешь, зачем я здесь? — спросил Славиш.

Он уже не казался напряжённым или озадаченным, сидел на койке спокойно и даже немного вальяжно.

— Без понятия. Но скорее всего, либо за преступления глобального масштаба, либо за особые таланты.

— А за то и за то — это вообще труба, да?

Саартан покосился на него. Только талантливых преступников ему не хватало! Хотя, кто сказал, что заниматься этим альбиносом должен Хранитель?

— Те монахи в балахонах, — Саартан подумал, что пока дел других у него нет, и можно позволить себе уделить внимание этому разноглазому. — Их было двое, да?

— Знаешь их?

— Это кураторы. Что-то вроде межмировой полиции и отдела кадров в одном лице. Точнее, обычно в двух лицах. Они работают парами... Тебя вырубил и притащил сюда? Вот так без объяснений?

— Ну да.

— Странно... И без предупреждений?

— Я их даже толком разглядеть не успел! Какие тут предупреждения?! Я! Не успел! В

своём родном мире. Нонсенс!

Бахвалиться? Вряд ли, учитывая то, что кураторы даже права зачитать ему не сочли безопасным. Или как там у них называется разъяснение задержанным положения дела?

— Этот мир — тюрьма? — спросил Славиш.

— Да нет. Скорее полигон для новобранцев. Думаю, тебе хотят предложить здесь работу. Сообразную твоим навыкам.

— Тогда это сожрать кого-нибудь. Потому что я — охотник за головами. Профессиональный.

Славиш замолчал, очевидно, ожидая реакции. Саартан же задумался, кому и для чего здесь может понадобится профессиональный охотник за головами? Да ещё способный сожрать своих жертв. Лэуорд и сам кому хочешь голову оторвёт, Фаарха слишком миролюбивый, чтобы нанимать убийцу. Интересно...

— Я вот чего никак не пойму, — снова заговорил Славиш. — Если меня грубо выдернули с Земли, чтобы предложить мне работу... ну, грубо выдернули и сразу сюда закинули — это понятно, почему. Чтобы я отказаться не смог. А вот нафига ко мне вас двоих присылать? Тётку какую-то невразумительную и её же пациента. Это же... да бред это!

— У целительницы дом — нейтральная территория в Норвантере, — Саартан оторвался от собственных размышлений о странности ситуации. — Да и во всём Суушире, пожалуй. Не знаю, почему. Так уж сложилось. И тут всё бред, привыкай. К ней, к Дейдрде в смысле, ещё и боги в гости заходят. Её дом находится как бы между Светлой Гильдией и Тёмной Лигой, и как бы вне всей политики в мире. Поэтому большинство новичков попадает именно сюда. Я о тех новичках, в которых заинтересована одна из противоборствующих сторон. Или даже боги. Или ещё кто покруче.

— Это кто может быть покруче богов-то?

— Глава Высшего совета кураторов может, — Хранитель улыбнулся. — Боги-то местные и локальные, а этот — вездесущий.

Дейдрде выпустила их только к обеду, заручившись уверением Хранителя в том, что новый постоялец хоть и опасен, но адекватен и, к сожалению целительницы, абсолютно здоров. Времени пообщаться у дракона и вампира было предостаточно. К тому же Славиш говорил много и охотно, в основном о своих разносторонних талантах. Выглядело это как хвастовство, но на деле было скорее заполнением анкеты потенциального работодателя. Да, мол, образование такое-то, курсы прошёл там-то и такие-то, умею то, сё, пятое, десятое. Уверен, что пригожусь. Любопытно, что домой Славиш нисколько не рвался. Говорил, что жизнь у него хоть и не бесконечная, но долгая достаточно для того, чтобы при желании отыскать путь на Землю.

— Кто его всё-таки сюда отправил? — спросил Саартан у целительницы, когда они проводили нового постояльца в комнату в левой половины первого этажа гостиницы.

— Лига, — Дейдрде пожала плечами. — А в ней пополнением рядов тёмных занимается Мирэной.

— А за Мирэной стоит Лорд, — подытожил Хранитель. — Вы бесстрашная, знаете об этом?

Целительница изумлённо воззрилась на него и даже коснулась лба тыльной стороной ладони, чтобы проверить — нет ли температуры?

— Это не комплимент, — Саартан раздражённо отмахнулся. — Этот Вега — кровосос,

наёмный убийца со всеми вытекающими чертами характера. А вы полезли к нему в камеру, как к безобидному котёнку.

— В палату, — Дейдрде подбоченилась. — Не в камеру, а в палату. И там блокиратор. А ещё ты даже не представляешь, насколько быстро Альбер может оказаться рядом. Или его Тени. Я ведь знаю, что он давно приставил ко мне безликую охрану. Не могут мужчины без этого!

Альбер, муж целительницы, — это страшно, да. Просто вспоминать его как-то боязно, а тут выяснилось, что он в любую секунду может оказаться у тебя за спиной...

— Зная вас, я бы на его месте обзавёлся в собственности необитаемым островом.

— Да у него в собственности — Девятая Луна! Целиком! А толку? — Дейдрде усмехнулась. — А на острове я бы с тоски умерла, препарирую дохлых рыбёшек и жуя кокосы. Да и жарковато там для Альбера, солнца много.

— Остров в вашем воображении отличается от моего, — Саартан тоже усмехнулся. — И в моём варианте я бы спасал не вас, а от вас.

Взгляд Дейдрде стал нехорошим. Недобрый и опасно задумчивым.

— Энурез нашла, — буркнула она, крутанулась на пятках и зашагала ко входу в тоннель.

Может, подумал Хранитель, догнал хозяйку дома и пошёл с ней рядом.

— Это от того, что я прекрасно себя чувствую, а вы не верите, — негромко сказал Саартан. — Язвительность от безвыходности.

— Да знаю я, что ты здоров, — неожиданно дружелюбно отозвалась целительница. — Но ты и человек, и дракон, а твоя кровь говорит, что ты — ни то и ни другое. Я с таким впервые сталкиваюсь. Экспериментировала, разбиралась.

— Я догадывался, что у вас ко мне повышенный интерес, но экспериментировать за спиной — это же аморально!

— Для твоей же пользы экспериментировала. Вдруг ранят тебя, а я ничем помочь не смогу, потому что не знаю реакции твоего организма на те препараты, которые у меня имеются.

— Ах, вот оно что... Так могли бы просто предупредить!

— Да? И ты бы добровольно подопытным стал?

— А... хм.

— Вот то-то же.

В дом вошли молча. Саартан замялся на пороге, не зная, куда ему идти. Вроде бы Дейдрде признала, что он не болен, значит, в палату возвращаться не обязательно. А больше было некуда.

— Если тебе заняться нечем, — обернулась на него целительница, — могу задание дать. Неоплачиваемое, специально для бездельников. Но с занесением плюсика в личное дело. Ну?

— Можно его сперва озвучить, уважаемая целительница? — осторожно спросил Хранитель. — Задание?

— Какие мы подозрительные, — Дейдрде хмыкнула. — Нужно отнести в Лигу партию зелий. Забрать за них оплату. И заодно выяснить, кого они нам в этот раз подкинули, чем его кормить, раз он вампир и всё такое. Возьмёшься?

— Звучит интригующе, — Саартан подпёр плечом косяк дверного проёма и скрестил руки на груди. — Захватывающее приключение мальчика на побегушках!

— Ну как хочешь!

— Это было да.

Михей старался не шуметь, но Файлэнг всё равно проснулся. Открыл один глаз, сверкнул им на замеревшего мальчишку, недовольно заворчал и откинул одеяло. Сел на кровати, втянул ноздрями воздух.

— Пф-ф! Ты опять от змея! — Файлэнг сморщился и чихнул.

— Тише ты! — зашипел на него Михей. — Это же тайная встреча!

— Кот всё равно не спит.

— Спит. Я поэтому и слинял. Сон у герти глубокий, как кома, — Михей побряхтел, стаскивая с себя майку, охнул, неудачно вывернув руку.

Файлэнг глянул на него крайне неодобрительно.

— Твой учитель — Ньярхайд, а не Фаарха, — сказал он, разглядывая сизые и багровые синяки на спине и боку мальчишки. — Кота очень задевает то, что ты бегаешь к главе Совета.

— Кот мой учитель, это так, — Михей справился с майкой и размышлял, стоит ли снимать штаны. Под ними дело обстояло ещё хуже, а сменить одежду усилием воли уже не представлялось возможным. — Но когда на тебе нет воспитательной ответственности, ты можешь дать больше. У нас с Шу совсем другие... хм-м... уроки.

— Змей снова тебя муштрует для незаконных дел, я уверен. Что вы задумали украсть на этот раз? Древо?

— В прошлый раз мы не крали, а реквизировали, — Михей хитро улыбнулся. — Никто не справился бы лучше меня, а формально я ещё не куратор, так что на Высший совет тень бы не легла. Ну, разве что, самая прозрачная... Постой! Что ты сказал?

— Э-э-э... — Файлэнг досадливо проводил внутренним взглядом остатки сна в сознании. — Глухой что ли? Я сказал, что ваши дела не законны.

— Нет, потом! — Михей слишком шустро для усеянного синяками ученика забрался к нему на кровать. — Украсть Древо?

— Это я к слову... Эй! — Файлэнг нахмурился и быстро отполз от него подальше. — Ты о чём задумался, плут?!

— О том, что украсть Древо — звучит как вызов, — промурлыкал Михей с мечтательным выражением лица. — А ещё о том, что плут — хороший позывной. Как Кэп, например.

Михей не мог уснуть весь остаток ночи. Файлэнг долго ворчал и ругался, требовал выкинуть идею кражи Древа из головы, но потом успокоился, признав бесполезность каких-либо доказательств и требований. Он забрался с головой под одеяло и вскоре сонно засопел. А Михей думал. Нет, не о том, что украсть Древо даже теоретически невозможно. Это же целая система миров! Всё равно, что попытаться спрятать в карман Вселенную, причём не одну. Нет, Михея это волновало в самую последнюю очередь. Раз есть объект, значит — есть куда приложить силу. Всего лишь техническая сторона вопроса. А вот как проверить всё это под носом у главы Совета так, чтобы при этом не подставить ни его, но Кота — самая трудная часть ещё не созревшего, но уже появившегося в зародыше плана.

Бывает же такое, что в голову забредёт совершенно безумная мысль, и ты, как ни

старайся, никак не можешь от неё избавиться. Кажется, у нормальных людей это называется «навязчивая идея». Ну зачем, скажите на милость, кому-то может понадобиться красть Вселенную?! Конечно, есть такие суперзлодеи, которые пытаются захватить или уничтожить миры и звёздные системы, но в их действиях, как ни крути, присутствует смысл. Жажда абсолютной власти, месть или что-то похожее. А Михею зачем? Отличиться? Проверить собственные силы? Второе походило на правду. Да и первое, кстати, тоже. Удача Михея напрямую зависела от его веры в то, что он — лучший во всём, к чему прикладывает усилия. Как только лис начинал сомневаться в себе, на его голову тут же сыпались неприятности. От самых мелких, незначительных, но раздражающих, до крупных и почти глобальных. А как тут поделишься своим везением с другими, с Саа, например, если у самого не всё ладно?

В последнее время Михею ни то, чтобы не везло, но и не фартило. Личное обаяние давало сбои, договариваться получалось не всегда, нравиться всем и втираться в доверие — так вообще через раз. Михей связывал это с близостью нага. У того с Судьбой и Фортуной были отношения если не родственные, то уж точно дружественные. А Шульга с исчезновением Хранителя переключил всё своё внимание на Михея. Удачливость нага и лиса настолько разнилась, что дело дошло до конфликта интересов. Это как одна звезда, более яркая и более крупная, затмевает своим светом другую: свет-то вроде один и тот же, да и от двух звёзд должно становиться светлее, а не темнее. Не становилось. К тому же, Михей чувствовал, что привязывается к главе Совета, а это вообще хуже некуда. Привязанность — это слабость. Если быть честным, то Михей и Хранителя-то отослал от себя подальше больше потому, что испугался проникающей всё глубже в сердце связи. Непонятной, ненормальной связи. Уже даже зависимости.

Поэтому нужно было как-то вернуть себе былую высокую самооценку. И сделать то, на что не способен даже Фаарха. Да вообще никто не способен! Мир внутри лиса огромен. Менкар в своё время не знал границ. Пихай в него всё, что только душе угодно! Но не другие миры же...

Опять же, как впихнуть невпихуемое — это техническая сторона вопроса. Как не обидеть Кота — вопрос куда сложнее. Шу-то поймёт со временем. И простит. Наверное. Он и похвалить может — до сего момента выходки лиса его забавляли. А вот гerti — злопамятный и закаменевший в своём представлении о том, что хорошо, а что плохо. Вряд ли он одобрит план украсть Древо, пусть даже самое маленькое и зачахшее. Или даже росток. Или... О! Семя!

Михей соскочил с кровати, покривился, когда перетруженные мышцы протестующе заныли, быстро оделся.

— Ты куда? — сонно спросил Файлэнг из-под одеяла.

— Побегать, освежить голову. Я, кажется, понял, как заполучить Древо, Фай.

— Как?

— Вот смотри, — Михей возбуждённо заходил по комнате. — Мир созревает и отваливается от Древа, так? Падает в Шельяар и со временем разрушается. Из нег прорастает новое Древо. Если ускорить процесс разрушения, собрать высвобожденную распадом энергию, то её хватит на то, чтобы извлечь семя Древа из мира до того, как оно прорастёт! Когда запускается процесс разрушения, в мире обычно уже нет никого, кто мог бы пострадать от внешнего воздействия. Так что я просто приду и возьму то, что мне надо! Круто, да?.. Фай?

Волк спал. Михей разочарованно выдохнул. Как можно заснуть, когда тебя посвящают в

такой великий план?! Михей обиженно тряхнул волосами и тихо выскользнул за дверь.

Файлэнг проснулся в отличном настроении. Он умылся, причесался, оделся в свой самый строгий чёрный костюм. Покрутился перед зеркалом, удовлетворённо кивнул своему отражению и вышел из комнаты. Сегодня важный день. Иватарн ждал Файлэнга на причале, чтобы отвести в Цитадель кураторов на экзамен. Сам экзамен — чистая формальность, он нужен только для официального вручения кураторского браслета. Одобрение и высокая оценка от учителя у Файлэнга уже есть, независимым экспертом выступил Ньярхайд, который тоже высоко оценил способности ученика. И всё же что-то тревожило волка, что-то противно скребло под рёбрами. Волноваться вроде бы повода не было. Что не так?..

Файлэнг понял причину своей тревоги на причале. Понял и ужаснулся. Остановился в нескольких ярдах от ожидающих его кураторов, размышляя, как поступить. Он вспомнил предрассветный разговор с Михеем о том, что тот собирался украсть Древо. И, судя по тому, что безумного лиса на причале не было, какое-нибудь гипотетическое Древо сейчас было в опасности. Вполне реальной. Ведь Михей — больной на всю голову, и уж если какая бредовая идея поселится в его мозгах, то он обязательно возьмётся воплощать её в жизнь.

Кураторы переглянулись.

— Фай, ты что-то забыл? — спросил Иватарн.

— Я...

Что им сказать? Файлэнг Михея другом не считал, но они уже два года выходили на совместные миссии плечом к плечу. Выдать его сейчас было бы предательством.

— А где Михей? — вместо ответа спросил Файлэнг.

— Должен быть с тобой, — Иватарн озадаченно огляделся. — Вы же с ним в одной комнате живёте. Он не приходил ночевать?

— Фаарха улетел на рассвете, — Кот раздражённо дёрнул щекой. — Прохвост, наверное, побежал его провожать. Мог даже улететь с ним.

— Кот, он тебя любит, — Иватарн ободряюще улыбнулся напарнику. — И щадит твоё самолюбие, как умеет. Предупредил бы.

— О чём? — запыхавшийся Михей свалился, как показалось, с неба.

Файлэнг окинул взглядом причальную мачту. По ней что ли лазил?..

— О том, что если бы ты захотел улететь с Фаархой, сказал бы мне, — холодно отозвался Кот и поджал губы, точно обидевшись на то, чего ещё не случилось, но что могло бы быть.

— Я бы не улетел от тебя, учитель! — Михей расплылся в улыбке, подошёл к нему и мягко коснулся его плеча. Кот машинально отдёрнул руку, отчего Мих заулыбался ещё шире. — Шу другой, он с тобой не сравнится.

— Шу! Тьфу! — Кот фыркнул и отвернулся. — Фамильярность.

Файлэнг уже научился понимать, что «злой вампир» и «злой на лиса вампир» — это два разных Кота. Второй злился как бы понарошку, для видимости. Как сейчас.

— Что ж, — Иватарн хлопнул в ладоши. — Раз уж все нашлись и со всем разобрались, может уже вылетим? Иначе опоздаем на экзамен.

Файлэнг кивнул и подошёл к своему учителю ближе, чтобы они вдвоём смогли переместиться на Гальциону.

«Спасибо, что не сдал», — пришёл от Михея мысленный импульс.

«Сочтёмся», — отозвался Файлэнг.

— Как всё прошло? — Кот открыл дверь раньше, чем напарник постучал в его кабинет.

— Фай — куратор, — Иватарн шагнул через порог и обнял его. — Представляешь?

— Очень даже. Давай без нежностей, — Кот раздражённо вывернулся из его рук. —

Будешь... э-э-э... у меня только виски.

— Наливай.

На столе стояло два бокала: один наполовину полный, как и бутылка рядом, другой — пустой. Кот ждал Иватарна весь вечер и, наверное, переживал. Он налил виски в пустой бокал до краёв и протянул напарника.

— За твоего второго ученика, — Кот себе доливать не стал.

— Первого, — Иватарн принял бокал из его рук, чуть поднял и улыбнулся. — Ты не был моим учеником.

— Это как посмотреть.

— Не спорь, — Иватарн звякнул своим бокалом о бокал Кота.

Кот хмыкнул и уселся в кресло. Напарник по своему обыкновению примостился рядом на подлокотнике и приобнял его за шею.

— Заметил? — спросил Иватарн, шевельнув пальцами на плече Кота. — Михей пытается тебя приручить.

— Ты о чём?

— Он касается тебя всякий раз, когда льстит или говорит что-то приятное. И ты уже отдёргиваешь руку с запозданием.

— Разве?

— Да-а... — Иватарн понюхал виски, поморщился. Подумал немного и сделал маленький глоток. — А ещё ты рядом с ним чаще улыбаешься.

— Чаще, чем с тобой?

— Намного, — Иватарн отставил недопитый бокал на стол. — Он хорошо на тебя влияет.

Браслет на его руке недовольно пискнул. Куратор глянул на него и вдруг вскочил.

— Что случилось? — Кот поднялся следом.

— Михей! — Иватарн яростно зарычал. — Он снова угоняет Гальциону!

С Михеем они столкнулись в парадной. Иватарн налетел на него, сгрёб за грудки и приподнял над полом.

— Ты! — прорычал куратор и тут же растерянно опустил мальчишку обратно на пол. — Не понял...

— Чего не так? — Михей испуганно заморгал.

— Если он тут, — Кот изогнул бровь, — то кто угоняет корабль?

— Кто угоняет Гальциону?! — эхом повторил Иватарн и снова сжал кулаки на рубашке Михея.

— А я почём знаю?! — Михей зажмурился. — Пусти!

— Говори, паршивец!

— Да не знаю я!

— Давай, я попробую, — Кот мягко высвободил ученика из рук напарника, наклонился к нему, заглянул в лицо. — Открой-ка глазки, лисёнок.

Михей приоткрыл один глаз:

— Ну, Ко-о-от!

— Кто угоняет папин корабль?

— Ну-у-у...

— Ты обещал быть со мной откровенным.

— Так не честно!

— Да он время тянет! — Иватарн схватился за голову. — Я в ангар готовить катер.

— У вас ещё корабли есть?! — Михей открыл второй глаз и проводил взглядом убегающего куратора.

— Сюрприз, — насмешливо сказал Кот, крепко взял его за шиворот и потащил следом за напарником. — Рассказывай. Ты снова взломал навигатор?

— Нет...

— А что тогда? Мих, я всё равно узнаю.

— Ладно! Отпусти, я сам пойду, — Михей поправил рубашку, когда куратор разжал пальцы, надулся и сказал: — Гальциону угнал я. То есть, не совсем я. Но я. И я верну!

— Да я не сомневаюсь, — Кот усмехнулся. — Научись уже спрашивать разрешения у Ива, он же страшно переживает. Что на этот раз?

— Не могу сказать.

— Мих...

— Кот, не проси! Я расскажу, но не сейчас! Это важно!

— У тебя всё важно.

Михей и Кот подошли к ангару как раз в тот момент, когда из него выплыл серебристый остроносый катер. Иватарн не стал церемониться, и переместил их на борт прямо на ходу. В тесной кабине Михей оказался зажат между кураторами так, что дышать тяжело стало.

— У меня для вас есть срочная информация, — он заёрзал, пытаясь устроиться поудобнее.

— Ну? — рыкнул на него Иватарн.

— Я придумал себе позывной.

Иватарн наклонился вперёд и принялся шёпотом считать с десяти до одного. Кот тихо рассмеялся.

— Я бы пожалел тебя, Ив, но как-то... позлорадствовать хочется, — весело сказал он и склонил голову к ученику. — И какой позывной?

— Плут.

— Идеально!

— Ты лучше скажи, куда нам лететь! — прошипел закончивший отсчёт Иватарн. — Гальциона исчезла с радаров. Исчезла! Со всех! Радаров! А я пять разных маячков на неё установил. Пять! Разных! О которых ты знать не должен!

— Наверное, я запустил программу поиска нового оборудования, — пожал плечами Михей, опасливо косясь на разъярённого куратора. — Корлион чувствителен ко всему инородному же. Но точнее сказать не могу. И куда я лечу, тоже не знаю.

— Как это так?!

— Я угнал Гальциону до того, как решил, куда направлюсь.

— Что это значит?!

Иватарна начало потряхивать, и Кот протянул за головой Михея руку, чтобы положить ладонь напарнику на затылок. Катер был маленьким и не рассчитанным на троих пассажиров в кабине, двигаться лишний раз было чревато ушибами и затёкшими впоследствии конечностями. Прохлада рук герти подействовала успокаивающе, и Иватарн шумно выдохнул.

— Так что это значит?

— Гальциону укр... — Михей запнулся и поправился: — Одолжил мой клон.

Иватарн застонал, а Кот закатил глаза. Серебристый катер покинул пределы мира и растерянно повис в Пустоте.

Приёмная в Лиге была. Имелся в ней даже секретарь, как полагается. Но пользовались ею только для того, чтобы предложить посетителям подождать в ней, пока их не пригласят куда-нибудь ещё. Например, в личные покои Мирэноя. Секретарь — низкорослое серокожее существо, отдалённо напоминающее человека — указал Саартану на стул, закатил глаза, застыл на пару секунд за стойкой, затем отмер и, не успев Хранитель присесть, объявил:

— Господин Вхэнлеттервэйт скоро будет у себя и просит вас подняться к нему сию минуту. Это вверх по лестнице на предпоследний этаж и прямо по коридору в северную.

— А лифта у вас нет? — полушутя-полусерьёзно спросил Саартан.

— Есть, — серокожий выпучил на Хранителя круглые влажные глаза и растянул губы в подобии улыбки, отчего стал похож на лягушку. — Но у него трафик высокий.

— И?

— И вверх по лестнице на предпоследний этаж прямо по коридору в северную.

Хранитель возвёл очи горе и, в который раз вспоминая, что день явно не задался, поплёлся на самый верх высоченной башни. Пешком. С покаями Мирэноя он не промахнулся. На предпоследнем этаже других попросту не было. Короткий коридор упирался в двустворчатые белоснежные двери из материала, напоминающего кость (а может, и из кости), украшенные барельефом с изображением двулапых драконов с шерстью вместо чешуи. Саартан подивился нелепым созданиям, поудобнее перехватил коробку со звякнувшими в ней пузырьками зелий и постучал. Ему никто не ответил, зато дверь сама собой приоткрылась. Помедлив, Хранитель толкнул створку и вошёл.

— Господин Вхэнтер... Вхэнтлер... Господин Мирэной?

Саартана раздражало, что все в Суушире обращаются друг к другу на вы и зовут господами. В сочетании с непроизносимой фамилией это звучало вычурно. Спасало лишь то, что можно было легко сочетать «господин» с именем и даже с прозвищем.

— Есть кто? — Саартан огляделся.

Апартаменты Мирэноя выглядели богато для простого лиговского офицера. Правда, Хранитель понятия не имел, какая в Лиге воинская система и есть ли она вообще. Вполне могло быть, что звания и титулы присуждались бессистемно. Учитывая, что Лигой правит Тёмный Владыка... Но брат Лэуорда без сомнений привык к роскоши: об этом говорило всё, начиная от мебели и кончая шпалерами с гербами на стенах.

Так и не дождавшись ответа, Саартан поставил коробку с зельями на ближайший столик, прошёлся по комнате и остановился перед гобеленом с замысловатым вензелем и всё теми же белыми мохнатыми недодраконами по бокам. Заложил руки за спину, разглядывая герб.

— Это нелекреанская виверна. Символ королевского дома Вхэнлеттервэйт.

Саартан вздрогнул и обомлел. Замёрз разом, парализованный с головы до ног, словно его превратили в лёд колдовством. Сердце Хранителя подпрыгнуло в груди, гулко упало куда-то в пятки и беспомощно затрепыхалось там, замирая. Этот голос он помнил. Низковатый, бархатный, чуть печальный и самую малость надменный.

— Раз, два, три, четыре, пять. Вышел зайчик погулять... Глупый кролик...

Как она вошла так тихо? И подошла совсем близко...

— Вы к Мирэноу?

— Да... — выдавил из себя Саартан.

«Да» получилось хриплым и неуверенным. Хранитель не оборачивался, застыл с заложенными за спину руками, прямой, как палка. По его напряжённой спине поползли мурашки, когда эльфийка обошла его и заглянула ему в лицо.

— Что с вами? — спросила Септемберель. — Вам плохо?

— Да... нет...

— Воды?

Хранитель совладал с собой, кивнул, отворачиваясь и пряча глаза. Янтарный цвет глаз Дафтраана уже полностью сменился на красный, менкарский ободок занял своё законное место вокруг радужки. Но Саартан отвернулся не потому, что боялся, как бы эльфийка его не узнала. Он просто не знал, что делать. Всё это время Хранитель думал о Септемберель, неоднократно прокручивал в голове разные сценарии их встречи, но... всё вышло как-то неожиданно. Идя в Лигу, он совсем забыл, что вампиршей... нет, вампирессой. Что вампирессой занимается брат Лэуорда.

Септемберель отошла. Саартан облегчённо вздохнул. Медленно повернулся, взглянул исподтишка на склонившуюся над столиком эльфийку. Строгое элегантное платье в неброских тонах, изящные украшения под серебро (вряд ли это было оно) с прозрачными камнями, аккуратно собранные в сложную косу длинные волосы. Движения плавные, аристократичные и... живые. Вампиресса казалась живой! То есть, она и была живой, но... Румянца на щеках раньше точно не было!

Саартан метнул взгляд в пол, когда Септемберель снова подошла к нему и протянула высокий стакан с водой.

— Здесь слишком душно, — сочувственно произнесла она.

В комнату, на ходу одёргивая рукава сорочки, быстрым шагом вошёл Мирэной. В отличие от вампирессы, которой полагалось быть бледной и нервной, но какой она не была, брат Лэуорда выглядел больным. Глубоко запавшие глаза, тени под скулами, нездоровый сероватый цвет кожи, усталый взгляд, дёрганные движения. Саартан прищурился, заметив лёгкий шарф на его шее. Она пьёт его?! Очень на то похоже...

— Вы от госпожи целительницы? — спросил Мирэной.

Он подошёл к Септемберель, поцеловал её в щёку и что-то шепнул на ухо. Та улыбнулась, опустила ресницы, кивком попрощалась с Хранителем и вышла из комнаты. Хранитель так и не услышал её шагов.

— От... неё, да, — Саартан залпом осушил стакан с водой, громко прочистил горло. Что это могло показаться здесь, среди роскоши и королевских регалий, неприличным, он не озаботился. — Зелья. Она просила их отнести и забрать оплату. Ещё уточнить о Славише Вега. Чем, точнее кем здесь кормят вампиров?

Вопрос Хранитель произвольно задал язвительным тоном, каким обычно разговаривал с Дейдре. С прозвучавшим в нём вызовом. И в сочетании с брошенным на шарф Мирэной многозначительным взглядом. Мирэной заметно помрачнел, но на провокацию не отреагировал.

— Славиш не совсем вампир, — сказал он немного рассеянно. — Кровь ему нужна только для того, чтобы пользоваться силой и не стареть. В остальном Вега всеядный. В полном смысле этого слова. Хоть кирпичами его кормите. Но где можно поохотиться, я вам

покажу. Вы же — дракон, господин Саартан?

— А это тут причём?

— Вам не нужно время от времени разминать крылья и держать рефлексы в тонусе?

— Эм... не думал об этом.

— Так вот подумайте. А раз уж вы знакомы с Вегой, я объединю вас в один отряд.

— Отряд? Из двух чел... из двоих бойцов? И вообще, боевой отряд?

— Нет, как в детском лагере. Будете ходить за ручку и присматривать друг за другом.

Хранитель замолчал и встретился взглядом с холодными глазами Мирэной, в которых не было ни намёка на шутку.

— А если я откажусь? — после паузы спросил Саартан, начиная злиться.

— Лига перестанет платить за вас Дейдрре. И вы лишитесь её протектората.

— Чьего? Лиги или целительницы?

Мирэной не ответил. Сказал вместо этого:

— Я направлю к вам... вожатого. Будь готовы отправиться на полигон сразу по его прибытию. У меня к вам всё, господин Саартан, можете быть свободны.

Хранитель яростно раздул ноздри и сжал кулаки. Да этот мальчишка издевается над ним! И не скрывает этого! Мирэной окинул его бесцветным взглядом, задержался им на сжатых кулаках и вопросительно поднял бровь:

— Хотите что-то добавить?

— Нет, — процедил Саартан, еле сдерживаясь, чтобы не врезать этому белобрысому офицеру по наглой аристократической физиономии. — Всего... доброго.

— И вам, — Мирэной вежливо и холодно улыбнулся. — Оплату за зелья занесёт Мицу.

В дом целительницы Саартан вернулся в отвратительном настроении. Бросил с порога вышедшей ему навстречу Дейдрре что-то вроде: «Отцепитесь от меня все, видеть вас не могу!», только в более грубой форме и сразу свернул в подземный переход. Споткнулся о порожек на входе, пнул его со всей дури. Больно ушиб палец на ноге, зашипел от злости, облокотился на стену и ткнулся в неё лбом. Да что за день такой?! Сперва целительница со своим упырём, потом проклятая Лига с её высоким трафиком лифта, высокомерный брат Лэуорда... Септемберель, которая пьёт его. Хрен с ним, с Мирэным, его не жалко. Но когда добровольно отдаёшь свою кровь — это очень интимный процесс. Хранитель помнил, как замерзали его вены под клыками, и как вместе с этим смертоносным морозом растекалось по телу блаженство. Боль и удовольствие, замешанные на крови... замешанные на том, что один дарит часть себя, а второй принимает и благодарит, растворяя, пусть и ненадолго, в чувстве абсолютного счастья. Эйфория, сладкая смерть, которую желаешь всей душой, как говорил Михей.

— И он проникает в неё всё глубже с каждой отданной каплей крови, — пробормотал Саартан.

— Кто?

Дейдрре стояла за спиной, невинная, как ангел. Да что же они все подкрадываются-то?! Нужно перестать постоянно витать в собственных мыслях...

— Я же сказал, что никого видеть не хочу, — Саартан устало потёрся лбом о шершавую стену.

— Я слышала, — целительница подошла почти вплотную.

Одна в тёмном переходе с очень злым драконом. Бесстрашная женщина. Когда-нибудь

Альбер может и не успеть прийти ей на помощь...

— И что не понятного? — хмуро спросил Саартан.

— Ты мне не отдал деньги за зелья.

Хранитель резко развернулся. Дейдрре отшатнулась, но тут же встала в свою боевую позу, подбоченившись и выставив подбородок, точно собираясь отстаивать в споре свои интересы.

— Что, серьёзно? — Саартан вскинул брови.

— Отдать зелья — забрать оплату. Всё просто. Но если честно, мне нужен был предлог, чтобы узнать, что тебя так расстроило.

Вид у Дейдрре снова стал невинным.

— Вот только в душу ко мне лезть не нужно! — Саартан поморщился.

Отвернулся от целительницы и зашагал по тоннелю в сторону гостиницы.

— Душевная рана — та же рана, — сказала ему в спину Дейдрре. — Её надо лечить.

— И всем постояльцам вы оказываете психологические услуги? — не останавливаясь, спросил Саартан.

— Да. Раненые в душу умирают чаще самых тяжелобольных. Потому что перестают бороться. Никакими зельями их не отпоить, случись что в бою. Адохлые пациенты портят репутацию.

Саартан всё-таки остановился. Обернулся на Дейдрре. В последнее время он перестал понимать разницу между шуткой, издёвкой и правдой. Вот сейчас что было?.. Целительница воспользовалась замешательством и догнала его.

— Так что случилось-то? — спросила она и всё с тем же невинным выражением лица добавила: — И где деньги?

Узнав, что деньги принесёт некий Мицу, Дейдрре ужасно обрадовалась.

— Он такой хороший мальчик! — сказала она Саартану и Славишу, сидящим за одним столом друг напротив друга, разливая им чай. — Жалко, что некромант. Лига совсем его испортила!

Целительница наклонилась к Хранителю и доверительно шепнула ему на ухо:

— А Мирэноя я сама недолюбливаю. Не обращай на него внимания. Положение обязывает его нос задирать.

— Но ведь у Лорда выше статус, — Саартан подозрительно понюхал чай в своей кружке, поймал укоризненный взгляд Дейдрре и притворился, что наслаждается ароматом. — А он тактичный, дипломатичный. Как сказал один мой знакомый, с ним приятно иметь дело. Они точно братья?

— Они... — целительница замялась. — Славиш, тебе сколько сахара?

— Пять, — Славиш осветился улыбкой.

— Пя-ать? Ложечек?

— Ага. Кружка большая же.

Хранитель пронаблюдал, как хозяйка дома скрупулёзно стряхивает сахар с ложечки, чтобы не было горки, усмехнулся. Нет, целительница не была жадной. Она была практичной.

И умудрялась одарить своей заботой и соответствующим уходом всех своих постояльцев и пациентов.

— Что не так с братьями, госпожа целительница? — переспросил Саартан. — Мирэной — внебрачный сын Лорда, и тот выдаёт его за брата?

— Что значит, внебрачный?! — возмутилась Дейрдре. — Намекаешь, что Лорд ходил налево, будучи женатым на мне?

— Сколько ему лет? Веков? Без обид, но вы же понимаете, что женщин до вас у него могло быть до черта и ещё вагончик.

Целительница хмыкнула и уселась за стол с краю. Высыпала в блюдечко извлечённые откуда-то из подола фартука печеньки и конфетки, подвинула это блюдечко в центр стола. Славиш, не дожидаясь разрешения, сгрёб себе сразу целую горсть сладостей и принялся громко ими хрустеть, поглядывая на своих собеседников.

— Мне приятно думать, что я у него — единственная, — сказала Дейрдре, меланхолично макая печенку в чай. — Не разрушай мои иллюзии своим прагматизмом. Мне в них хорошо. А Мирэной... там всё сложно. Однажды...

Целительница собралась рассказывать историю, и Саартан со Славишем, не сговариваясь, подняли свои чашки с чаем и откинулись на спинки стульев, устраиваясь поудобнее. Дейрдре глянула на них, вздохнула:

— Мальчишки никогда не вырастают... Ладно. Так вот. Лорд, точнее — Лэуорд, очень старый джинн. Он давно живёт в Суушире и в своё время много странствовал по миру. Учился тому, сему. Джинны же, они любят учиться. Их миссия — собрать все возможные знания о мире, овладеть всеми ремёслами, выучить все языки и повадки разумных существ. И стать лучшими во всём, Мастерами над Мастерами...

— Это же офигеть как долго! — воскликнул Славиш.

Саартан через стол кинул в него конфетой и шикнул. Славиш ловко поймал конфету и послал Хранителю ослепительную улыбку.

— Они терпеливые, — ответила Дейрдре. — В отличие от некоторых.

— Продолжайте, госпожа целительница, — вежливо попросил Саартан.

— Хм... На чём я остановилась? Ах, Мастерами над Мастерами. Да. Так вот. В мирах джинны рождаются почти нормальными людьми, с нормальным набором эмоций. Обычно они учатся эти эмоции контролировать, но Лэуорд поступил кардинальнее: он от них избавился. Вынул из себя всё то, что мешало ему познавать мир абстрагировано, и воплотил в Мирэное. Мирэной — часть Лорда, но сам по себе он — человек, воздушный маг, генерал Лиги и наследный принц Нелекреана.

— Охренеть! — не удержался Славиш.

— Да уж, — поддержал его Саартан. — Не удивительно, что он такой... какой есть. А госпожа Септемберель?

— А что госпожа Септемберель? — откликнулась довольная произведённым впечатлением целительница.

— Кто она?

— Она его жена. Высокородная эльфийка, очень эффектная женщина.

Саартан уронил печенку в чай. Жена? Сердце Хранителя больно сжалось. Жена... А что ты хотел? Ей две тысячи лет, она действительная эффектная, высокородная и безумно красивая. Думал, Септемберель будет ждать какого-то задрипанного недофизикане-недодракона, которого она и видеть-то видела пару раз в жизни. В камере. В состоянии

безумия. Когда есть генералы и наследные принцы вокруг.

— Что с тобой? — Дейдрре по привычке потянулась пощупать его лоб.

— У него, кажется, сердечный приступ, — сказал Славиш. Указал на своё ухо и объяснил: — Я слышу, точнее, теперь не слышу его пульс.

— Сердце остановилось?! — целительница вскочила со стула и кинулась к Хранителю.

— Это... — Саартан, морщась, попытался отстраниться от рук Дейдрре. — Особенности организма. Я сегодня перенервничал.

— Дай посмотрю! — Дейдрре цепко схватила его за запястье. — Тебе лечь надо!

— Пусть тут остаётся, — Славиш кивнул в сторону своей спальни. — Я всё равно ночью не сплю.

— Ну-ка подсоби! — целительница поднырнула Хранителю под руку.

— Да всё нормально! — Саартан зыркнул на тотчас возникшего рядом с ним Вега — Я сам могу идти!

— Не спорь!

Саартан шумно, с прычком, выдохнул и сдался.

Неспящий по ночам вампир и так и не сумевший заснуть дракон проболтали до рассвета. Этот Вега оказался неплохим парнем. Болтливый, немного шизанутым и не сомневающимся в своей крутости, — этим он сильно напоминал Хранителю Михея — но единственным, кто казался Саартану нормальным здесь, в Суушире. Да, у вампира есть особняк. Да, он торгует оружием. Да, он наёмник, причём — охотник на нечисть. И да, как и сказал Мирэной, он не совсем вампир. Но это было Саартану ближе, чем проглоченные хаимы, избавляющиеся от эмоций джинны и кармические воплощения одного конкретного нага.

— Наш мир захватили мирты, — рассказывал Славиш. — Бестелесные, мы их называли, призраки. Когда они пришли, то были дружелюбными. Но ты же знаешь людей? Им всё чуждое — угроза. Началась расовая нетерпимость, война на уничтожение. Мирты узнали, что такое агрессия, а они очень быстро учатся. Что твои джинны. Ну и начали вселяться в людей. И хрен ты мирта от человека теперь отличишь, тут нюх нужен. И люди, эти безмозглые расисты вспомнили о вампирах.

— Герти? — спросил Саартан, подкладывая подушку под лопатки.

— Кто?

— Вампиры как раса — это герти. Нет?

— Да я как-то историей семьи не интересовался, — Славиш почесал лоб. — Может и герти. Но у нас вампиров называют кровами. У кого-то губы отморозило, и он слово «кровь» выговорить не смог. Знакомишься такой: привет, я — кров. Как-то по-дурацкому звучит, да?

— Скорее всего, твой с отмороженными губами не успел договорить. Что-то вроде: «Бегите! Там кров...ососы!».

Вега рассмеялся. Искренне и заразительно. Так, что Саартан тоже улыбнулся.

— Может и так всё было, — сквозь смех проговорил Славиш. — Один фиг мы — кровы. Короче, вампиры могли распознать миртов, начали сражаться бок обок с людьми. Мирты мутировали, и всем понадобились новые охотники на нечисть. Так появился я. С братом.

— У тебя ещё и брат есть?

— Ага, Милош. Близнец мой, только у него с глазами всё в порядке. И он не такой белый, как я. И его рождение ждали, а я выскочил из мамки: нежданчик! Думали, не выживу.

А он — вот он я, — Славиш погладил себя по белоснежным волосам и усмехнулся краешком губ. — Мы — полукровки. И кровы и мирты.

— Это поэтому ты всеядный? Белобрысый... прости, это я о Мирэное. Так вот он сказал, что тебя кирпичами кормить можно.

— Подозрительно много ваш Мирэной знает обо мне, — Славиш прищурился. — Я его уже заочно не люблю.

— Очно он тебе тоже вряд ли понравится.

— Ты на жену его запал, да?

— Что-что? — Саартан вскинулся. — С какого это перепугу-то?

— После слова «жена» Дейдрре ещё много слов сказала. А сердце у тебя дрогнуло именно на этом.

— А дрогнуло б на, скажем, трансформатор, то что?

— Не меняй тему.

— Ты сам сменил. Я про всеядность спросил.

— Я всё могу сожрать и переварить в *силу*. Сжигаю в себе, получаю энергию. Я ответил.

Валяй ты.

— Ни на кого я не западал, — Хранитель опустил подушку и улёгся на неё.

— Тогда я западу.

— То есть?

— Раз тебе всё равно, то я уведу её у этого вашего Мирэноя.

— Ха! — Саартан отвернулся к стене и натянул одеяло. — Попробуй.

— Но в постель затащу точно.

— Угу.

— Спорим?

— Нет. Уже светает, скорее всего. Я бы вздремнул хоть часок.

— Спи. И пусть тебе присниться, как я...

Хранитель старался не слушать, как Вега в красках расписывает, чем он собирается заняться с госпожой Септемберель. Не особо-то получалось, но пришлось ждать, пока красноречивый альбинос выдохнется. Не убивать же его из-за того, чего вроде бы нет. Из ревности.

Мицу оказался совсем мальчишкой. На вид — не старше пятнадцати-шестнадцати лет по человеческим меркам. И уже лейтенант. Конечно, годков-то ему могло быть как в два раза больше, так и в десять, но Саартана всё равно злил тот факт, что какой-то мелкий пацан будет им командовать. Мицу отдал деньги Дейдрре, приветливо пообнимался с ней, как давно не заходивший в гости любимый племянник, пощebetал с целительницей на кухне за чашкой чая и только потом пришёл знакомиться со своими подопечными. Вожатый, чтоб его! Мирэной точно издевается...

— Вот, держите, — Мицу протянул Славишу и Саартану по кольцу. — Это мгновенный портал в дом целительницы. Полигон считается тренировочным, но на нём легко могут убить. А это кольцо отправит вас к госпоже Дейдрре в случае смертельной раны и спасёт вам жизнь.

— А если нас, скажем, испепелят на месте? — Хранитель с сомнением разглядывал амулет.

— Есть несколько секунд на то, чтобы ухватить оборванную нить жизни, — Мицу

широко улыбнулся. — При условии, что от вас хоть что-то осталось.

— А, то есть может и не остаться. Отличная перспектива провести выходные.

— Зверомонстров выпускают по уровню воинов, так что шанс напороться на того, кто испепеляет взглядом, невелик.

— Зверо кого? — спросил Славиш. Он надел кольцо на палец и пару раз сжал и разжал руку, проверяя, не будет ли оно ему мешать. — Монстров?

— При Лиге есть Зверинец, — объяснил Мицу. — Мы там выращиваем разных опасных существ.

— А потом убиваете? — Саартан хмыкнул. — Жестоко.

— Это не охота, господин Саартан, — Мицу посерьезнел. — Это бой. На полигоне каждый имеет шанс победить. А зверомонстры кроме как убивать и калечить больше ни на что не способны.

— А жители города не против такого соседства?

— И Зверинец, и полигон находятся в другом измерении. Угрозы прорыва нет. И вот ещё что. За шкуру каждого зверомонстра полагается награда в один золотой. За уничтожение без трофеев — только очки, баллы. Чем больше очков, тем выше ваш рейтинг. А от рейтинга зависит ваша карьера в Лиге.

— Я не планировал связывать свою жизнь со службой в Лиге, — Хранитель недовольно свёл брови.

— И я не планировал, — кивнул Славиш. — Но мне любопытно. Похоже на компьютерную игру, только живого действия. Звучит прикольно!

— Господин Саартан, — Мицу принялся терпеливо поправлять длинную кожаную перчатку на правой руке. Такую, с какими выходят на соколиную охоту. Да и сам лейтенант был чем-то похож на птицу вроде того же сокола: жёсткие каштановые волосы торчат в разные стороны, как перья, глаза жёлтые, черты лица резковатые, хищные. — Мне поручено разъяснить вам, как тут выживают и зарабатывают деньги. Будете ли вы дальше служить Лиге или нет — не моя проблема. Но пока вы под моим командованием, я постараюсь сделать всё возможное, чтобы вы остались относительно здоровы, полезны и при деньгах. Если всё понятно, то я бы поспешил. Тренировки на полигоне проходят по расписанию.

Нет, всё-таки в Лиге звания раздаются не бессистемно. Похожий на сокола мальчишка — лейтенант не за красивые глаза и не из-за, возможно, знатного происхождения. Он своё звание завоевал, сражаясь со зверомонстрами, некоторые из которых могут испепелять людей взглядом... Придётся признать, Хранитель, что кроме Лиги и её протектората у тебя в Суушире больше ничего нет. И смириться с тем, что юные дарования вроде этого Мицу будут приказывать тебе и тыкать носом в твои недостатки. Не стоит забывать, что полигон — в конечном итоге вотчина Фаархи.

Полигон представлял собой лабиринт из полуразрушенных городских построек, которые с одной стороны полукругом поджимала изрытая пещерами скалистая гряда, а с другой — почти вплотную подступал угрюмый хвойный лес. Улицы лабиринта были пустынные и завалены всяким хламом: деревянные балки, перевёрнутые телеги и обглоданные до костей трупы лошадей рядом с ними, раскатившиеся бочки и пустые раскрытые сундуки, дырявые мешки с песком и целые баррикады из них, поваленные искорёженные стволы деревьев и

переломленные столбы фонарей с разбитыми светильниками, сваленные грудями камни и много чего другого, что придавало этому месту вид брошенного после кровопролитного боя города.

Славиш восхищённо присвистнул, разглядывая живописную местность с высоты каменистого плато, на котором открылся портал Мицу.

— Офигеть, как круто! — он подошёл к самому краю плато и глянул вниз. — Охрененно! У меня аж руки зачесались кого-нибудь здесь пристрелить!

— Мы называем полигон Городом Мёртвых, — с гордостью проговорил Мицу. — Лига специально нанимала гномов, чтобы они тут всё отстроили. Катакомбы под городом, шахты там. Большую часть уже разнесли в пыль, но, по-моему, стало только лучше.

— Да тут зашибись! — Славиш обернулся на Хранителя. — А ты идти не хотел!

— Я и сейчас не горю желанием спускаться в эти руины, — с холодком в голосе отозвался Саартан. — Вот объясните мне. Лига тратит деньги на то, чтобы выращивать чудовищ, а потом платит за их уничтожение. В чём смысл?

— Смысл в том, — Мицу поднял вверх указательный палец, — что каждое убитое тобой чудовище, даже в совместном рейде, заносится в твоё личное дело. Ты получаешь лицензию на истребление подобных монстров в Суушире и принимаешь заказы на них от горожан. А за выполнение заказов платят хорошо, очень даже хорошо. И процент от твоей оплаты поступает в казну Лиги.

— Откуда берутся «подобные монстры» в Суушире, если угрозы прорыва нет? — подозрительно и с долей язвительности спросил Хранитель.

— То маг какой-нибудь тайно выведет, то из Вечного леса госпожи Стинары сбегут. Да мало ли! Это же магический мир.

— Наро-од! — Славиш нетерпеливо повёл плечами. — Хватит трепаться! У нас вроде как время ограничено расписанием. Может уже спустимся?

— Я только за, — Мицу глянул на Хранителя.

Саартан скривился.

— Не нравится мне всё это, — пробубнил он и кивнул, мол, идём.

Когда они были на плато, стояла ясная погода. Но стоило троице спуститься в Город Мёртвых, поднялся ветер, небо затянула беспросветная серая пелена, и начал накрапывать противный мелкий дождик.

— Повезло, что не снег, — Мицу зябко поёжился и огляделся. — В катакомбы спускаться не будем — не ваш уровень. Предлагаю прогуляться по улицам.

Саартан равнодушно пожал плечами. Славиш принял.

— Пахнет псиной, — сказал он. Чихнул и потёр нос. — Мокрой.

И, подтверждая его слова, где-то вдалеке раздался протяжный вой. Его подхватили сразу несколько глоток.

— Волколаки охотятся на кого-то, — Мицу согнул руку в локте, и из перчатки с лязгом выскочили три стальных когтя.

— Ого, — Славиш покосился на лезвия. — А я думал — это для птичек.

Он резко выкинул вперёд сжатые кулаки и поднял их уже с пистолетами в ладонях. Саартан с Мицу недоверчиво переглянулись.

— Я думал, — начал Саартан, — что огнестрельное оружие...

— Не может быть духовным, — закончил за него Мицу. — Только холодное. Или они у

тебя механические? Без пороха?

— Без пороха, — кивнул Славиш, раскрыл и развернул ладони так, чтобы пистолеты удобнее было рассмотреть. Оружие было очень элегантным, несмотря на кажущуюся тяжесть, с ярко выраженной оружейной эстетикой и харизмой: резная рукоять с гравировкой, идеально подогнанная под узкую вампирскую ладонь, удлинённый, немного приплюснутый округлый ствол, расширяющийся к дульному срезу, серебристый блеск стали и руническая вязь на ней. — Только металл, моя кровь и энергия. Ну, *сила*, в которую я пережигая то, что сожру. Это мои девочки, валькирии. Гейр и Гела. И плевать я хотел, что это кольт! — непонятно закончил Славиш, любовно приласкал взглядом своих «девочек» и ожидающе глянул на Хранителя.

Мицу тоже посмотрел на Хранителя, и Саартан, предвосхищая вопросы, позвал в руку свою шпагу.

— Понятно, — кивнул Мицу. — Тогда за мной.

Он быстро побежал по улице, не скрываясь и не заботясь о том, сколько шума создают хрустящие под ботинками осколки стекла и щебня. Дракон и вампир рванули за ним.

Волколаки — шестеро огромных, двигающихся то на всех четырёх, то на двух коротких задних лапах, монстра, покрытых чёрной шерстью и с горящими красными глазами — зажимали в тупик между домами двоих подростков. Мальчишка и девчонка в латах и с оружием. Дети. Против чудовищ. Саартан покосился на Мицу — этот ненамного старше выглядит. Со скольких лет вообще выпускают на полигон?..

Девчонка отстреливалась от зверомонстров из лука, а мальчишка лихо размахивал здоровенным, наверное, больше, чем он сам, двуручником. И, надо признать, довольно эффективно им отмахивался! Да и стрелы девчонки почти всегда находили цель. Но волколаки взвизгивали, отпрыгивали назад, быстро зализывали раны и вновь нападали. Их кольцо неумолимо сжималось.

Мицу вскинул руку почти одновременно с Вегой. Три лезвия со щелчком отделились от перчатки и, обгоняемые сдвоенными пулями Гейр и Гелы, полетели в монстров. Славиш в мгновение ока оказался рядом с окружёнными подростками, весь изломился, худой и длинный, как цапель, прыгнул вверх. Загрохотали выстрелы. Вега стрелял короткими дуплетами, выпуская в каждую цель по четыре пули с двух стволов. Когда он приземлился после затяжного прыжка, два монстра покатались по брусчатке с пробитыми черепами, разбрызгивая дурно пахнущую серо-зелёную жижу из страшных ран, один, подвывая и поджимая лапу, дал дёру, а трое других отступили, яростно рыча и лупя себя по бокам хвостами.

Мицу и подоспевший Саартан налетели на волколаков сзади. На перчатке лейтенанта вновь сверкнули лезвия. Он закружился среди чудовищ, рубя и кромсая стальными когтями направо и налево. Саартан растерялся, не успевая прицелиться для укола шпагой, а мальчишка и девчонка переглянулись, сообразили, что люди — это подмога, а не новые враги, и пошли на прорыв. Вновь послышались выстрелы, свистнули стрелы и совсем рядом с Хранителем с шипением рассёк воздух чёрный клинок двуручника. Шпага дёрнула руку Саартана, изогнула и метнула в сторону и вверх, а потом стремительно вперёд, распарывая и пронзая что-то мерзко хлопнувшее и затем тяжело засопевшее. Смерд ударил в ноздри. Хранитель отшатнулся, прикрываясь полкой плаща. Он снова упустил тот момент, когда подаренная Дейрдре одежда сменилась его традиционным алым одеянием, которое так не

нравилось Иватарну.

Стало тихо. Только сбивчивое дыхание четверых воинов и шорох опускаемого оружия нарушали тишину. И урчание. Какое-то кошачье. Урчал Вега. Вампир, кривясь и морщась... пил кровь (или что там им её заменяло?) одного из поверженных зверомонстров. Его белый костюм был заляпан зелёной слизью, с подбородка капало что-то тягучее, исходящее паром... Саартан отвернулся, сдерживая тошноту. И тишина тотчас закончилась. Что именно произошло, Хранитель не понял. Его швырнуло спиной на стену, а в грудь ему упёрся наконечник чёрного двуручника. Его обладатель держал руку полусогнутой, и разожми он её, Саартан оказался бы пришпилен лезвием к стене, как бабочка иголкой. Другой рукой мальчишка прижимал к горлу ошарашенного Мицу кинжал. Его напарница, отскочившая на десяток шагов, целилась из лука в Славиша, который, в свою очередь, целился в лучницу из одного пистолета, а второй держал у виска мальчишки с двуручником.

— Я быстрее, — Славиш облизал липкие губы.

— Хочешь проверить? — девчонка сильнее натянула тетиву.

— Эй! Эй! — Мицу медленно втянул когти в перчатку. — Всё хорошо! Данн! Свои же!

— Я их не знаю, — Данн сузил глаза на Саартана.

Жёлтые, как у самого Мицу, только с зелёными разводами.

— Да они новобранцы! — почти взвыл Мицу. — Первый раз в ГээМе! Мой отряд, — закончил он жалобно.

Мечник поджал губы. Шевельнул двуручником (как он вообще его одной рукой так легко держит?!), нарочно или случайно поддев цепочку с кулоном Фаархи на груди Хранителя. Саартан напрягся, ободок в его глазах опасно потёк к зрачку.

— Они мне не нравятся, — упрямо заявил Данн. — И что это за тварь?

Про тварь — это, к счастью, про Вегу. Саартан догадался по ответу Мицу:

— Да вампир он! Только очень голодный.

— Раз голодный, значит слабый, — лучница улыбнулась Славишу.

— Я и без капли крови быстрее тебя, — Славиш улыбнулся в ответ, обнажая клыки. — А у тебя уже рука на тетиве дрожит.

Девчонка обиженно вздёрнула начавший незаметно опускаться лук. Вега взвёл курок.

— Да хватит уже! — крикнул Мицу, выворачиваясь из-под руки мечника. Тот в последний момент успел убрать кинжал, чтобы не полоснуть им лейтенанта по шее. — Данн, ну заканчивай цирк!

— Ладно, — Данн опустил меч. — Эйтлин, убери оружие.

Лучница, не сводя глаз с Веги, сняла стрелу с тетивы. Славиш, помедлив, растворил пистолеты в ладони.

— Доля секунды, — предупредил он. — Достать их — доля секунды.

Саартан отлип от стены и поспешно спрятал кулон под рубашку. Все убрали оружие и разошлись на две стороны: двое на одну, трое — на другую. Как будто кто-то провёл между ними невидимую черту.

— Данн, Эйтлин, — Мицу вышел чуть вперёд. — Это Саартан и Славиш. Славиш Саартан, это Эйтлин и Данн. Они из Гильдии.

— Оу, — Вега оглядел гильдийцев заинтересованным взглядом. — А мы разве тут не одни должны быть?

— У Гильдии расписание тренировок пресекается с лиговским.

— Ты лучше скажи, — Данн скрестил руки на груди. — Как добычу делить будем?

— Я каждому шкуру прошил! — встрепенулся Славиш. — Уложил троих. Ну, двоих с половиной. И ещё один убёг. Тоже предлагаю считать за половину. Итого — трое моих, так и так.

— Ишь ты, хитрый какой! — Эйтлин упёрла руки в бока. — Я тоже каждому шкуру прошила! И что? И мы первыми их нашли!

— Или они вас?

— Мы их заманивали! А вы распугали.

— Чего-о-о?

— Ну-ка цыц! — Мицу даже ногой топнул для убедительности. — Их пятеро — нас пятеро. Никому не обидно.

— Я соглашусь, — Данн усмехнулся. Как-то по-взрослому, и Хранитель снова подумал, что лет и этому парнишке может быть в несколько раз больше тех, на какие он выглядит, — если ты, Мицу, признаешь, что мы вас сегодня сделали.

— Ты бы ничего не успела, — заухмылялся ему Вега. Саартан сморгнул: успела? — От стрелы я бы увернулся, а вот вы от моих пуль — вряд ли. Говорю же, я бы-ыс-тре-е! Ну, царапнула бы ты дракончика, и что? Вот босс наш — да, мог пострадать от твоего ножичка. Это я признаю. И всё равно счёт был бы один к двум. Трупикам.

— Ты девочка? — в лоб спросил Саартан у Данна. Или у Данн?

Мечник заморгал от неожиданности и отступил на шаг, а Мицу рассмеялся.

— Данн вечно с мальчишкой путают! — сказал он. — Но она — одна из самых сильных бойцов Гильдии, так что не советую с ней ссориться. И девочкой называть. А то наша драконница как раз из тех, кто умеет испепелять взглядом. Так что, Вега, извини, но они бы нас сделали при желании.

Славиш издал возмущённо «пф-ф!» и закатил глаза, явно не согласный со словами командира.

— Да ладно! — примирительно улыбнулась Эйтлин. — Ты, в самом деле, очень быстрый.

— Ага, сам знаю, капитан очевидность, — беззлобно огрызнулся Славиш.

Похоже, его не расстраивало, что две девчонки — девчонки! — поставили их в патовую ситуацию. Или он просто остался при своём мнении. Саартана вот их «ничья» сокрушала.

— И что? Вся ролевушка? — спросил Славиш. — Геймовер?

— Чего? — не понял Мицу.

— Наигрались, говорю? Делим очки и разбегаемся?

— Очки тебе в Лиге посчитают, а вот туши зверомонстров нужно разделать. Ты ведь уже начал, да? — Мицу расплылся в улыбке. — Только потом не забудь сменить костюм.

— Выкинуть что ли?

Славиш на намёк лейтенанта только пожал плечами, а у Хранителя комок к горлу подступил. Что значит — разделать?!

— Э-э-э... — Мицу запнулся и кивнул на Саартана. — Ну, вот как он поменял.

— Я так не умею...

— Слушай, Мицу, — Данн нетерпеливо дёрнула головой. — Вы тут разбирайтесь, а мы делом займёмся.

— Да не вопрос...

Когда гильдийки отошли свежевать туши зверомонстров, Хранитель метнулся к Веге.

— Славиш, — быстро зашептал Саартан, — я тебя научу одёжку менять! Только избавь

меня от... — он бросил быстрый взгляд на деловито орудующих ножами девчонок. — От этого извращения!

Славиш, преувеличивая и приукрашивая, раздувая историю до невероятных размеров захватывающего приключения, рассказывал целительнице про их с Хранителем первую вылазку на полигон. Дейдрре притворно ахала и охала, прикрывала глаза ладошками и смеялась. Саартан мрачно сюпал чай.

— А Саныч такой, — Славиш сделал лицо каменным и проговорил, мастерски подделывая голос Хранителя: — Ты чё, девственница?..

Саартан поперхнулся и расплескал на себя чай.

— Ты чего несёшь, упырь бледнорылый?! — зарычал он. — И какой я тебе Саныч?!

— Ну, оговорился, — Славиш спрятался за целительницу, которая замахала на Хранителя руками, мол, остынь, он пошутил. — Девочка, ты сказал — девочка. Что в некотором контексте звучит, как невинная и девственница. А Саныч — уважительное от сокращённого до Сан Саартана. В бою короткие имена эффективнее.

— То есть, если я тебя Слаш буду звать, ты не обидишься? — прошипел Саартан. — Или лучше Виш!

— Виш — неплохо, но странно будет слышать это от тебя, — Славиш загадочно улыбнулся, и Хранитель про себя твёрдо решил, что так точно его называть не будет. Что бы там оно ни значило. — Меня можно звать просто Вега. Я всё равно окажусь рядом раньше, чем ты любое слово произнесёшь.

— Чт...

Славиш оказался за плечом Хранителя прежде, чем тот договорил:

—..о, серьёзно?

Саартан сплюнул в сердцах:

— Да чтоб тебя! — он перевёл взгляд на умильно улыбающуюся Дейдрре. — Глумитесь?

— Нисколько, — целительница пододвинула севшему обратно за стол довольному Славишу вазочку с печеньем. — Вы очень хорошо вдвоём смотрите. Мило. Мальчики — такие мальчики! А той девочке, Данаис, сто четыре года. И она — Мастер меча, тренирует согильдийцев.

— Офигеть! — Славиш изумлённо вскинул брови. — Мелковато выглядит для такого солидного возраста!

— Это уж я не знаю, почему. Драконы сами решают, когда им взрослеть. Тем более, золотые.

О золотых драконах Хранитель слышал, что они прямые потомки Солна, Духа Суушира. Вроде драконов над драконами, властители мира. Тёмный Владыка Лиги, несмотря на свой зловещий титул, тоже золотой дракон. На котором верхом летает Лэуорд, советник Лиги... ха! Поразительно!

— А Мицу сколько? — спросил Саартан, загодя приготовившись не удивляться.

— Двадцать восемь. Мирэною около трёх сотен, а Лорду не спрашивай, сколько. Он и сам уже, наверное, не помнит.

Про возраст самой целительницы Хранитель спросить постеснялся.

Глава IV. Семья

— Он молчит, как партизан! — Иватарн ходил по кабинету из угла в угол, разговаривая с трёхмерным изображением главы Совета у себя на руке, на браслете. — Пытать мне его что ли?! Шу, ты ведь понимаешь, что это значит? Он замыслил что-то из ряда вон выходящее! Даже Кот не может его расколоть!

— Я могу, — подал из своего кресла голос Кот. — Но лезть к нему в голову — себе дороже. Там же бардак.

— Творческий беспорядок, — робко поправил его Михей и сжался под гневным взглядом Иватарна.

— Шу, — Иватарн остановился и с мольбой посмотрел на задумчиво покачивающегося нага. — Выручай! Там моя девочка! Он угробит её, как пить дать!

— Я верну...

— Да я за её психическое состояние боюсь! — рывкнул на Михея куратор. — Ты же не умеешь обращаться с такими кораблями! И она же к твоей башке подключена! К твоей набитой чёрте знает чем башке!

— Спокойнее, Кэп, — мягко попросил Фаарха. — Мальчик не совсем дурачок, понимает, что ты с ним сделаешь, если заметишь на Гальционе хоть царапину. Пусть летит ко мне. Заодно поможет разгрестись с отчётами.

— Дать ему ещё один корабль?! — возмутился Иватарн и тут же стушевался под тяжёлым и каким-то усталым взглядом главы Совета. — Прости, Шу. Хорошо, я отправлю его к тебе как можно скорее. У него всего три дня, и первый уже на исходе.

Кот проводил Михея до причала, где на мачте одиноко покачивался серебристый катер. Куратор замер в нескольких шагах от мачты, поднял голову и, блаженно жмурясь, подставил лицо тёплым солнечным лучам. Михей кинул на него косой взгляд. Он никак не мог смириться с этой странной привычкой своего учителя. Вампир, который любит солнце! И ведь на него даже загар ложился! Сейчас, в самом начале осени, морщинистое и суховатое лицо Кота в смуглости уступало только цвету кожи главы Совета, что придавало куратору в купе с седыми волосами и пронзительной зеленью глаз вид хищный, неприветливый и более строгий, чем обычно. Неправильный вампир! Где, скажите на милость, мертвенная фарфоровая бледность и синеватая тень на тонких губах?! Кот-то, конечно, не мертвец, какими в книжках описывают большинство вампиров, он очень даже живой, но... всё равно! Вон вампирша Саа — эталон вампирской эстетики! А этот?.. Стоит, неканоничный, под солнышком, готовый замурлыкать от удовольствия!

— Кот, — Михей коснулся предплечья учителя, чтобы привлечь внимание. Куратор вздрогнул и качнулся в сторону, уходя от его пальцев. Мда... неканоничный вампир с гаптофобией. Михей как-то всегда думал, что с возрастом разумные существа набираются опыта, мудрости, развиваются в общем, а не обрастают закидонами вроде боязни чужих прикосновений. И воды, если вспомнить. Кот панически боится воды. Любой, даже самого ненавязчивого дождика или случайных брызг с мокрых рук. — Кот, а когда ты был молодой, какого цвета были у тебя волосы? То есть, ты и сейчас не старый, конечно! Я имел в виду, до того, как поседел.

Кот изогнул бровь, кхекнул удивлённо.

— А тебе разве не полагается размышлять над тем, что Фаарха твой мозг наизнанку вывернет? — спросил он.

— Я — фантом, меня не жалко, — Михей улыбнулся.

Кот нахмурился.

— Я не понимаю, — покачал он головой, — как ты так легко говоришь об этом. Ты выглядишь, как Михей, ведёшь себя, как Михей, мыслишь, как Михей. Да ты и есть он! А называешь себя фантомом. И не переживаешь, что через два дня тебя не станет.

— Зеркало — хитрая штука. Когда меня не станет, я никуда не исчезну, а вернусь в себя. Как бы воссоединюсь с собой. Я — свой собственный аватар. Это как разделить душу на несколько кусочков, а потом собрать воедино.

— Несколько кусочков? То есть, тебя ещё и много может быть?

— Пока не знаю, не пробовал. Но, думаю, что да.

— Много Михов. Михапокалипсис. Но ты же разбил Зеркало?

— Это только для того, чтобы спрятать в своём внутреннем мире. А там всё снова становится целым. И, если достаточно силы, это целое можно извлечь.

— Хм. Чёрт ногу сломит.

Кот дотронулся до своего браслета, и перед ними открылся розоватый мерцающий зёв перехода.

— Иди, — сказал он своему ученику. — Поторопись, пока...кхе... не воссоединился.

Михей одарил учителя тёплой улыбкой.

— А ты переживаешь за меня, — он лукаво прищурился. — Спасибо, я это ценю.

И шагнул в переход.

— Я шатен, — тихо сказал ему вслед Кот. — Был.

Фаарха лежал на полу, растянувшись во всю длину на аляпистом ковре, и лениво помахивал на хвосте погремушкой. Вокруг него летали тускло мерцающие сферы — целая стая сероватых матовых шаров. Наг изредка касался кончиком погремушки одной из сфер, та вспыхивала белым и становилась прозрачной с плавающими в ней значками-иконками, которые раскрывались перед главой Совета то в текст, то в график, то в изображение или видео. Фаарха ознакомлялся с содержимым шара и отправлял сферу обратно в свободное парение над своей головой.

Михей робко прошмыгнул в кабинет главы Высшего совета кураторов, нерешительно подошёл к коврику на полу. Переступил с ноги на ногу, не смея отвлекать нага от его жонглирования шарами. Тот не обратил на вошедшего мальчика ни малейшего внимания. Михей сунул руки в карманы шорт и нахохлился. Постоял молча, сколько хватило терпения — минуты две, — собрался с духом, снял сандалии и шагнул на ковёр:

— Шу! Это важно!

Наг закатил глаза, взмахнул погремушкой, разгоняя сферы, приподнялся и наконец-то посмотрел на него.

— Правда что ли, сладкий мой? — спросил он с иронией.

— Да, — Михей осторожно перешагнул через зашевелившийся хвост главы Совета. — Можно присесть?

— Ах, мы спрашиваем разрешения! — Фаарха похлопал ладонью рядом с собой. — Я сочту это за угрызения совести?

— Их у меня не бывает, — Михей плюхнулся на ковёр и поджал ноги. — Но я не хотел отвлекать тебя от... — он обвёл взглядом плавающие вокруг сферы. — Чем бы ты тут не занимался.

— Это отчёты от советников и письма от кураторов. В основном. С которыми ты мне сейчас поможешь. Возьми арах.

Наг вытянул из-под себя тонкую прозрачную пластинку размером чуть больше ладони и пододвинул её Михею. Михей взял пластину, повертел в руках. Арах... сокращённо от «арахнида». Ну да, раз есть Сеть, то должен быть и Паук. Арах — это устройство, предназначенное для накопления, обработки, передачи и хранения информации. В некоторых мирах его ещё называют компьютер. Михей дотронулся пальцами до поверхности арах, растянул его в сферу, сунул в неё руку и, поразмыслив мгновение, коснулся значка «почта».

— А что делать-то? — спросил он, читая развернувшееся письмо.

— То же, чем ты занимаешься сейчас, — Фаарха полуприкрыл веки, сдерживая усмешку. — Только ещё отвечать.

— Отвечать? — Михей оторвался от арах. — На письма тебе? А если в них что-то личное? Или непристойное? Тебе пишут непристойные письма? Или любовные? О! У тебя же должно быть полно поклонников! И забытых дам по всей Системе, которым ты разбил сердце! Они тебе пишут?

— Не тараторь, — хвост главы Совета медленно потёк вокруг него, свиваясь кольцами. — Мне много кто пишет. И разное. К несчастью, связаться со мной может любой, а подходящего фильтра я до сих пор себе не подобрал.

— А секретаря у тебя нету?

— Если ты будешь продолжать косячить, то он мне не понадобится.

Михей потупился.

— Я всегда стараюсь сделать твою причастность, пусть даже косвенную в виде меня, как твоего ученика, неочевидной, — негромко сказал он.

— Ты ученик Кота, не забывай, — Фаарха подтянул к себе и мягко перекинул Михею ещё две сферы. Тот поймал их и опустил перед собой, машинально открывая подсвеченные значки. — То, что даю тебе я... это моя прихоть, не более. Работай. Отвечать можешь на своё усмотрение и понимание слова «тактичность». Найдёшь что-то любопытное, скинешь мне на этот арах.

Наг указал на один из шаров. Михей вздохнул, открыл сразу все файлы на трёх арахах перед ним, пробежался по разносортной информации глазами и, быстро пролистывая и секундными прикосновениями к ответной строке вливая мыслеформы в текст, принялся отвечать на письма. Фаарха наблюдал за ним с любопытством, а спустя несколько минут подкинул ещё пару сфер. Михей фыркнул, активировал их, но темп не снизил. Наг склонил голову набок и с интервалом в полминуты отослал ему все, кроме своего личного, арах. Михей покосился на главу Совета, ничего не сказал. Продолжил работать со всеми арахами сразу.

— Талант! — восхитился Фаарха. — Любезный мой, ты когда-нибудь займёшь моё место!

— Ну, спасибо! — хмыкнул Михей, не отрываясь от мерцающих сфер. — Книжный

червь — это не по мне. Почему ты не задаёшь мне вопросов, м?

Наг проглотил «книжного червя», спросил:

— А ты готов отвечать?

Пальцы Михея на миг замерли, а затем замелькали в сферах с удвоенной скоростью. Михей почти с головой залез в арахы.

— Когда созреешь, сам расскажешь, — Фаарха потянулся всем корпусом, хрустнул шеей, улёгся на ковре поудобнее и закрыл глаза. — Но я выдвигаю ультиматум: либо выкладываешь мне, что ты там такого грандиозного задумал, либо не произносишь ни слова. Пока не растворишься, как и полагается призраку. Услышу хоть звук с твоей стороны — пеняй на себя.

Михей вперился в нага недоверчивым взглядом. Глава Совета приоткрыл один глаз, усмехнулся.

— И да, — голос нага стал медовым, — всё это время ты будешь рядышком со мной. У меня полно пыльной бумажной работы, чтобы на исходе второго дня ты исчез из моего кабинета, искренне веря, что книжный червь — твоё второе я.

— Это нечестно! — взвился Михей.

Кольца хвоста нага одним движением стянулись вокруг него в тугий узел, а взметнувшаяся погремушка, подрагивая, остановилась на полдюйма от его лба.

— Первое предупреждение, хороший мой, — мурлыкнул глава Совета, отпуская задыхнувшегося мальчишку. — И последнее. Обычно у меня их три, но ты ведь у нас уникальная личность.

Михей надулся. Ткнул пальцем в первое попавшееся письмо, вывел, не читая, в ответной строке: «Хочу приковать вас к постели и нежно лизать ваши пятки. Ф.Ш. Аспайас».

— Добавь «с уважением», — Фаарха издал смешок. — И «люблю, целую». А так суховато. Я так не пишу.

Михей фыркнул.

— Посчитать за звук? — поинтересовался наг.

Михей скорчил рожу и показал главе Совета язык. Погремушка поползла ему под майку. Михей скривился, выгнулся и, не выдержав, захихикал. Фаарха завалил его, запеленал хвостом, как младенца, оставив торчать одну голову. Вскинулся и навис над ним, сжав все четыре кулака.

— Ты напрос-с-сился, — мелькнул раздвоенный язык нага.

— Ладно! Шу! Я скажу!

Глава Совета скрестил руки на груди, чуть разжал кольца и прищурился:

— Слушаю.

— Я... — Михей понурился. — Полетел добывать семя Древа...

Фаарха вопросительно поднял бровь.

— Не зачем, — ответил Михей на незаданный вопрос. — А потому что. Потому, что никто этого до меня не делал.

— Ты уверен?

— О-о-о, делали?!

— Нет. Но пытались.

— Они пытались, а я смогу.

— Может быть. Какой план?

— Ты не злишься? — удивлённо и одновременно с надеждой спросил Михей.

— Злюсь, — ответил наг совершенно спокойно. В глубине его глаз затаилась готовая вырваться на волю улыбка. — Ещё как.

Михей посмотрел на главу Совета с благодарностью и потёрся щекой о тёплую шершавую чешую хвоста. Фаарха всё же улыбнулся, опустился на ковёр, укладывая Михея рядом с собой:

— Рассказывай, лисья морда.

— Я найду мир, который уже начал разрушаться и доразрушу его, — Михей растянулся рядом с ним на животе, согнул ноги в коленях и принялся ими болтать. Потускневшие в режиме ожидания сферы арахов закружились вокруг его ног хороводом, напоминая маленькие планеты. — Ты не бойся! Я всё проверю, чтобы в мире никого не осталось! Нужно много силы, чтобы добраться до семени и выговорить его из сердца мира. Я соберу энергию от распада реальности и воспользуюсь ею. А потом вернусь. Гальциону я спрячу, она не пострадает! А перед Кэпом я извинюсь...

— А теперь подумай, почему, если всё так просто, никто раньше до тебя не смог завладеть семенем Древа, — Фаарха задумчиво следил за гипнотическим полётом шаров.

— М-м-м... им некуда его было потом деть? Мне-то есть куда! Во мне целый мир! Семя в Менкаре не прорастёт, если я не захочу.

— Как вариант. А ещё?

— Цайары охраняют такие миры?

— Следят за ними, да. Да и кураторы приглядывают.

— Я буду осторожен! Они меня не заметят!

— Заметят, но могут не обратить внимания. Посчитают тебя смертником.

— Почему?

— Потому что разрушающиеся миры притягивают к себе таких существ, на описание которых даже твоей фантазии не хватит.

— О...

— О. Тебя сожрут, и даже Пустоте не оставят хоть маленький кусочек души. И будут довольны, заполучив такой деликатес, как фаршированная другим миром изнанка. И проникнут через тебя в Менкар, а оттуда — в Котлован. Описать тебе, что тогда будет, или сам догадаешься, сладкий мой?

— О, Шу! Я не подумал!

— Конечно, ты не подумал. Потому что не озадачился подумать. Твоя стихия — действовать, а не размышлять. В отличие от Саа.

— И что теперь делать? Я же уже улетел...

— Куда?

— Не знаю... Я прошёл сквозь Зеркало и создал меня до того, как определился с направлением.

— Вот как раз с Зеркалом никто, кроме тебя не смог разобраться. Твоему раздутому самолюбию этого мало?

— Шу... прости меня...

— Ах, Творец всемогущий! Я наблюдаю раскаяние, мальчик мой неугомонный? — Фаарха откинул руки, и пристыженный Михей подполз к нагу ближе, ткнулся ему носом в нижнюю подмышку. Шульга обнял его, взлохматил рыжие ему волосы. — Рассуждай. Я встречался с твоим первым двойником. Или кто из вас чьё отражение? Не важно, раз вы оба существуете параллельно... Тот ты, Андарс, если не ошибаюсь, как он себя называет, внешне

отличается от тебя, но внутренне остался прежним тобой. Образ мыслей у вас одинаковый. Поэтому представь, что ты только планируешь свой полёт за семенем Древа. Куда бы ты отправился?

— Отражение... м-м-м, Андарса? Я, да. И я бы полетел на Окраину, — голос Михея звучал невнятно из-под руки нага. — Искать разрушающийся мир. Думаю, на приметном кураторском корабле незамеченным проще всего пройти сквозь кольцо пустотных камней. Я бы оставил Гальци там, среди астероидов, а сам в Пустоте добрался бы до мира. Но. Раз мне придётся идти в Пустоте пешком, мне нужно будет подкрепиться силой. Значит, я выбрал бы то кольцо пустотных камней, которое ближе всего подходит к дикому Ничто. Поохотился бы там.

— Таких мест всё равно многовато. Но я тебя найду. Открою тебе страшную тайну, — Фаарха понизил голос до шёпота. — У меня есть целый отдел в Цитадели, который улавливает малейшие возмущения в *силе* и просчитывает вероятности. Но это несколько не умаляет мой собственный пророческий дар.

— У тебя же полно дел! — Михея высунулся из подмышки.

— Полно, — согласился глава Совета. — Но на пару дней ты меня подменишь. Потому что делами друзей я занимаюсь только лично.

— Ох, Шу... О! Шу! — Михея вдруг встрепенулся, вытянул руку и провёл кончиками пальцев по смуглой шее нага. — Где твои паучки?!

Фаарха зажал его кисть щекой, опустил ресницы и улыбнулся:

— Об этом не беспокойся.

О, как он ошибся! Глупо, непростительно и недалёковидно было думать, что разрушающиеся миры пусты! Михея сплюнул кровь и отёр перепачканные слизью руки о куртку. Гады! Сколько вас там? Миллиарды что ли?! Хорошо, что хоть Гальциону догадался оставить. А то за неё Кэп с того света вытащит, чтобы снова пинками на него отправить. Кстати, попасть на тот свет — не такая уж плохая перспектива. Оттуда можно сбежать. Но эти... кто они вообще?.. существа, присосавшиеся к миру, как клещи, и сосущие его последние жизненные соки, пили саму душу. Тянули её, и умри Михея сейчас, проглотили бы целиком. Михея задрал голову, взгляделся в бесцветное небо, рваными клочьями плывущее над проломом скалы далеко вверху. Среди облаков метались крылатые тени. Много. Слишком много. И ведь это только те, кого можно увидеть... А силы нужны для того, чтобы пробиться к Сердцу мира. И желательно, чтобы они остались на обратный путь. Да, желательно...

Стена за спиной зашевелилась, зарокотала. Михея заполошно плеснул себе под ноги *силу*. От испуга больше, чем следовало. Истончившаяся ткань мира лопнула, и он вместо того, чтобы проломить камень и упасть в пустоты под скалой, провалился сразу на следующий пласт реальности. Мир вокруг стал более объёмным, иллюзорным, выпуклым и тягучим. Михея увяз в нём, как в прозрачном киселе, запаниковал. Сверху, там, где полагалось быть верху, в чернеющую дыру протискивалось что-то бесформенное, покрытое толстыми извивающимися волосами-отростками, многоглазое, с маленькими острозубыми пастями, разевающимися во все стороны и капающими слюной. Слюна расползалась в киселе чернильными кляксами и прожигала в ткани мира новые дыры, в которых уже

начиналось какое-то подозрительное шевеление.

Михей рванулся вниз. И вдруг увидел под собой, не понятно, близко или далеко, — казалось, протяни руку и дотронешься, и одновременно было ощущение недостижимости, — алеющий кристалл. Сердце мира! Вот оно! Михей заработал руками и ногами, продираясь сквозь реальность, поплыл к кристаллу. Кровь начала застывать в жилах. Не замерзать, а именно застывать. Превращаться в такой же кисель, как и всё вокруг. Плохо! Кровь — хранилище *силы*. Собственной. Михей подорвал основы мира, сломал сдерживающие его плоть скрепы, оставил себе только островок материального пласта со скалой, чтобы было от чего оттолкнуться. Впитал энергию от разрушения и спрятал её в себе, чтобы случайно не потратить на беснующихся вокруг чудовищ. Эта энергия нужна для того, чтобы расколоть Сердце мира, добыть семя Древа и бросить себя потом в Пустоту. Но если кровь застынет совсем, что делать-то? *Сила*, которую он получил от обитающих в диком Ничто монстров, давно исчерпалась.

Кристалл не приближался, но и не отдалялся. Проклятье! Зато волосатый бесформ был совсем рядом. И ещё какие-то твари лезли сквозь прожженные его слюной дыры. Отдать им бесполезную кровь, чтоб отвязались? Михей вытянул из-за пояса кинжал и полоснул им себя по запястьям. Нет, не полоснул. Кисель сковывал движения, и лезвием пришлось кромсать себе вены, двигая кинжалом медленно, орудуя им, как пилой. Михей скривился. Что ж, болью эти чудовища тоже будут довольны.

Капельки крови повисли в киселе рябиновой гроздью. Михей подул на них, чтобы они поплыли в сторону лезущих тварей. Завалился на спину, делая растянутый во времени кувырок назад... О! Никогда ещё обращение в лиса не было таким болезненным! Кости выломило, отошедшие от них мышцы и сухожилия закрипели, разрываемые и вновь сращиваемые, сосуды вспухли, местами лопнули, переплетаясь, расплетаясь и расползаясь по телу. Трепетно хранимая энергия расплескалась, потекла наружу настырными ручейками. Когда Михей закончил свой кувырок, он оглох и ослеп, почти не чувствовал лап, а наличие хвоста не ощущал вовсе. Выругаться получилось только мысленно.

Нужно торопиться, пока энергия не вытекла полностью. Лис вытянулся, сжёг вокруг себя ручейки *силы*, использовал их как топливо для броска и, руководствуясь только внутренним чутьём, устремился на запах Сердца мира. Вкусный, сладкий, обещающий мощь и саму эссенцию жизни.

Михей плыл бесконечно долго. Он почти выдохся, когда его усы опалило пламя кристалла, а шерсть на морде и груди начала тлеть. Он поспешно окружил себя ореолом щита. Ну... как — поспешно? Когда щит сформировался, плоть на передних лапах, уже коснувшихся Сердца мира, успела обгореть до кости. Михей зарычал, точнее яростно захрипел, и ударил всей своей силой по кристаллу. Сердце мира дрогнуло, отдача от удара выбила дух лиса из тела. Михей, повисшей на серебряной нити жизни, увидел себя со стороны: опалённого, окровавленного и свернувшегося в клубок лиса, сжимающего в пасти крупную светящуюся жемчужину.

Реальность дала трещину и начала осыпаться крупными, как стекло, осколками. В прорехи хлынула волна безликих и многоликих, бесформенных и напоминающих скорпионов, богомоллов и мурен, бестелесных, прозрачных и кажущихся сплошным сгустком перетекающей тьмы тварей. Они разом кинулись на съезжившегося лиса, облепили его со всех сторон. По нити жизни, связывающей Муха с телом, пополз первый из подаренных Шульгой паучок. Он сноровисто принялся ловить лапками расползающиеся серебристые

волокна и сплестать их воедино. Но нить жизни истончалась слишком быстро: паучки бежали по ней уже один за другим, однако всё равно не успевали восстанавливать рвущиеся и повисающие спиральками волоски.

Вдруг с плеч Михея на нить жизни соскользнула змея. Обвилась вокруг, отгоняя паучков назад в шевелящуюся грудку чудовищ, натянула чёрное в синих переливах гибкое тело, потянула мальчика хвостом за бесплотную шею к лису. Михей испугался и удивился одновременно. Испугался потому, что даже призраком ему ни за что не пройти через облепивших его тварей — они переключаются на основное блюдо с большим желанием, чем сейчас обсасывают аперитив. А удивился... змея-то откуда?! Во плоти, но тащит его, духа, к телу, как нефиг делать!

Грянул гром. Кисель гасил любые звуки, но раскатистый гул Михей слышал отчётливо. Даже призрачными ушами. Он поднял взгляд к тому, что могло бы быть одновременно и небом, и землёй, обомлел, потом обрадовался, затем снова обомлел, а потом совсем запутался в собственных эмоциях. Потому что с условного неба спускался Фаарха. Огромный, грозный, в короне и сияющих золотом латах, при ятаганах на украшенном драгоценными камнями кушаке и боевых кольцах у основания погремушки, которая тоже казалась покрытой золотом. В одной руке наг держал скипетр, а три других выставил ладонями вперёд со сложенными то ли в благословляющем, то ли в отпугивающем жесте пальцами. Кожа его человеческой половины тела была небесно-голубого цвета, рисунок татуировок на ней фосфоризировал, а за плечами широко и гордо раскинулись орлиные крылья.

За спиной нага словно разгорелось солнце. Яркий свет залил всё пространство. Твари прыснули от лиса, и по ним, разбегающимся и расползающимся, пронеслась коса. Михею показалось, что коса. Серая тень наискось чиркнула по копошащейся массе, оставив после себя чистую полосу залитой светом реальности. Тень остановилась, и Михей с трудом узнал в ней Кота. Высушенный, как мумия, состоящий из одних сплошных острых углов, его учитель с пылающими багрянцем глазами, когтями в шесть дюймов длиной и в плаще с капюшоном казался олицетворением смерти.

Уцелевшие чудовища слились в клубок, жадно набросились на застывшего в расслабленной позе куратора. Новый росчерк косы — и новая чистая полоса с обрубками и опшётками по краям. Кот возник перед Михеем, — бесплотным и, по сути, невидимым! — схватил его за шкуру — тоже призрачную! — и швырнул в тело лиса.

От плоти реальности отвалился громадный кусок, и в образовавшуюся дыру ворвалась серебристая сигара. Заложила крутой вираж, уводя в петлю преследующий её целый сонм устрашающего вида существ, рванула к условной земле, ушла в отрыв и свечой понеслась вниз. Невозможным манёвром развернулась, юзом подлетела к Коту и лису, на ходу буквально всосала их в себя и понеслась назад. Её обогнала кручёная сине-золотая стрела из вытянувшегося во всю длину и сложившего крылья нага. Сверкнули ятаганы, раскрутились в мельницу, расчищая Гальционе путь в кишачем тварями проёме, а вскинутый жезл пробил кораблю выход в Пустоту.

Михей ещё не успел прийти в себя, а его уже тормозили и что-то орали в морду. Он приоткрыл глаза, увидел перед собой гневное лицо Иватарна и снова зажмурился.

— Да сделай с ней уже что-нибудь! — кричал Иватарн. — Глотай, твою...!

О, как вдохновенно Кэп умеет ругаться, оказывается! Михей половины слов не знал, но

смысл был понятен по интонациям. Глотать?.. А, глотать! Он про себя! В гудящую от потрясений голову лиса закралась пошлая ассоциация, и он непроизвольно захихикал.

— Да этот засранец ещё и ржёт! — взъярился Иватарн. — Дерево сейчас проклянется! Убирай его сейчас же с моего корабля!

Михей, не открывая глаз, выплюнул жемчужину между сожжённых лап. Подвигал челюстью и неразборчиво проговорил:

— Ме нжы сиы. Э саоть...

— А? — Иватарн наклонился к нему, чтобы лучше слышать.

— Ему нужны силы, — перевёл Кот. Он странно растягивал слова, и голос его был курлыкающим, бархатистым, льющимся. Опоён кровью Ива? — Сломать её он не может.

— Возьми мои что ли, — растерялся Иватарн.

— Не-а, солнышко, давай лучше я, — ледяные пальцы разжали лису пасть и снова сжали её.

Во рту у Михея стало тепло и солёно. Странно. Древний герти сам как айсберг, а кровь у него горячая. О!.. Челюсти лиса с хрустом сжались на руке учителя. Кот дёрнулся, потащил Михея за собой. Жемчужина чуть было не укатилась из обрастающих плотью, кожей и шерстью лисьих лап. Михей прижал её к груди и, как только смог почувствовать мышцы, раздавил. Сила, бездонная, неистощимая, сокрушительная захлестнула его целиком, полилась бурлящим потоком в Менкар, и Михей едва успел подставить под неё свой собственный пространственно-временной карман. Сознание начало гаснуть. Проваливаясь в темноту, Михей ещё успел услышать, как рядом глухо ударился о палубу бесчувственный Кот.

Пламя свечей трепыхалось, отчего по стенам метались угловатые тени. За плотно задёрнутыми шторами на окнах неистовствовала гроза. Женщина в одной нижней сорочке, растрёпанная, сторбленная и бледная, рыдала в кресле. Михей кричал на неё. То есть, кричал не он, а тот, кем Михей сейчас был — мальчишкой, злым, сжимающим кулаки, трясущимся от гнева.

— Шлюха проклятая! — надрывался Михей. — Из-за твоих пашней с ним отец погиб! Ты виновата! Он знал, что вы трахаетесь! Знал! Его убили из-за тебя! Из-за тебя! Ненавижу!

Женщина заломила руки и зарыдала в голос. Дверь распахнулась. Влетевший сквозняк задул все свечи. Михей-не-Михей испуганно обернулся, присел под тяжёлым взглядом, оскалился и зарычал.

— Ты как с матерью разговариваешь, щенок?! — стоящий в дверном проёме тёмный силуэт шагнул в комнату.

И стало холодно. Невыносимо холодно. До лязга зубов. До судорог. Михей задрожал, попятился.

— Ну-ка иди сюда, поганец! — вошедший мужчина поднял руку, и Михей прыгнул, вцепился в неё зубами. Тут же вынул клыки из раны и сиганул вбок. Быстро, почти молниеносно. Но мужчина ловко поймал его за ворот пижамы. — Ах ты подлец!

Удар, хоть и смазанный пришёлся Михею по лицу. Пижамы с треском порвались, оставив в кулаке мужчины клок, а Михей полетел на туалетный столик. Сшиб, его, перевернулся вместе с ним, упал на руки, перекатился и вскочил. Развернулся, чтобы

ответить, но тут же получил новый удар под дых.

— Уолтер, не надо! — услышал Михей истеричный вскрик женщины... матери?

— Помолчи, Элеонора! — рявкнул Уолтер и сгрёб мальчишку за грудки. — Мне осточертели его выходки! Засранца надо проучить.

Он обнажил клыки. Длинные, страшные. Поднял Михея над полом, вперился горящим ненавистью взглядом, негромко и ядовито заговорил:

— Твой отец был ничтожеством. Никчёмным рохлей. Считал людей равными нам. Нам! Древнему роду Гофрэйдах! Древнейшему во всей Северной Европе! Безумец. Его убили за предательство. Он сдох, как последняя собака!

— Ты убил его! — выдохнул Ньярхайд.

Михей не сомневался, что сейчас был Котом. Или был внутри него? Или внутри его воспоминаний. Да, наверное...

Уолтер сардонически расхохотался. И в этот момент маленький Кот пнул его в пах. Уолтер захлебнулся смехом, зарычал, в один миг переместился и врезал мальчишку спиной в стену. Вампирские кости выдержали, а вот каменная кладка стены — нет. Обрушилась с грохотом, как специально подгадав раскат грома на улице.

— Ты такой же, как он! — Уолтер задохнулся от бешенства. — Порченное семя! Неблагодарный ублюдок! Я покажу тебе, кто в доме хозяин!

Он потащил упирающегося Кота из комнаты прямо через проломленную стену под льющий сплошной стеной дождь.

— Этот грот дважды в сутки заполняется водой, Аластар, — Уолтер наклонился к прикованному цепями к влажному холодному камню полуголому Коту. — В первое время ты сможешь пережигать в себе силу и не захлёбываться, но рано или поздно ты ослабнешь без крови и начнёшь умирать. Дважды в сутки. А Симас поможет тебе не забывать, где ты находишься. И почему. Ты ведь помнишь Симаса?

Кот помнил Симаса. Мастер по допросам. Старый, опытный... палач. Не рассчитывая на ответ, Уолтер глумливо продолжил:

— Тебе не убежать от него в свои фантазии. Он вынет твоё сознание из любого укромного уголка твоей души. И заставит пожалеть, что с каждым отливом ты возвращаешься и видишь новое солнце.

Была ночь, и в маленькое округлое отверстие под самым потолком грота изредка пробивалась сквозь несущиеся по небу тучи луна. Капли дождя падали Коту на лицо.

— Когда ты начнёшь умолять о прощении, Симас выпустит тебя. Но вырвет клыки. Он это любит, а я не хочу лишать своего слугу такого удовольствия. И чтоб ты знал, гадёныш: это Симас вырезал сердце твоего отца. Сладких снов, Аластар!

Уолтер покинул грот. Михей задёргался в цепях, пытаясь освободиться.

— Я порвал их только на сорок восьмой день, — услышал он очень тихий, шелестящий голос Кота. Взрослого Кота, куратора и учителя. — Они зачарованы специально под герти.

— Ох, Кот!.. — сила, удерживающая Михея в теле маленького Ньярхайда, отпустила. Михей оказался рядом со стоящим у входа в грот учителем. Оглянулся на дёргающегося в цепях мальчишку. Вздохнул и потупился. — Прости меня...

— Это место я сравнивал с землёй, — Кот будто не слышал его. Стоял напряжённый и весь какой-то колючий. Уголки его губ нервно подрагивали. — А Симаса разорвал первым. Выпил сначала, а потом разорвал. И через двое полных суток стал последним из рода

Гофрэйдх.

Он неожиданно развернулся к Михею, глянул затравленно и дико, с разгорающимися зелёным огнём угольками в глубине глаз. Сжал кулаки.

— Я не горжусь тем, что сделал, — надломлено и скрипуче произнёс он. — Но и не жалею.

— Кот... — Михей остановил свою руку, которая почти коснулась предплечья куратора. Он не любит прикосновений. Вот почему он не любит прикосновений! Его же тут пытали! Сорок восемь дней боли и ужаса. Нужно вытаскивать его отсюда. Срочно! — Учитель, надо уходить. Это воспоминания. То, что давно осталось в прошлом. Оставьте их здесь. А, знаешь что? — Михея вдруг осенило. — Этот мальчик, не ты тогда, а он, здесь и сейчас, ждёт, чтобы его освободили. Давай отпустим его, Кот! Вместе.

Страх, боль, смятение, злость и ярость в глазах куратора сменились растерянностью.

— Отпустим? — шепотом переспросил он.

— Отпустим, — кивнул Михей и повернулся к уже увидевшему их и осветившемуся надеждой мальчишке в цепях.

— Они приходят в себя, Шу!

Михей открыл глаза. Встретился взглядом с Иватарном. Всё, как в первый раз на Гальционе. Михей что-то сломал, запихнул в себя, потерял сознание. Очнулся — рядом дракон, а у него на коленях вампир. Только в тот раз Иватарн смотрел спокойно, с интересом, готов был рассказывать истории. А сейчас... Одним «прости меня, Кэп» уже не отделаешься.

— Отцепись от него, — глухо сказал Иватарн.

Михей виновато прижал уши, осторожно разжал челюсти, слизнул с подбородка кровь и отполз подальше. Синий хвост обвился вокруг него, подтянул в обвешанные цацками смуглые руки.

— Он отойдёт, — шепнул Фаарха. — Кэп очень любит Кота.

— Я знаю, — вздохнул Михей и посмотрел, как куратор встревожено вглядывается в лицо напарника, обнимает его, зашевелившегося, прижимает к себе, игнорируя недовольное бурчание, зарывается пальцами в его короткие седые волосы. Кот ворчал что-то в ключицу Итарну, но Михей видел, что учитель улыбается. — Я знаю. И это так важно! Кто-то должен быть рядом, любить. И кому-то нужно дарить свою любовь. По-любому! Любовь исцеляет души. Спасибо, Шу.

— За что именно, хороший мой? — наг погладил лиса по взъерошенному загривку.

— За то, что позволил мне это понять. Не Ив дал Коту свою кровь перед боем, а ты. Так, м?

— Кто знает, — Фаарха склонил голову и прикрыл глаза. Его лукавую улыбку Михей принял за положительный ответ. — Пора домой, мой неугомонный разрушитель. От танцев с судьбой иногда нужно отдыхать.

Глава V. Кошка на мели

Нерия попала в капкан. Она прошла сквозь дикие заросли, с боем продралась через обитающих в них монстров, незамеченной миновала охранные щиты и... попала в капкан. Пространственная ловушка, которую в отсутствие мага на корабле ни заметить обычным глазом, ни обойти. А мага не было. Капитан Нерии был неплохим пилотом, в этом ему не откажешь — провёл же к Сууширу! Но разглядеть капкан не сумел. И посадил корабль прямо на невидимую мель. Нерия прыгнула из зарослей, и пространство тут же скрутилось вокруг неё, деформировалось и съёжилось до небольшого островка. Говорят, боги этого окраинного мира не любят гостей. А ещё говорят, что боги эти — шельхаймы, но это бред и чушь. Семь хаимов под одним небом — перебор даже для миров истинных, что уж говорить про жалкий эвен.

Бэт крутанулась в кресле, хлопнула себя по коленям и решительно встала. Прошёл почти месяц, как они застряли на орбите Суушира. Еда закончилась. Конечно, перед полётом Нерию битком забили пайками, но сколько они сюда добирались? Ещё месяц? Полтора? В общем, кончилось всё. Две недели назад ещё. А потом кончилась команда. И опять же — конечно, они протянули бы дольше на стимуляторах. Но у кошки заканчивались силы, а больше их нечем было восполнить. В итоге — двенадцать трупов по всем отсекам. Возможно, даже помня о заканчивающихся силах, убивать никого не понадобилось бы, но... Но и но. Люди подумывали о том, чтобы начать жрать друг друга, а вот только каннибализма на Нерии не хватало. Поэтому Бэт перерезала весь экипаж, забрала их жизненную энергию себе и отпустила души людей чистыми от греха людоедства к Творцу. Творец отнесётся с пониманием к слабовольным мыслям о вкусной плоти брата своего, но вот воплощение таких мыслей в действие точно не одобрит.

Бэт перешагнула через лежащее в дверном проёме тело. Остановилась, размышляя пару секунд. Обернулась, нагнулась и подобрала валяющуюся на палубе фуражку капитана. Сдула пыль с жёсткого козырька, протёрла пальцем звезду на ленте и надела фуражку себе на голову. Сдвинула чуть на затылок. Великовата, но тем забавнее. Найти бы ещё трубку с табаком, но на памяти Бэт капитан никогда не курил.

Обзорный экран пискнул и разгорелся. Бэт удивлённо обернулась. Нерия находилась в ручном режиме и спала. Значит сигнал подаёт не она, а один из датчиков движения. Движения! Не может быть! Бэт одним прыжком снова оказалась у капитанского кресла, впиалась глазами в экран. Так и есть! Корабль! Да не какой-нибудь, а крейсер! И шёл он из мира! Большую удачу и придумать было сложно. Только бы заметил! Заметил и подлетел, да так, чтобы не оказаться в капкане вместе с Нерией. Нужно отправить им сообщение. Предупредить. И запросить помощь. Бэт провела ладонью над панелью управления и сосредоточенно наморщила лоб, соображая, как этой штукой пользуются.

Шун заметил корабль сразу. Каравелла, лёгкая и хрупкая. Что она здесь делает? Команда Патрона пробилась к миру на линкоре-то еле-еле, да и то благодаря сноровке Зедекии. Может, бросили? Огни-то вон не горят, висит в Пустоте, как мёртвая. Нет, была бы мёртвая — свернулась бы в шар. Как Шофет. И вокруг бы летали человечки-пассажиры вперемешку с хламом. Значит, на борту что-то случилось.

Патрон вывел на экран сообщение. Каравелла запрашивала помощь и предупреждала о том, что сидит на мели, границы которой не знает. Вот те нате! Что ещё за мель? Андарс говорил, что вокруг Суушира полно капканов. Один из них? Патрон сейчас шёл строго по маршруту старого курса: след в след по тому пути, по какому прилетел сюда. И пока ему везло. Проигнорировать сигнал бедствия? Жаль упускать такой корабль. Пираты неплохо поживились на драконоборцах, да и по миру прошвырнулись успешно и безнаказанно, нужды ни в припасах, ни в деньгах не было. Но каравелла... слишком заманчиво висела беспомощная и тихая — подходи и бери. Не в силах закоренелого пирата пройти мимо такой лёгкой добычи. Надо свистнуть ребят, чтобы подготовились к штурму. К добротному и правильному. В полной боевой выкладке. Вдруг всё-таки ловушка?

Держась на приличном расстоянии и орудуя только абордажными щупальцами, Патрон без проблем вытянул севшую на мель каравеллу, притянул к себе, прижался боком и срастил корлионовые слои. Вся команда крейсера, вооружённая до зубов, осторожно вошла сквозь образовавшуюся в корпусе дыру на чужой корабль. Шун оставил четверых бойцов охранять проход и прикрывать тылы, а остальных повёл на капитанский мостик. Их никто не спешил встречать. И это напрягало. Было бы гораздо проще, начнись тут пальба без предупреждения. Проще и понятнее. А пустые коридоры настораживали.

До рубки дошли, так никого и не встретив. Шун послал на мостик Лупера и Тома разведать. Лупер и Том вернулись почти сразу.

— Там только девка, капитан, — пробасил Том и заухмылялся. — Хорошенькая.

Команда оживилась, и Шуну пришлось прикрикнуть на бойцов, чтобы не расслаблялись. Неужто в Суушире не удовлетворили все свои прихоти? Развернуться было где. Капитан махнул рукой, мол, вперёд, и пираты ворвались на мостик. И сгрудились в проходе, разглядывая... Да какая же это девка?! Девочка! Маленькая, щупленькая. Стоит, испуганная и готовая расплакаться, босая, в сарафанчике. Совсем как Ани, дочка капитана. А эти похотливые ублюдки за спиной уже слюной капают, гады! Шун слышал их возбуждённое сопение. Обдолбались что ли?! Она же ребёнок совсем! Капитан развернулся, вскинул импульсор. И тут же получил обжигающий толчок в плечо, отлетел в рубку, влетел спиной под кресло. Закряхтел от боли, скрючился, прислушиваясь к шипению раздражающих воздух лучей импульсоров. Его бойцы в кого-то стреляли. Молча, сосредоточенно. Тела падали на пол, их, тел, Шун насчитал тринадцать. Ровно столько же без него самого и ещё четверых, оставленных на стрёме, было людей в штурмовой команде Патрона... Что происходит?!

Повисла тишина. Кресло над капитаном скрипнуло, и на палубу опустились ноги в чёрных сапожках на высокой платформе. Звякнули пряжки на многочисленных ремешках. Кресло отъехало в сторону, и над Шуном возникло лицо. Девичье. Глаза синющие, густо подведённые чёрным, смотрят требовательно и серьёзно из-под козырька капитанской фуражки. По-взрослому смотрят. Где же босоногая девчонка в сарафанчике?.. Морок? Что же тогда увидели пираты, методично расстрелявшие друг друга?..

— Живой! — девушка склонилась над капитаном Патрона. — Хвала небесам! Я уж думала, что перестаралась!

Тринадцать трупов — это не перестаралась? Шун потянулся к ножу на поясе. Импульсор он выронил, когда упал.

— Эй! — девушка нахмурилась. — Ну-ка посмотри на меня, милый.

Шун посмотрел раньше, чем вспомнил про морок. Синие глаза сверкнули.

— Ты не причинишь мне вреда. И будешь делать всё, что я прикажу.

— Я не причиню тебе вреда, — послушно сказал Шун и опустил руку. — И буду делать всё, что ты прикажешь.

— Меня зовут Бэт, — представилась девушка. Присела на корточки рядом с капитаном, развернула его, скрюченного, осмотрела плечо. Поджала губы и, помедлив, приложила к ране ладонь. — Но ты зови меня Найорк. И добавляй «моя госпожа».

— Да, моя госпожа Найорк.

— Вот так хорошо.

Боль в плече отпускала. Ладонь девушки холодила кожу, успокаивала обожженную импульсором плоть. Бэт встала, и Шун поднялся за ней. Огляделся. Вся его команда мертва. И ещё трупы в рубке. Как он их сразу не заметил? Тоже были скрыты мороком? Пустые коридоры, пульсирующий в висках крик интуиции: опасность! Не послушал. И теперь — нате, получите, распишитесь — какая-то малолетка приказывает ему, матёрому пирату, называть её госпожой. Шун покосился на девушку. Да нет, не малолетка. Росточком не вышла, личико кукольное, агрессивный макияж и кожаный прикид, но глаза выдают. Усталые какие-то. У подростков такой усталости в глазах не бывает.

— Ты убила моих людей... моя госпожа Найорк, — выдавил из себя Шун. Не хотел добавлять «моя госпожа», но не получилось. Внушение?

— Пф! Да я их и пальцем не тронула! — Бэт презрительно скривила губы. — Они сами решили умереть.

— Ты их зачаровала... моя госпожа Найорк.

— Нет, так не годится. Звучит ужасно! Давай обойдёмся без «моя» и «Найорк».

— Да, госпожа, — Шун выговорил это с мукой на лице.

Бэт улыбнулась, ободряюще похлопала его по здоровому плечу.

— Ты привыкнешь.

— Не хотелось бы, госпожа.

— Умереть как они лучше?

— Может быть, госпожа.

— Какие мы гордые! Служить даме — это честь.

Что-то такое отразилось на лице капитана, и Бэт фыркнула:

— Мужлан! — она возмущённо тряхнула волосами. — Ладно. Это все твои люди?

— Н-нет... — врать оказывается Шун ей тоже не может. Плохо. — Госпожа...

— Сколько?

— Четверо на входе... госпожа.

— Они мне нужны живыми. Я много своих сил потратила на этих, — Бэт кивнула на грудь тел. — Отвлеки их так, чтобы я смогла их... хм... как ты сказал? Зачаровать?

Она расслабилась. Увидела лиса и потеряла контроль. Шун прыгнул на неё без раздумий. Он не ждал этого момента, но как только поработавшая связь пропала — напал. Но Бэт увернулась. Тяжёлый кулак пирата шаркнул по волосам в дюйме от уха, капитана по инерции развернуло к девушке боком, и она не преминула этим воспользоваться. Резанула по рёбрам чем-то острым, отпрыгнула, шипя как кошка. Зрачки у неё расширились, глаза стали почти чёрными с тонкой полоской синевы, дикими. Шун схватился за бок одной

рукой, а свободной вытащил нож. Зря не обезоружила, дура самоуверенная. Пират старался не смотреть на девушку, чтобы снова не попасть под её чары.

— Чего стоите? — заорал он бестолково топтавшимся на месте четверым бойцам. С них ведь чары тоже слетели? — Валите эту..!

Пираты неуверенно переглянулись. Им-то капитан сам лично сказал, что эта девка — друг. Её надо защищать. И как валить-то теперь? Бэт попятилась, встряхнула кистями, выпуская острые крючковатые когти. Чёрные. То, что капитан принял за агрессивный мейк, было природного происхождения: и подводка вокруг глаз, и чёрный лак на ногтях.

— Ты совершаешь ошибку, — растягивая шипящие, медленно произнесла Бэт, продолжая пятиться. — Я сохранила тебе жизнь.

— Раба? — сквозь зубы выдохнул Шун.

Боль заливала бок, растекалась по телу. Когти ядовитые? Или полоснула она ими хорошо так? Бойцы на помощь не торопились. Бестолочи!

— Мне нужно было как-то обезопасить себя, — Бэт натянуто улыбнулась пиратам, всё же наставившим на неё импульсоры. — Не я ворвалась к вам с пушками и мерзкими ухмылочками. Что ты видел, капитан? Там в рубке?

— Я видел свою дочь! — Шун плавно, без резких движений сделал пару шагов к девушке, перетёк всем телом с одной ноги на другую. — И хотел защитить!

— Дочь? — Бэт растерянно заморгала. И тотчас растерянность на её лице сменилась злостью. — Ты — дочь, а остальные? Да они с порога меня взглядом раздевать начали! Скажи мне, капитан, поручился бы ты за мою безопасность, не зачаруй я тебя?

Шун не поручился бы. Рано или поздно его бойцы оголодали, и тогда девчонку ждала незавидная участь. Это так. Пираты — есть пираты. Вседозволенность порой размывает границы между плохим и хорошим. Но убивать только за нечистоплотные мысли — жестоко. И могла ведь, паскуда, их всех потом зачаровать, чтобы руки не распускали!

Капитан не ответил. Вместо этого снова перенёс вес тела с ноги на ногу, подбираясь к девушке всё ближе. Бэт нехорошо прищурилась.

— Я убью вас всех, — предупредила она. Это не было истеричной угрозой, Шун понял. Девка была полностью уверена в своих словах. — А мне всего лишь нужно попасть в этот чёртов мир. Проведите меня в него, и я отпущу вас.

— Так что делать-то, капитан? — подал голос один из бойцов. — Стрелять?

Пираты тарасились на неё, но она их почему-то не зачаровывала. Силёнок не хватает? Шун осторожно скосил на девушку глаза. Стоит напряжённая, хмурится. Смотрит на дула импульсоров. Ищет варианты, как выкрутиться? Взять с неё нечего, а Патрон под завязку забит добычей. Кончать с девкой и валить, пока не поздно. Но угроза убить не была беспочвенной. Почему-то Шун был в этом уверен.

— Зачем тебе в Суушир? — спросил незнакомый голос.

Все вздрогнули и разом повернулись к двери. В дверном проёме, помахивая хвостом и скалясь, сидел шмыгнувший в начале перепалки в коридор Бельмо. И больше никого не было. Глаза у лиса светились зелёным.

— Что за чёрт?! — вырвалось у капитана. Опять морок? Мысли Шуна наконец-то пришли к правильному решению. — Стреляйте, придурки!

Пираты выстрелили. Кто — в лиса, кто — в девку. И ни один не попал. Бэт отскочила, но не достаточно быстро, чтобы избежать попадания луча. А Бельмо... сидел, как сидел. Зевнул, когда бойцы с недоумением уставились на свои импульсоры. Шун досадливо

сплюнул и метнул в девчонку нож. И тоже промахнулся. С такого-то близкого расстояния! Нож вошёл в переборку почти по рукоять точно за головой девки, но как он не задел её — не понятно.

— Ещё есть, чем побросаться? — спросил всё тот же незнакомый голос. Не ясно, мужской или женский — мягкий, низковатый, какой-то шуршащий.

Капитан развернулся к двери. Его бойцы, опустив оружие, пялились перед собой абсолютно пустыми взглядами. Как болванчики. Всё-таки зачаровала! Шуну проще было поверить, что всё происходящее — какая-то изошрённая игра синеглазой ведьмы, чем принять то, что их Бельмо заговорил. Он был обычным лисом! Гадил по углам, грыз мебель, пугался под ногами... Но кроме лиса в дверях по-прежнему никого не было.

— У него закончились метательные снаряды, — сказал Бельмо (определённо он!) и привстал на задние лапы, чтобы разглядеть за Шуном девушку. — Так зачем тебе в мой мир, дорогуша?

Удерживать под контролем свободолюбивого капитана и его четверых подручных было тяжело. Силы почти закончились. Поэтому, когда Бэт поднялась на Патрон, как звали свой корабль пираты, и увидела белого зверька, она от неожиданности упустила связующую разумы нить. Не потому, что девушка, и что лисички — милые, а потому, что эта лисичка пахла *силой*. Живительной, даже жизнетворной *силой*. Той, которой кошке так сейчас не хватало. И пират, этот Шун, воспользовался замешательством, чтобы напасть.

Бэт бы отбилась. Даже истощённая, она бы уложила пятерых бойцов Патрона со всеми их пистолетами и ножами. Но кто бы потом вёл корабль? Патрон не спал и был настроен на капитана, а Бэт умела водить корабли только в ручном режиме. И то — так себе. Хотелось бы договориться, но не получалось. К тому же в дверях опять замаячил убежавший было лис, и запах его *силы* затуманил разум.

Вроде бы, пираты начали стрелять. Вроде бы, Бэт увернулась. И от ножа капитана увернулась. Вроде бы... она не понимала, что происходит. Голод сводил с ума, тело кричало, что лимит собственных сил исчерпан, что срочно нужна жизненная энергия. Чужая! Иначе — смерть. Сначала забвение, а потом, через мучительно долгое время — смерть. Бэт уже не раз была на самом краю, а сейчас рисковала сорваться в пропасть.

От голода в ушах шумело, но Бэт расслышала обращённый к ней вопрос:

— Так зачем тебе в мой мир, дорогуша?

И несколько не удивилась, что этот вопрос задал лис. С такой-то силищей он и летать мог при желании, и звёзды с неба хвостом смахивать. И миры создавать — чем чёрт не шутит? Поэтому Бэт поверила сразу, что перед ней в облике животного не кто иной, как один из владык Суушира. А раз так, то ввали всё про хаимов. Хаима кошка бы почувствовала сразу. Бэт покосилась на пиратов. Те застыли, как истуканы с отсутствующими взглядами, будто им в голове рубильником щёлкнули. Теперь точно зачарованные... Бэт перевела взгляд на лиса. Лис нетерпеливо шевельнул ушами и уселся на хвост, сложив лапки на груди:

— Ну?

— Я преследовала орден, — Бэт сняла фуражку, которая лезла на глаза, устало прижалась лопатками к переборке. Задела виском рукоять торчащего в ней ножа. Как всё-таки увернулась? Летел прямо в лицо же...

— А, — лис покивал. — Не ты одна. Но с ним уже покончено. Ты опоздала.

— Кофа мёртв?

— Кофа? Я не знаю имён. Но многие погибли. Может, мёртв.

— Он — глава ордена.

— Глава в башне. Наказан. Мстить прилетела?

— С чего ты взял?

— Спасать? — лис состроил уши домком. И тут же развёл их в стороны. — Нет, не думаю. Я чувствую в тебе боль давней утраты и злость. Это не спасательный набор, а набор мстителя. Таким образом, ты летишь в мой мир убивать. Как я устал от этого...

Лис опустил на все четыре лапы и помотал мордой.

— Устроил свалку в моём саду, — забормотал он. — Джинна ему мало? Нужно было Мифлецета притащить... Бедлам! Джинн уже принохивается к Менкару, в стойку встал...

— Менкар? — Бэт встрепенулась. — Ты сказал, Менкар?

— Да, а что? — лис обвил хвостом лапы. — Ах, я сразу не понял! Ты тоже с Менкара, да. Но это почти не заметно, его ворота для тебя закрыты. Почему? Интересно... И ты вампир.

— Я не вампир! — Бэт не поняла про ворота, нахмурилась.

— Вампир. Ещё какой. Скольких ты съела тут? И этих, — лис кивнул на застывших пиратов, — съела бы, не вмешайся я.

— Я вынуждена была...

— Да, да. Понимаю. Что уж теперь говорить? Но это даже хорошо, что ты вампир. Возможно, сможешь мне помочь с Разрушителем. Когда его сердце вконец заледенеет, он уничтожит мир. А оно уже инеем покрылось. Как у тебя. А Суушир мне дорог. Да и джинн позволит себя съесть, только чтобы стать частью Менкара и ассимилировать его. А это совсем не хорошо. Котлован станет джинном и втянет в себя всё сущее. Это, конечно, очень заманчивая концовка, но не хочется к ней торопиться...

Бэт сползла по переборке на палубу. Этот лис сам с собой говорит? Что за джинн? Что за Разрушитель? Причём тут Менкар?! И с чем помогать? Ей нужен только Кофа. Найти его и подарить ему столько страданий, сколько только вообразить можно. Всё остальное — уже не важно. Оно умерло давным-давно. Вместе с братом, племянниками... друзьями.

— Ты совсем обессилила, дорогуша, — лис внимательно посмотрел на девушку. — Но этих людей я тебе не отдам. Пусть улетают, хоть и намусорили они у меня в мире. Я сегодня добрый. А тех тринадцать, что перестреляли друг друга, я сочту твоим подарком мне. Подношением. Ты собираешь *силу* как в дырявый карман — всё мимо. И души оставлять витать в Пустоте — нехорошо. Не долетят они до Творца. А мне пригодятся...

Бэт только ресницами хлопала на лиса. Она совсем запуталась в его словах. Но сил действительно не было. Она вздохнула и, когда лис сделал паузу в своей путаной тираде, спросила:

— А я?

— А что ты? Летишь со мной на Остров.

Шун наблюдал, как в обзорном экране мерцает сфера мира. Его родного мира. Сколько лет он уже не видел жену и дочь? Шесть? Восемь? Ани, наверное, уже совсем взрослая. Узнает ли она его? А если и узнает, захочет ли видеть? Отец-контрабандист — не самое лучшее, что Шун мог ей предложить.

— ... и восемнадцать глевий, — голос квартирмейстера вывел капитана из раздумий.

Восемнадцать... что-то толкнулось в памяти, связанное с этим числом. Толкнулось и ускользнуло. Шун потёр висок.

— Хорошая добыча, Питер, — отозвался капитан. — Точно никаких документов? След к нам не приведёт?

— Нет, капитан. Я всё тыщу раз проверил. Всё наше. Раз ничьё.

Питер захохотал. Шун улыбнулся. Удачно вышло с этим грузом. Раз ничьё — то наше. А наше такое, что можно смело уходить на пенсию и забыть о контрабандных делах. С ними ведь и до безбашенного пиратства недолго скатиться. А быть пиратом Шуну не хотелось. Это в книгах пираты благородные и романтические. В реальности же нет ничего, кроме крови, грязи и бесчестья. Такого отца для Ани Шун точно не хотел бы.

Патрон снизил скорость и мягко вошёл в оболочку сферы мира. Вот и дом...

Бэт давно не снились сны. Она привыкла спать вполуха, постоянно ожидая облавы, готовая бежать или драться. Первое всегда было предпочтительнее, потому что кошка боялась не успеть, умереть раньше, чем доберётся до этого ублюдка Кофы, который замучил до смерти всех её родных и близких. Она сама чудом уцелела, потому что о ней, как об участнице проекта Гениум Акаторис, никаких данных не было. Да и её самой-то быть не должно было...

Бэт снился брат. Весёлый, добродушный Герман, любимый и любящий, заботливый, единственный, кто всегда был рядом. Единственный, кто знал о её существовании, кроме родителей. Единственный, кто остался у неё после взрыва на Менкаре. Во сне он улыбался, что-то рассказывал, смешно размахивая руками, а Бэт смеялась. Так, как давно уже разучилась смеяться наяву.

Бэт улыбнулась и обняла подушку, нехотя просыпаясь. Тянуло прохладой, в воздухе витал тонкий аромат цветов и кофе. Сонно посвистывали птицы.

— Герман, который час? — спросила Бэт, сладко потягиваясь.

— Начало пятого. А кто это — Герман?

Бэт взвилась в воздух, метнулась вбок, перекатилась по полу, вскочила, вскинула перед собой руки и выпустила когти. Открыла глаза, бешено завертела головой, осматриваясь в поисках противника. Обнаруженный противник — человек, мужчина, — с иронией и любопытством смотрел на неё поверх деревянного мольберта и крутил в пальцах испачканную краской кисть. За его спиной в кустах с крупными синими цветами заполошно скакали и чирикали испуганные манёвром девушки мелкие пёстрые пичуги. Бэт нахмурилась. Никто её не пытался убить. Девушка скосила глаза вправо, влево. Беседка. Круглая, небольшая, сводчатый купол подпирают стройные колонны, увитые плющом. По полу, выложенному мраморной плиткой, разбросаны подушки. На низкой каменной лавочке лежат свёрнутый плащ и капитанская фуражка. Рядом стоят сапоги. Бэт глянула на свои босые ноги. Набрала в лёгкие воздух, бросила сердитый взгляд в сторону человека с кистью и возмущённо выдохнула.

— Я снял только самое необходимое, а ты смотришь так, будто я тебя догола раздел, — тот усмехнулся.

Странный. Похож на панка: бритый череп, высокий густой ирокез непонятного —

алюминиевого? — цвета, такого же цвета короткая бородка, серьги в ушах. Вдоль ирокеза — наросты, подозрительно напоминающие рога. Ресницы и брови, в отличие от волос, — чёрные. Макияж? Сандалии, белый в брызгах краски халат вроде кимоно, подвязанный широким сиреневым поясом, и кисть в руках в образ панка как-то не вписывались. Да и староват этот чудной мужик панковать. Сколько ему? Сорок? Пятьдесят? Бэт втянула когти и выпрямилась.

— Присаживайся, — мужчина кистью указал на подушки. — Кофе остынет.

Миниатюрная чашечка с дымящимся кофе стояла на перилах беседки. Бэт глянула на неё, повела носом, сморщилась.

— Я не пью кофе, — буркнула она и направилась к скамейке с плащом, фуражкой и сапогами.

— Ты пьёшь людей, — мужчина кивнул. — Но это чуть позже.

— Что чуть позже? — Бэт облачилась в свою одежду, нацепила фуражку и обернулась.

— Люди. Я научу тебя, как пить *силу*, не убивая.

— А... почему? То есть, кто ты такой вообще?! — Бэт отступила к перилам беседки, краем глаза выискивая лазейку в кустах. — С чего ты взял, что меня нужно учить?

— С того, что на Острове мне трупы не нужны, — слово «остров» старый панк тонально выделил. — А я — хозяин тут. Все зовут меня Аистом.

— Халифом? — Бэт фыркнула.

Трупы ему не нужны на Острове. Кто сказал, что она здесь задержится?.. Мужчина издал звук — нечто среднее между смешком и покашливанием. Положил кисть на подставку мольберта.

— Можно и Халифом, — сказал он, улыбаясь. — Но, вообще-то, я — Мельхиор, Мельх.

— Поэтому выкрасил волосы в такой ужасный цвет?

Мельхиор замер с застывшей улыбкой. Поморгал растеряно. Опустил глаза. Еле слышно уточнил:

— Всё так плохо?

— Отвратительно!

— Тогда буду считать это врождённым уродством.

Хозяин Острова вздохнул так тяжело, что Бэт стало немного стыдно за свою нетактичность.

— Ну, — она замялась, подбирая слова. — Конкретно тебе идёт. Ты загорелый... оттеняет...

— Правда?

Мельхиор глянул на неё с надеждой. Глаза у него были того же алюминиевого... или мельхиорового?.. оттенка, что и волосы, и борода.

— Правда, — соврала Бэт и отвела взгляд.

Вид у этого Аиста был более чем чудаковатый, но не обижать же его, в самом деле? Он тут хозяин, а она — гость. Убегать из беседки почему-то расхотелось. Было в ней как-то уютно и спокойно. Бэт давно ничего подобного не ощущала. Да и Мельхиор оказался забавным.

— А что это за остров? — спросила Бэт, присаживаясь на краешек скамейки.

— Не остров, а Остров, — поправил её Мельхиор. Он отошёл от мольберта и облокотился на перила беседки. — Его так и называют — Остров Аиста. Или Блуждающий Остров. Потому что никто не знает, где он находится.

— Но он хотя бы в Суушире?

— Конечно! Это же мой мир! А Остров — мой дом. Вроде дачи.

— Слушай, Халиф... — Бэт мельком глянула на Аиста, не обиделся ли? Нет, не обиделся, вроде. Весь внимание. — Насчёт этого. Того, что мир — твой. Ты тут бог?

— Я нарисовал Суушир, но не правлю в нём, — Мельхиор покачал головой. — Моя картина живёт сама по себе. Мне иногда хочется вмешаться в дела её обитателей, но я не могу... А боги сейчас здесь — хаимы. Как-то нашли нас, вселились в тварные тела и решили навести свой порядок.

— Семеро? Прямо как рассказывают? — удивилась Бэт.

— Да, семеро. Меня тоже удивляет то, как они терпят друг друга в тесном мирке. Но это всё потом, дорогуша, — Аист оттолкнулся от перил и шагнул к ней. — Тебе нужно поохотиться. Я всё ещё помню, как ты пожирала меня в облике лиса глазами там, на корабле. Сейчас голод отступил, потому что Остров — сам по себе *сила* и подпитывает тебя. Но это временный эффект. Пойдём со мной. Я покажу тебе, где ты можешь наловить себе мышат, киса.

Бэт ответила возмущённым «Пф-ф!». Сам он киса! Чудик Халиф-аист... Не отказываться от охоты глупо и в её положении — неприемлемо. Тем более, когда её тебе предлагает сам владелец охотничьих угодий.

То, что Аист назвал охотой, больше всего походило на взлом и проникновение в тщательно охраняемый особняк с ликвидацией охраны. Взламывала и ликвидировала, конечно, Бэт, а Мельхиор только проникал. Но вот куда? И зачем? Бэт чувствовала, что поддерживающей силы Острова больше нет, значит — это какое-то другое место. И если вспомнить, что сюда они добирались порталом... На все вопросительные взгляды Бэт Аист только улыбался и качал головой, мол, все вопросы потом, а сейчас — займись делом.

Двух охранников в сквере перед особняком Бэт даже не заметила. То есть, заметила: прыгнула из темноты между ними, вонзила когти под вскинутые от удивления подбородки, прямо туда, где сходятся ремни круглых шлемов, легко забрала *силу*. Но голод был сильнее, чем она думала, и живительная энергия провалилась в чёрную дыру безвкусной каплей. Нехорошо. Скольких Аист позволит ей безнаказанно убить здесь, чтобы насытиться? На каком бездыханном теле он решит, что пора учить не убивать? И как вообще он, отпустивший пятерых пиратов, может спокойно наблюдать, как кошка охотится на людей, которые даже подумать плохо о ней не успевали?!

Бэт вскрыла замок и осторожно толкнула широкую дверь в полумрак просторной анфилады. С охранявшими этот вход солдатами она покончила так же быстро, как и с охранниками в сквере. Разве что не поленилась оттащить тела в сторону, чтобы караульная смена раньше времени не подняла тревогу.

— Никого, — шепнула Бэт, пригнувшись.

— Молодец, — Мельхиор возник рядом, как панковатое приведение.

Ему бы кожаную куртку и цепей на пояс вместо этой хламиды, которую он даже не озаботился сменить — так и телепортнулся в забрызганном разноцветной краской халатке-кимоно. Бэт покосилась на Хозяина Острова. Ладно, он не бог. Но ведь демиург! Разве не полагается им носить что-нибудь торжественное, двигаться и говорить с патетикой, пускать молнии из глаз? Хотя, молнии из глаз — это скорее как раз к богам. Но и но! Кто поверит, что этот бритый панк создал целый мир?! Бэт и сама с трудом верила. Да и не поверила бы,

не будь у этого чудика Халифа-аиста такой силищи. Запредельной. Как раз такой, какой миры и клепаются...

— Побудь здесь, — прошептал Мельхиор и бесшумно скользнул в анфиладу.

— Да без проблем, — хмыкнула себе под нос Бэт и привалилась к стене.

Четыре человека, а она всё ещё голодна. Ей бы сейчас в горячую точку в самом неблагоприятном регионе... Там даже убивать никого не приходилось — просто приходи и бери. Опасайся шальной пули, мирись с грязью, кровью и кишачими в матрацах насекомыми, но будь сыта каждый день без угрызений совести. Не ты же убиваешь. Люди. Друг друга. Всё, что делала там Бэт, называлось милосердием. Только вот когда она перестала считать себя человеком?..

Аист соткался из сумрака анфилады так неожиданно, что Бэт вздрогнула. Он держал на руках... ребёнка?

— Уйдём из парка, — сказал Мельхиор. — Здесь помехи.

— Это что? — Бэт вытаращилась на мальчика лет пяти на его руках.

— Я его забираю.

— Похищаешь?

— Не то... чтобы. С точки зрения его опекунов — да. Пошли уже!

Мельхиор шагнул к арке-окну, через которую он проникли на второй этаж особняка, вскочил, как взлетел, на высокий парапет, обернулся на девушку.

— Это не то, что ты думаешь, — сказал он. — А сюда уже спешит охрана.

И спрыгнул вниз. Бэт поджала губы, ловко перемахнула через парапет, упруго приземлилась на подстриженную траву сквера.

— А что я думаю? — шепотом спросила она Аиста, догнав его и с трудом подстраиваясь под широкий шаг.

— Я не ем детей, не принимаю ванны из крови младенцев, не приношу их в жертву... Да что угодно!

— А что тогда? — Бэт ничего такого не думала.

Не успела пока подумать. Но на Патроне этот чудик говорил про души. Ох, нельзя так думать о демиургах, совсем нельзя...

— Забираю их. К себе на Остров. Но только тех, кто хочет быть забранным.

— Зачем?

— Чтобы они жили и радовались, что тут непонятного? — Мельхиор остановился и окинул девушку раздражённым взглядом. — Я их спасаю.

— От родителей?

— За редким исключением. И знаешь, что? — Аист сдвинул брови. — Я уже тысячу лет ни перед кем не отчитывался!

— А раньше было перед кем? — взгляд Бэт стал невинным. — Перед федеральной службой по надзору?..

— У меня сын был! — Мельхиор начинал терять терпение. — Но он вырос и ушёл!

— И ты заглушаешь боль утраты, воруя чужих детей?

Позади в особняке замелькали факелы и послышались взволнованные крики. Мальчик на руках Хозяина Острова начал просыпаться.

— Видишь, что ты наделала?! — зашипел на девушку Аист, прижимая ребёнка к себе.

— Да я... — начала было Бэт, но Мельхиор растаял. Просто исчез. — Ну, блин!

Крики за спиной становились всё громче. Бэт обернулась как раз в тот момент, когда

над домом вспыхнул яркий свет. Она пригнулась к земле и нырнула в тень деревьев, посаженных редкой стеной вдоль дорожек сквера. Бросил?! Использовал, чтобы украсть ребёнка и смылся?!

— Я не смылся, — сказал Мельхиор над самым её ухом. Схватил её за локоть и потащил к ограде. Мальчика у него уже не было. — И я не краду детей! — он толкнул Бэт в светящийся круг портала.

Последнее, что она услышала, проваливаясь в разноцветный вихрь перехода, было:

— И не заменяю ими Фаахи!

Странный разговор продолжился уже на Острове. Аист перенёс Бэт в свои апартаменты. Что это апартаменты именно Хозяина Острова, Бэт поняла по картинам на стенах с изображением — кого бы вы думали? — аистов. В разных позах и на разном фоне. Только вот нормальные аисты детей не воруют, а наоборот обычно приносят. Но кто ж поймёт, как устроен мозг у демиургов? К тому же, у демиургов-художников. Творческие люди сами по себе народ чудной.

— Фаахи — это твой сын? — спросила Бэт, едва отдышавшись после головокружительного полёта сквозь портал.

— Мой сын, — Мельхиор ничком упал на громадную, в полспальни, кровать. Пробубнил в ворох одеял: — Знал ведь, что от смертных одни проблемы...

— Не обижайся, — Бэт прошлась по комнате, разглядывая картины. — Я просто хочу понять. Кто ты, зачем тебе я. И про детей.

— Да что с детьми-то не так?! — Аист перевернулся на бок и недовольно глянул на неё. — Все, кого я забираю, хотят оказаться в другом месте. Я им это место предоставляю. Они здесь счастливы! Живут, играют, воюют!

— Воюют? — Бэт остановилась и оглянулась.

Мельхиор закатил глаза.

— Понарошку. Объединяются в кланы и захватывают территории друг друга. Чей клан победит, тот волен будет уйти с Острова.

— А, то есть они всё же хотят уйти? Маловато счастья?

Мельхиор снова замер с застывшим выражением лица. Долго смотрел на Бэт. Бэт стойко выдержала взгляд. Кто-то, а она в гляделки играть умеет получше многих.

— Дай людям свободу — они захотят власти над собой, — Аист тряхнул головой и занавесил лицо длинной чёлкой с ирокеза. — Придумают бога или кучу ограничивающих правил. Забери свободу — они будут рваться к ней всей душой. Такие уж люди. Я всего лишь поставил условие.

— Детям? Тому мальчику не больше пяти лет!

— Пятилетние и не воюют! — Мельхиор вскочил с кровати. — Как ты смеешь критиковать мою игру в моей же песочнице?!

— Я не критикую, — Бэт на всякий случай зашла за кресло. Чудик — чудиком, а всё-таки демиург как-никак. Надемиуржет ещё что-нибудь с ней эдакое... — Твой мир — твои правила. Хоть купайся в крови младенцев, мне-то что. Я-то тебе зачем? Спасибо, конечно, что помог мне тогда на корабле. Накормил, как бы это со стороны ни выглядело... хм... Но дальше что? Хочешь, чтобы я помогала тебе кра... забирать детей? Или как?

Аист по-птичьи дёрнул головой. Задумался. Заложил руки за спину, покачался с носка на пятку.

— Ты знаешь, чем привлекателен твой мир? — спросил он.

— Эм... Менкар?

— Да.

— Тем, что его нет, но он как бы есть?

— И этим, несомненно. Но, — Мельхиор присел на кровать и похлопал ладонью рядом с собой. Бэт отрицательно мотнула головой и улыбнулась, показывая, что ей и здесь, за креслом, неплохо. Хозяин Острова пожал плечами, продолжил: — Но не это главная особенность Менкара. Ваш мир не погиб, когда из него проклюнулось Древо. Это чудо! А раз это — чудо, то мир нужно сохранить. Тот, что внутри таких, как ты. Во-о-от... Понимаешь?

— Пока да, — Бэт кивнула. Облокотилась на спинку кресла, чтобы удобнее было слушать.

— А кто такие джинны, знаешь?

— Из лампы?

— Ясно всё с тобой, — Мельхиор усмехнулся, накрутил чёлку на палец.

Когтистый палец, как у самой Бэт. Сейчас Хозяина Острова можно было спокойно рассмотреть. Голод, хоть и никуда не делся, но отступил. Никто не гонится за Бэт, никто не стреляет, не нужно никуда вламываться... Интересно, эти наросты у него на голове — это рога? Надо спросить. И про ресницы с бровями. Красит он их что ли? Серьги в ушах ещё ничего не значили, но располагали к использованию туши... И бородака ещё эта, гламурненькая...

— Тот джинн, что живёт в Суушире, — Аист счёл пристальное внимание к своей особе за интерес к его рассказу. — Не из лампы. Он — ассимилятор, поглотитель, червь, грызущий яблоко, древоточец и вирус. Он проникает в мир, вбирает в себя все знания о нём, все эгрегоры и прочие энергии, и становится миром, необратимо меняя его под себя. Делая его собой. Не частью себя, а именно собой. Разум обитателей поглощённых джинном миров считает, что я — это всё вокруг, а всё вокруг — это я.

— Но ведь Творец есть в каждом из нас? — рассеянно спросила Бэт, размышляющая о внешнем виде Аиста. — Чем это отличается...

— Ты не слушаешь меня? — Мельхиор сердито дёрнул чёлку. Поморщился. — Джинн вытесняет Творца, стремится занять его место. Но сам он ничего нового не создаёт, лишь изменяет существующее. А Творец — Создатель. Как ты не можешь отличить одно от другого?

— Да я не сталкивалась с джиннами, — Бэт сосредоточилась. — И с философствующими аистами — тоже.

Смешно наблюдать, как каменеет лицо у этого чудика. Он словно теряется во времени на мгновение. И взгляд становится такой по-детски удивлённый, немного обиженный, непонимающий. А потом ресницы — так покрашенные или нет? — медленно опускаются на выдохе и вскидываются на вдохе вновь. Забавный Халиф...

— Так. Бесполезно! — Мельхиор откинулся на спину и уставился в потолок. — Суть. Сразу. Джинн сейчас в Суушире. В Суушире же Мифлецет, Разрушитель. Если они столкнутся, а они столкнутся, то будет беда. Джинн убьёт Разрушителя, Разрушитель сожрёт джинна, джинн таким образом попадёт в Менкар и станет Менкаром. А потом Менкар

станет джинном. И джинн ассимилирует Котлован. И тогда беда уже всему Шельяару. Так ясно?

— Не очень, но я поняла, — Бэт обошла кресло и уселась в него. — Есть один прожорливый чувак, и второй прожорливый чувак. Они друг друга проглотят, и один через другого захватит Менкар, а потом и всю Систему.

— Что-то не то, но похожее, — Аист покосился на неё. — А ты не дашь Мифлецету столкнуться с джинном.

— Я?!

— Ты.

— Но как?!

— О, а это самое интересное! — Мельхиор приподнялся на локтях и улыбнулся.

Она услышала только про любовь. Этот Халиф-аист говорил что-то ещё про леденеющее сердце, озлобленность, карму и кровные узы, но Бэт услышала только: «Влюбишь в себя». Кого?! Разрушителя?! Чудовище, способное сожрать даже джинна?! Уму непостижимо!

— Нет.

Бэт была категорична. На это она не подписывалась. И почему она?! Что, мало других девушек в Суушире? Которых не жалко? Которым заняться больше нечем, как влюблять в себя озлобленных Миф... как их там?!.. цетов!

— Нет, — повторила Бэт в ответ на возмущённый взгляд алюминиевых глаз. — Нет, нет и нет.

— Но любовь — это единственный выход! — Мельхиор сел на кровати с таким недоумением, как если бы Бэт отвергла непререкаемую святую истину. — Ты спасёшь миллиарды миров!

— Пусть кто-нибудь другой спасает. А у меня своих дел по горло.

— Каких это? Мстить главе ордена? Он и так уже наказан, а твоё личное участие в его казни вовсе не обязательно.

— Ну, это уж мне решать!

— Нет, мне решать. Вы оба находитесь в моём мире. Я бы мог угрожать тебе, заставить тебя. Околдовать, в конце концов! Но тогда всё это потеряет смысл. Ты должна добровольно согласиться излечить сердце Мифлецета.

— Где логическая связь между «должна» и «добровольно»?! И почему просто не убить этого Разрушителя?

— Его нельзя убить. Он — Страж Менкара. Хранитель.

— Да боже ты мой! — Бэт согнулась в кресле и положила голову на колени. Фуражка съехала с неё и со стуком покатила по полу. — Тебе именно менкарка нужна? Да? Хочешь, я найду её для тебя? Такую, которая кого угодно за что угодно полюбит.

— Мне ты нужна.

— Да какого чёрта?! — Бэт выпрямилась и вперилась в Аиста взглядом. — Я тут случайно вообще оказалась.

— Случайностей не бывает. Я понял это сразу, как только увидел тебя.

— Всё равно нет. Не буду я никого в себя влюблять. Я не создана для этого. При всём желании у меня не получится.

— Но ты хотя бы попробуй, — голос Мельхиора стал вкрадчивым. — Не получится — так не получится.

— Как это — попробуй? Я что, приду к твоему Разрушителю, брошусь к нему на шею и скажу: люби меня?

Опять этот звук. Не пойми, то ли смешок, то ли покашливание. Бэт нахмурилась.

— Да, это смешно, — буркнула она. — В этом-то всё и дело. А ты не понимаешь.

— Понимаю, — Мельхиор улыбнулся. — Но особого выбора у меня нет. Я могу предложить тебе сделку. Я отдам тебе Кофу, если Разрушитель полюбит тебя, разорвёт кровную связь с другой женщиной и уберётся подальше от джинна.

— Ты не демон случаем? Души на корабле, сделки на Острове. Рога эти вон... Нет?

— Не демон. И рога, да. Но не все те, кто с рогами и душами — демоны. Цайары для разнообразия.

— А... — Бэт выдохнула и забыла вдохнуть.

Мельхиор смотрел на неё насмешливо.

— Я не хотел пугать тебя, но ты сама меня вынудила, — сказал он. — Да, я — тот, кому невозможно отказать. Ты же не собираешься стать первой, кто попытается?

Бэт прикусила язык. С цайарами не спорят. С ними вообще смертные не разговаривают. Точнее, цайары со смертными не разговаривают. Но где доказательства, что этот Халиф — цайар?! Бэт их даже на картинках-то не видела!

— Ладно, — сдался Мельхиор, видя бурную работу мысли на её лице. — Я — демон, который косит под Дитя Древа. И предлагаю тебе сделку. Кофу в обмен на сердце Мифлецета. По рукам?

Хозяин Острова протянул руку. Когтистую. Загорелую до бронзового оттенка. Можно считать этот цвет за красный? У демонов ведь красная кожа? Чешуи не хватает и хвоста с шипами. И морды пострашнее этой бородки. Бэт насупилась, встала с кресла и подошла к кровати.

— По рукам, — мрачно сказала она, с опаской протягивая Аисту ладонь. — Демон...

Глава VI. Чудовище

Джинна убивать нельзя. То есть, никто не знает, как. Точнее, как убить существо так, чтобы не погибли все те миры в нём, которые он уже успел поглотить и присовокупить к своей коллекции. Лэуорд — сууширский джинн-не-из-лампы — в своё время наелся мирами досыта. И сейчас нацелился на Менкар. Ну, и на Суушир, конечно! Как же без этого? Но Халиф сказал, что с его миром он разберётся сам. А Менкар, получается, мир Бэт? И ей с ним разбираться, так что ли? Не с ним, а с Разрушителем, который Страж Менкара. Которого тоже нельзя просто грохнуть.

— А если позволить Разрушителю слопать джинна и завалить два-в-одном? — спросила Бэт.

— Ты снова забываешь, что Хранителя убивать нельзя, — в который раз терпеливо объяснил Мельхиор.

— А спрятать этого Хранителя где-нибудь в другом мире? Так, чтобы джинн не нашёл?

— Тоже нельзя.

— Да почему?! Очень даже можно!

— Мой Фаахи такую возможность исключил, отдав Хранителю свою душу, чем привязал его к моему миру.

— А, своим сыном ты жертвовать не хочешь, вот в чём дело! — Бэт торжествующе ухмыльнулась. Причина всех сложностей — сложности в семье самого Халифа. Это же всё объясняет! — А мной, получается, можно?

— Ты уже приняла условия сделки! — Аист устало потёр лицо ладонями. — Браслет надела?

Бэт хмыкнула с видом победителя. Она его раскусила, демона этого! Не миллиарды жизней беспокоили Халифа, не чудо-мир Менкар и даже не судьба его Стража, а всего-навсего один заигравшийся мальчишка, поставивший папочку в неловкое положение перед всем Шельяаром. Расспрашивая Аиста при любом удобном случае (а Бэт любую возможность открыть рот считала удобным случаем), Бэт поняла, что и джинна, и Разрушителя в Суушир приволок Фаахи. Вон тот улыбающийся с картины — или фотографии? не поймёшь... — смазливый полузмей. Почему, интересно, полузмей? Закрадываются сомнения о родстве этого Фаахи и Халифа — аиста, крадущего детей...

Бэт тряхнула рукой, показывая, что браслет на запястье.

— Хорошо, — кивнул Мельхиор. — Он не позволит тебе выпивать людей... и нелюдей в том числе, разумеется, досуха. А со временем ты научишься улавливать ту грань, за которую переступать нельзя. Не снимай его никогда. Под «никогда» я подразумеваю...

— Да поняла я! Поняла, не переживай, — разрешить демону вносить уточнения — всё равно, что писать в договоре мелким шрифтом. Если демон захочет выкрутиться — он выкрутится. Так или иначе. А Бэт лишние условия ни к чему. Место для манёвра и себе оставлять надо. — Папочка.

Аист предсказуемо застыл, опустил ресницы. Задумчиво закусил губу. Затем вскинул взгляд на Бэт. Такой... оценивающий что ли взгляд? Так в примерочных смотрят...

— У меня диссонанс в душе, — проговорил Мельхиор шелестящее: ни в голос, но и не шёпотом, как-то переливчато, с текучими интонациями. — Ощущение, что я не должен

позволять тебе так со мной разговаривать, а что ты должна трепетать передо мной, ловить каждое моё слово, восторженно кивать и со всем соглашаться. Я не понимаю, почему до сих пор не наказал тебя, почему терплю.

— Вид у тебя такой, — Бэт пожала плечами.

От голоса Аиста мурашки по коже поползли, но восторженности или трепета она не почувствовала.

— Какой?

— Вот как сейчас! — Бэт закатила глаза. Хозяин Острова спросил с такой искренней заинтересованностью, что захотелось подойти и погладить его по голове. — Не суровый, не грозный, не величественный. Как-то не падается тебе в ноги, понимаешь?

— Совсем отвык со смертными разговаривать, — печально вздохнул Мельхиор.

— И вот это тоже! Твоё «со смертными» звучит как снобизм, а не как... не так, как если бы ты был богом, например.

— Но я и не бог...

— Пф! Ладно, проехали. Как-нибудь поработаю над твоим имиджем. Портал открывай, Халиф-аист.

Мельхиор хотел что-то возразить, но только зубами лязгнул — щёлкнул, как клювом. Помотал головой, занавесился чёлкой и мягко очертил перед собой полукруг ладонью. На полу разгорелось кольцо портала.

— Ещё раз озвучь боевую задачу, — еле слышно попросил он, не поднимая взгляда и явно борясь с собой: такое неопишное выражение лица у него было. Близкое к тому, когда люди не знают, плакать им или смеяться?

— Выпрыгиваю из портала, — Бэт подняла глаза к потолку и принялась загибать пальцы. — Визжу, чтобы меня захотели спасти, а когда спасут — бухаюсь в обморок как и полагается спасённой леди. Прихожу в себя предположительно у знахарки или что-то вроде того, ищу спасителя и горячо благодарю его. А там дальше действую по обстоятельствам. Ага?

— Как и полагается леди, — Мельхиор глянул на неё одним не занавешенным чёлкой глазом. Усмехнулся. — Я как-нибудь поработаю над твоим имиджем, киса. И, — он поднял руку, упреждая возмущённое восклицание. — Передо мной становятся на одно колено, а не падают к ногам. И касаются рукой сердца. Моего. В знак глубокого уважения и согласия с моей волей. Это так, на будущее. Вдруг тебе когда-нибудь захочется попробовать.

Аист подмигнул побагровевшей Бэт и кивком указал на портал:

— Удачи, киса.

Тварь была по-настоящему огромной. Не дракон, ясное дело, но клыками и рогами не далеко ушла. И крылья у неё были. Маленькие, кожистые, помогающие балансировать на тонких курьих ногах и вписываться в повороты. А пасть — не пасть, а клюв. Полный острых зубов в несколько рядов. По какому принципу они там, в Лиге, зверомонстров выводят, объясните? Чем нелепее — тем лучше? И с названиями у них напряг, видимо... Петуриха — это каким местом выдать надо было?!

Как бы там ни было, а Петуриха успешно загнала Саартана и Славиша в узкий проулок с нависающими сверху крышами и помостами, из которого они выбираться не спешили по той

причине, что куромонстра сюда протиснуться не смогла. Пока. Судя по грохоту обвалов за проулком, это «пока» было крайне ограничено во времени.

— Ты чего драконом не станешь? — шипел Вега, прижимаясь к стене и ошалело озираясь. — Заборол бы уже окорочок этот!

— А ты чего вампирские штучки не используешь? — Саартан тоже шипел, хотя — какой смысл? Петуриха и так прекрасно осведомлена об их месторасположении, хоть в голос ори.

— Это какие?! Я и так раз в сто быстрее тебя, стреляю без промаха. Кровью! Своей кровью фактически! Которой уже почти не осталось. А жрать тут некого!

— Мирэной говорил, что тебя и кирпичами можно...

— Сейчас ты у меня кирпичами..! — глаза Веги блеснули алым. — И... потом будешь кирпичами!

— Не я придумал, не рычи!

Они уставились друг на друга и замолчали. Грохот прозвучал уже совсем близко.

— У этой твари шкура толстая очень, — примирительным тоном сказал Славиш. — Бронебойные нужны. И то, если по сочленениям бить... А мне крови на них не хватит.

— На сочленения? — Саартан злился и не удержался от едкого замечания.

— На бронебойные, — Вега, кажется, язвительности в голосе соотрядника не заметил. Он глянул на Хранителя так, будто его осенило. — Слушай!..

— Даже не думай.

Хранителя посетила та же мысль. Драконья кровь — это не то, чем он готов делиться с кем попало. Он и в дракона-то обращаться не готов почему-то. И объяснить это себе тоже не мог. Вот и раздражался.

— Ну что ты ломаешься? — Славиш отлип от стены и шагнул к Хранителю. — Больно не будет, обещаю. Наоборот — приятно.

— Что-то я сомневаюсь, — Саартан отступил от него, направляя тому в грудь шпагу, но новый обвал за спиной заставил его остановиться и оглянуться. Рядом. Ещё немного, и Петуриха прорвётся на эту улочку.

— Ладно, — со вздохом произнёс Саартан, опуская шпагу. — Только помягче.

— Я буду очень осторожен.

Вега потянулся к Хранителю и тут же отпрянул от него под оглушающий хохот с крыши одного из домов.

— Чего ты ржёшь?! — злобно бросил вверх Славиш.

— Да видели бы вы себя со стороны! — со стоном сквозь смех проговорил Мицу, держась за край крыши, чтобы не свалиться вниз. — И слышали! Я уж думал, тут школьницу какую совращают!

Саартан помрачнел, отвернулся, пряча подступившую к лицу красноту. Вега глянул на него и заухмылялся. Гаденько так. Захотелось разбавить белизну упырьей рожи чем-нибудь ярко-красным... Дом впереди просел и сложился внутрь, подняв столб пыли. Петуриха с радостным клёкотом просунула в образовавшуюся брешь хохлатую голову, защёлкала клювом и начала протискиваться в проулочку.

— Гриль недожаренная! — ругнулся Славиш, в один миг оказавшийся рядом с Хранителем. — Ну и что делать будем, дракоша?

— Кусай! — Саартан сунул руку вампиру под нос. — Я отвлеку, а ты бронебойными. По сочленениям.

— Понял!

Славиш, не церемонясь, впился клыками Хранителю в запястье. Саартан почувствовал резкую, но быстро проходящую боль, обжигающий вены холод и последовавшую за ним волну наслаждения. Поёжился внутренне. Как бы не подсесть на кровососов...

Что-то сверкнуло белым, раздался хлопок и треск ломающихся балок. А потом проулок залила такая отборная брань, что эмпатическая речь в голове у Хранителя смущённо отползла куда-то в подкорку и скромно там притихла. Кто-то маленький и чёрный вылетел из кучи деревянной трухи и каменной крошки, прыгнул ошеломлённой Петурихе на клюв, пробежал по нему к гребню и, всё так же ругаясь и по-кошачьи шипя, вцепился в глаза курономстры когтями, ничуть не уступающими лезвиям на перчатке Мицу.

— Это шанс! — Славиш быстро вытер губы, вскинул пистолеты и рванул по проулку к скрытым завалами ногам Петурихи.

— Бей в шею! — Мицу махнул Саартану и понёсся по уцелевшим крышам следом за альбиносом. — Как только упадёт — бей в шею!

Упадёт куда? Саартан огляделся. Вокруг хлипкие постройки, а Петуриха нависает прямо над проулком. Если Вега подсечёт монстряине ноги, то... Додумать Хранитель не успел. Раздались выстрелы. Петуриха подскочила, вытянулась, дёрнула короткими крыльями, широко раскрыла зубастый клюв в жалобном крике и с громким треском рухнула прямо туда, где стоял Саартан. По всему проулку пробежала дрожь, прогнившие до основания стены деревянных домов и подпорки помостов не выдержали, рассыпались щепками и пылью. Длинная полоса новообразовавшейся улицы пролегла аж до самого леса.

Славиш и Мицу с разных сторон одновременно поднялись на спину поверженной Петурихи, хриплые вздохи которой становились всё реже, а шпоры на ногах скребли землю всё слабее и медленнее, огляделись.

— А где Саньч? — Славиш почесал дулом пистолета лоб.

— Был внизу, — Мицу лезвиями перчатки указал на голову Петурихи.

Петуриха вывалила из клюва посиневший язык и затихла.

— Она аккурат на него грохнулась, — подтвердила Бэт, брезгливо обтирая когти о пёстрый гребень курономстры.

Возмущённая словами Аиста Бэт не успела достойно ответить: кольцо портала метнулось ей под ноги и всосало в себя. И выкинуло с обратной стороны на десяток футов выше положенного на крышу ветхой хибары. Бэт провалилась сквозь гнилые доски, захлебнулась в ругательствах и пыли, вылетела из-под осыпавшихся балок, злая, как чёрт, охнула, увидев перед собой громадный клюв с зубами и клыками в локоть длинной. Разозлилась ещё больше, помянула Аиста всеми нехорошими словами, которые только знала (а знала она немало) и накинулась на пернатое чудовище, напоминающее курицу и тираннозавра одновременно, стремясь выцарапать глаза.

Под курозавром откуда-то из проулка начали стрелять. Бэт удивилась, услышав характерные для огнестрельного оружия хлопки. Огнестрел? Здесь, в Суушире? Откуда? Курозавр издал kloкочущий звук, подпрыгнул и всей своей массой обрушился на постройки под собой, ломая всё, что ломалось, и эхом падения обрушивая остальное. Бэт, чтобы удержаться, вцепилась когтями чудовищу в гребень. Кажется там, внизу, был человек. Бэт готова была поклясться, что видела, как взметнулся и утонул в перьях и обломках домов красный плащ. Бедолага! О такой бесславной смерти даже потомкам рассказать будет

стыдно: раздавлен всмятку курицей-переростком...

На тушу умирающего курозавра взобрались двое.

— А где Саныч? — спросил один, белый и бледный, с пистолетами. Значит, выстрелы кошке не послышались.

— Был внизу, — рассеянно отозвался второй, совсем мальчишка, вооружённый чем-то вроде катара.

— Она аккурат на него грохнулась, — Бэт вытащила когти из гребня чудовищной курицы, сморщилась от пошедшего из раны запаха, отёрла руки о жёсткие перья.

— Ах, ты ж! — бледный досадливо скривился и вопросительно глянул на второго с катарами. — Он же у Дейдрдре появится, если... ну, того?

— Должен, — мальчишка втянул когти на катаре, зябко повёл плечами. — Она долго ругаться будет.

— Я ей сейчас перьев из хвоста Петурихи нарву, чтобы нам сильно не попало! — оживился бледный.

Его пистолеты растворились в ладонях, и Бэт только ресницами захлопала: как так?

— Лучше желчи, — раздался голос со стороны. — Ей она больше обрадуется.

— Саартан! Ты жив! — бледный скатился со спины курозавра и обрадовано бросился обниматься к высокому симпатичному парню в красном плаще.

Что парень симпатичный, Бэт разглядела даже сквозь грязь: масляные разводы слизи курозавра с пылью и налипшим мелким мусором вкупе с разорванной на груди рубашкой, взъерошенным видом и мрачным взглядом придавали этому Саартану брутальности и только подчёркивали сильное стройное телосложение и строгие правильные черты лица...

Саартан грубо отпихнул от себя бледного, окинул девушку холодным взглядом. Бэт вздрогнула. Ободок в красных глазах, менкарский... Неужели?...

— Я шпагу сломал, — Саартан с удовольствием отметил, что от его рук на белом и почему-то совсем не испачканном костюме Веги остались некрасивые грязные пятна.

— Она восстановится, — Славиш осклабился.

— Да-а? — Хранитель приподнял бровь. — Значит, мне совсем не придётся выкупать у целительницы бешено дорогие эликсиры?

— Ну-у, — протянул спрыгнувший Мицу. — Не такие уж они дорогие...

— Понятно, — Саартан скрипнул зубами и кивнул на притихшую девушку. — А это кто?

Все трое обернулись.

— А это Бэт! — равнодушно пожал плечами Славиш. — Из Гильдии, наверное.

— Откуда ты знаешь, как меня зовут? — вскинулась Бэт.

Она встала в полный рост и воинственно скрестила руки на груди.

— Да ты же сама на всю улицу кричала: я Бэт, а не киса! Когда из портала шмякнулась.

Вега довольно заухмылялся. Саартан хмыкнул. Сам Хранитель кроме отборного мата ничего не расслышал. Бэт покраснела и надулась.

— Так ты из Гильдии? — спросил нахмурившийся Мицу. — Я тебя не припоминаю.

— Я...

Дура! Бэт хлопнула себя ладонью по лбу под изумлённые взгляды троицы. Проклятый Халиф смешал все карты! Вывел из себя своими словами, да ещё и портал открыл так

высоко, что от неожиданности Бэт растерялась и, вместо того, чтобы визжать и звать на помощь, как было задумано, бросилась кромсать чудовище когтями, забыв от злости про всё на свете. И что делать? Как объяснить своё появление, Бэт не волновалась: легенда у неё была. То есть, её не было, но в этом-то и суть. Можно было рассказывать что угодно, не упоминая лишь о сделке с демоном и самого демона. А вот с чего начать знакомство с Разрушителем? Который оказался красавчиком. Совершенно неожиданно. Не то, чтобы Бэт представляла Чудовище в буквальном смысле, но... Но и но! Как теперь без визга и обморока настоящей леди смягчить холодный и абсолютно незаинтересованный взгляд этого красавчика?!

— Я... — Бэт замялась. — Не из Гильдии.

— Тёмный без лицензии? — мальчишка, больше лицом походивший на птицу, нежели тот же Аист, подобрался и сжал руку в перчатке-катаре в кулак.

— Да нет! — Бэт хлопнула ресницами. — Не знаю никаких тёмных! Я, можно сказать, потерпевшая кораблекрушение!

— Как это? — бледный подбоченился. — Мицу, тут НЛО бывают?

— Кто? — Мицу озадаченно сдвинул брови.

— Ну, неопознанные летающие тарелки... объекты то есть!

— Я не с тарелки! — Бэт топнула ногой, возвращая внимание к своей персоне. — У меня корабль застрял на подлёте к миру! Я хотела пешком дойти, а тут — хлоп! — сюда провалилась.

— Сюда нельзя просто так взять и провалиться, — Мицу хмурился всё сильнее. — ГэЭм в другой реальности, он надёжно закрыт от проникновения.

— И от прорыва, ага, — Саартан зевнул так красноречиво, что даже Бэт накрыла волна пренебрежения.

— И от прорыва! Саартан, как ты не понимаешь? Если она незарегистрированная тёмная и разгуливает тут, то это грозит большим скандалом между Лигой и Гильдией.

— Да расслабься, Мицу! — бледный ободряюще улыбнулся Бэт. — Дама сказала, что не тёмная. Беженка. Ей помощь нужна, а не скандал.

— Пригодилась бы, — Бэт кивнула и сделала милое личико. — Помощь, да. Я честно не знаю ни о каких лигах и гильдиях.

Переход к самому последнему пункту плана — действовать по обстоятельствам — оказался резковатым, но безболезненным. Бэт облегчённо вздохнула про себя. Вроде пока всё идет, как надо. С Разрушителем вот сложновато будет... Она глянула исподтишка на Саартана. Надменный и неприступный. Смотрит на остальных, как на детей малых. Снисходительно так. Что там Халиф говорил про замерзающее сердце? Равнодушие к происходящему — верный признак. А потом ещё цинизм и непробиваемая броня от всего мира. Тяжело с такими работать... Но у Бэт был план «Б»: самой найти Кофу и разобраться с ним. Тогда о сделке с демоном-Халифом можно будет забыть. Всё будет уже не важно. А пока — одно другому не мешает.

— Вернёмся все вместе к Дейдрре и там порешаем, — подытожил Мицу. — Я пришлю бригаду для разделки Петурихи. А вам всем большой зачёт за то, что её завалили. Молодцы.

Кошке целительница понравилась. Маленькая, шустрая, бойкая. Внимательная. И сразу видно — привыкла командовать. Не повелевать, а именно руководить, наводить порядок.

Она с порога отправила Саартана и Славиша (это который бледный с пистолетами) мыться и переодеваться, а Мицу — на кухню ставить чайник. И хоть бы кто вякнул. Саму Бэт Дейдрре спасла от сиюминутных разбирательств, отрезав все возражения безапелляционным: «Девочка голодная». Бэт действительно была голодная. Во всех смыслах: она с одинаковым аппетитом сейчас бы отужинала как пирожками, так и парой-тройкой человек...

— Ещё картошечки? — участливо спросила Дейдрре, видя, как быстро пустеет тарелка Бэт.

Бэт отрицательно помотала головой. Из вежливости. Картошечка была очень вкусной, поджаренной до хрустящей золотистой корочки, с лучком и зеленью.

— Ну, как скажешь, — целительница отвернулась к плите, сняла чайник, поставила его на стол и, походя, как бы ненароком, подсунула Бэт в тарелку целого цыплёнка.

Глянула так, что отказаться было неудобно. Бэт вздохнула, улыбнулась смущённо и с благодарностью.

— Рассказывайте, — Дейдрре разлила всем чаю и села за стол, подперев рукой подбородок.

— Петуриха, — коротко сказал Мицу и усмехнулся.

— Я поняла, — отозвалась целительница. Бросила многозначительный взгляд на разноцветные перья в вазе, которые нарвал для неё Славиш. — Мне что-нибудь перепадёт?

— Я постараюсь. Мирэной сейчас... сами понимаете, — Мицу покосился на Бэт, которая вела себя, как пресловутый Васька: ела и слушала.

— Если Мирэнойчик узнает, то я его задобрю. Он мне должен. А Лорд когда появится, не говорил? Мне Саартан уже все уши отъел, всё хочет знать, зачем его с вампирчиком на полигоне гоняют.

— Госпожа целительница! — Мицу поморщился. — Вдруг эта девчонка, — он кивнул на Бэт. — Шпионка?

— Да чья?! — целительница всплеснула руками. — Ты глянь на неё! Ангелочек ангелочком.

Бэт подняла глаза от тарелки и встретила взглядом с мальчишкой. Улыбнулась ему ядовито, не слишком старательно изображая ангелочка. Мицу с сомнением покачал головой:

— Вы бы её когти видели.

— Коготки я заметила, — целительница повернулась к Бэт. — На кошачьи похожи, я права?

— А как вы догадались? — искренне удивилась Бэт.

— Я же — це-ли-тель-ни-ца! Разбираюсь. Ты кошка у нас, значит?

— Наверное.

— Шипела она точно, как кошка, — Мицу хмыкнул и откинулся на спинку стула. — А ругалась, как сапожник. На кого, кстати? Кому ты пыталась доказать, что не киса?

Бэт вспыхнула, вспомнив, как именно Аист выпроводил её с Острова. Потупилась.

— Да сама не знаю, — соврала она. — Не помню, что говорила.

— Что-то не верится.

— Мицу, не наседай на девочку, — вступилась за неё Дейдрре. — Придёт время — сама всё расскажет. Сам же знаешь, что здесь у каждого своя история, и она не всегда приятная.

— Вы хотите её у себя оставить? — Мицу надулся, но спорить не стал. — Лига за неё платить не будет.

— По хозяйству поможет, — целительница на секунду задумалась, разглядывая Бэт. —

К Данн её подселю. Она хоть и с характером, но хорошая. А потом пристроим куда-нибудь.

— А Данн сейчас у себя? — Мицу встрепенулся, выпрямился на стуле, посмотрел на Дейрдре с надеждой.

Бэт злорадно про себя ухмыльнулась: как пить дать, влюблён он в эту Данн — щёки порозовели, а всю подозрительность как рукой сняло! А это какой-никакой, а рычажок для воздействия на докучливого мальчишку. Нужно будет подружиться с Данн. Во что бы то ни стало.

— Иди, — Дейрдре улыбнулась и кивнула. — Она тебе всегда рада.

Мицу как ветром сдуло. Целительница вздохнула:

— Дети.

— Спасибо, — Бэт отодвинула от себя пустую тарелку. — За всё.

— В моём доме приют может найти каждый, — Дейрдре внимательно посмотрела на неё. — До той поры, пока ни обидит кого-то, кто мне дорог. Надеюсь, ты меня услышала.

— Услышала. Я постараюсь никого не обижать.

С Данн сразу подружиться не получилось. Уж больно неразговорчивая и мнительная. И — мальчишка мальчишкой! Из таких пацанок, за которыми мужики толпами ходят, да всё без толку. Даже жаль немного стало Мицу этого. Никаких шансов у него же... Данн жила на чердаке в главном доме целительницы прямо над кухней. Чердак был уютным, с мягкими лежанками возле печной трубы и разбросанными по полу вместо диванов и кресел шкурами животных. Развешанные по покатым стенам (крыше) оружие и доспехи придавали этому месту некий шарм, вселяли приключенческий дух.

Узнав, что Данн из Гильдии, Бэт не удивилась: очень уж этой девчонке шло быть воительницей какого-нибудь клана или ордена. Кошку и саму-то за гильдийку приняли, помнится. И Данн была драконом. Она зачем-то уточнила, что именно золотым драконом. Наверное, это уточнение должно было снять все дальнейшие вопросы, но Бэт не поняла, к чему это было сказано. Но и вопросов задавать не стала. К тому же девчонка сообщила, что ей рано вставать и, выделив Бэт место для ночлега, отправилась спать. Бэт спать не хотелось. Она дождалась, когда Данн заснёт, и спустилась по лестнице в дом целительницы. Недолго думая, направилась в гостиницу, где жил Разрушитель с, как выяснилось, вампиром.

В левом крыле гостиницы всегда царил полумрак. Как-то так повелось, что там, где селились представители Лиги, интерьер был помрачнее, чем там, где жили представители Гильдии. Исключение составлял второй этаж: там хоть и было неофициальное разделение на тёмных и светлых, заметных отличий в обстановке и освещении не наблюдалось — лиговская аристократия и гильдийская элита одинаково любили мягкие тахты, маленькие журнальные столики и напольные канделябры.

Из краткого рассказа Данн Бэт так и не поняла, чем существенным отличается Лига от Гильдии. Набором квалификаций? И те, и другие — наёмники. И те, и другие убивают за деньги. И там, и там — маги. Разве что Гильдия всё больше делала ставку на стихийников, чарователей и целителей, в то время как Лига вербовала в свои ряды некромантов, алхимиков, иллюзионистов, медиумов. Вампир Славиш и Разрушитель Саартан числились в Лиге, а Мицу, подозрительный и влюблённый в пацанку сопляк, нежданно-негаданно оказался лейтенантом в их маленьком отряде.

В тёмном коридоре полоски света выбивались только из-под двух дверей. Ни Саартан, ни Славиш не спали. Бэт поколебалась немного и тихонько поскреблась к Разрушителю. Дверь открылась почти сразу.

— А, это ты, — Саартан в домашнем и босиком совсем не походил на Чудовище даже метафорически. — Я ждал тебя. Проходи.

— Ждал? — Бэт просочилась в комнату, по привычке быстро огляделась, наметив для себя пути отступления.

— Ты изнанка, я тоже, — в двери повернулся ключ. Бэт вздрогнула и обернулась. Наткнулась на спокойный взгляд красных глаз, в которых мелькнула тень интереса. — Тут некоторые имеют привычку входить без стука, — объяснил Саартан с лёгкой улыбкой, оставил ключ торчать в замочной скважине, а сам прошёл в комнату, обойдя девушку по широкой в рамках приличия дуге и указав ей на кресло. — Присаживайся. Вина?

Бэт замерла в нерешительности. Опасности она не чувствовала, но и в безопасности наедине с Разрушителем, да ещё и в запертой комнате, себя не ощущала. Саартан усмехнулся, отвернулся к столику с графином и бокалами (как на заказ — с двумя), принялся разливать вино. Бэт вздохнула. Не стоять же, как истукан, в конце-то концов?! Ей охмурить этого Разрушителя надо, а не жаться от него по углам! Условия-то подходящие, ну! Вперёд!

Бэт шагнула к креслу, села на самый краешек, сложила руки на коленях и выпрямила спину, как и полагается воспитанной леди. С благодарным намёком на кивок приняла бокал и даже понюхала вино, как бы оценивая букет, задумчиво качнула головой, будто вспоминая, какого года урожай, хотя в винах она абсолютно не разбиралась. Тем более — в урожаях Суушира. Саартан с насмешливым любопытством наблюдал за ней со своей кровати, куда забрался с ногами и сел по-турецки, нисколько не заботясь о манерах.

— Ты сказала, что твой корабль застрял на подлёте к миру, — первым начал разговор Разрушитель. — Цель визита в Суушир?

— Орден Зикарон, — честно призналась Бэт.

— Вот как, — взгляд Саартана стал непонятным, потускнел и как инеем подёрнулся. — Зачем?

— Хотела отомстить за брата. Знаешь об ордене?

— Больше, чем хотелось бы. Я же дракон. А они — драконоборцы.

— Кофа, глава этого Зикарона, — голос Бэт против воли стал злым. — Убил моего Германа. И всю его семью. Забрал у меня всё то последнее, что осталось после того, как на Менкаре облажались с Гениум Акаторис.

— Не облажались. Проект скомпрометировали.

— Тебе-то откуда знать?

— Мне-то? Хм, — Саартан прищурился. — Имя Цехариас Цевехан тебе о чём-нибудь говорит?

— Да ладно?! Ты?!

— Я.

Бэт зажала ладонью рот и прыснула. Саартан, явно ожидавший другой реакции, удивлённо вскинул брови.

— Я серьёзно, — сказал он.

— Да нет, я верю, — Бэт махнула рукой и рассмеялась. — Всё сходится.

— Что сходится? И что смешного?

Саартан начал мрачнеть, а Бэт никак не могла унять рвущиеся смешки. Ну как?! Как

объяснить этому Разрушителю, что девчонкой она была по уши влюблена в заучку Захарию?! И кто, как не Цевехан мог ещё стать Стражем Менкара после случившегося? Хранителем вывернутого его же экспериментом мира. Случайностей не бывает, говорил Халиф-аист. Что он имел в виду под: «Я это сразу понял, как только увидел тебя»? С демонов станется знать и прошлое, и будущее...

— Шутка судьбы, — отсмеявшись, проговорила Бэт, утирая выступившее слёзы. — Кто бы мог поверить, что я встречу самого Захарию Цевехана в каком-то волшебном мире? Да ещё в компании вампира и ангела! Данн, девочка-домовёнок, сказала, что ваш Мицу — нелекреанский ангел. Я не знаю, что это значит, но звучит забавно. Ты здесь из-за Кофы?

— Как и ты?

Упоминание вампира и ангела Саартану явно не понравилось. От него прямо-таки повеяло холодом. Ещё бы! Любого учёного такое соседство ввергнет в шок!

— Как и я. Мой брат — Герман Майер. Ты должен его знать. Кофа запытал его до смерти.

— Я помню Германа. Но в проекте Гениум Акаторис участвовали только мужчины. Женщины были исключены ещё на эмбриональной стадии.

— На что только не пойдут родители ради своих детей, — Бэт грустно улыбнулась. — Я скрывалась под именем Элисбэт Кант, работала у вас лаборанткой.

— Блондинка в очках и брекетах? — Саартан моментально оттаял и подался вперёд. — Серьёзно?

— А я думала, что ты кроме своих формул никого и ничего вокруг себя не замечаешь. Непроходимый ботан Захария, чёрствый, как сухарь. Не смотри на меня так! — Бэт снова закрыла лицо рукой и прыснула. — Это вся лаборатория говорила.

— А я вот свою блондинку-лаборантку считал неуклюжей и пустоголовой... хм... не важно кем, — не остался в долгу Разрушитель.

Бэт даже не обиделась. В присутствии Захарии у неё постоянно всё из рук валилось, и дар речи пропадал. Не удивительно, что он её тупой курицей считал. Он ведь это хотел сказать?

— Вот и познакомились, — рассеянно проговорила Бэт, отпивая вино из бокала.

— Да уж, — хмыкнул Саартан. — Мне любопытно, кого благодарностью огреть за такое знакомство?

— Что ты имеешь в виду?

— Не верю в случайности. Сама скажи мне, с какой вероятностью два последних выживших участника Гениум Акаторис могли встретиться в Суушире?

— Последних выживших? — сердце Бэт упало. — Что, больше никто?..

— Ник только, — Саартан дёрнул головой и скривил губы. — Я его освободил. Убил. На корабле Кофы. А самого ублюдка... в общем, такой участи я бы никому не пожелал.

— Но он жив? — тихо уточнила Бэт. — Кофа?

— Жив пока. И смерти боится так, как никто и никогда не боялся. Твой брат отомщён. Бэт оставилась в свой бокал. Герман будет отомщён только тогда, когда она сама до главы ордена доберётся. Всё остальное — всего лишь слова и пустые убеждения.

— Как мне тебя называть теперь? — помолчав, спросил Саартан.

— Обычно я представляюсь Найорк, — Бэт подняла на Разрушителя глаза. — Но как-то это имя здесь не приживается. Можно Бэт.

— Я — Саартан, но это ты уже знаешь. Иногда меня называют Хранителем. Мне

комфортнее оставаться драконом, а не учёным-менкарцем. Но, если хочешь, можешь звать меня Заром. Так Ник называл...

— Зар — красиво, — Бэт нерешительно улыбнулась.

Глава VII. Ключевые фигуры

Вылетевшие брызгами из Истока шельхаймы всегда выбирают людей, одержимых великой идеей. Они вселяются в их тела, объединяются с разумом и доводят идею до абсолюта, до гения. Так рождаются Великие Деятели. Обычно, эти Деятели — одиночки. Они обрастают учениками, им поклоняются, их боготворят. Но они всегда вершат свои великие дела в одиночку. Это аксиома. Но в Суушире правят семеро хаимов. Семеро! Семеро Великих Деятелей, каждый из которых в чём-то бесподобен и крут настолько, насколько воображения хватит представить. И всех их нужно вернуть домой, обратно к Истоку. Иначе вмешательство хаимов в дела смертных нарушат равновесие в Шельяааре, и в мирах воцарится хаос.

— Я отдам их тебе, — Лэуорд пыхнул трубкой и выпустил под потолок кольца дыма.

— Я их и так заберу, — Хегг невольно проследил взглядом за тем, как кольца плавно влетают одно в другое, разлетаются белёсой кисеей и растворяются, оставляя в воздухе лишь тонкий аромат табака и травянистого послевкуся.

— Один? Всех семерых?

— Со временем.

— Я отдам тебе их всех сразу. Подам на блюдечке.

— Скукотенюшка.

— Хегг...

— А?

— Ты цену себе набиваешь?

— А то, — Хегг прищурился. Предложение выгодное, но не тогда, когда что-то подать на блюдечке тебе обещает джинн. — Разъясни мне всё толково, тогда и обсудим.

— Как скажешь, — Лэуорд задумчиво пожевал мундштук длинной иззуренной трубки. — Тогда садись и слушай.

— Лютню дать?

— Шутник.

Хегг смешливо фыркнул, плюхнулся в глубокое кресло напротив джинна, развалился вальяжно, сложил ногу на ногу. Он так и не сменил свой образ пирата Андарса и смотрелся здесь, в роскошных апартаментах советника Лиги — настоящем пентхаусе! — грубым наёмником, которого нанимают на грязную работёнку вроде той, где нужно, не кидая тени на работодателя, избавиться от неудобного конкурента или надоедливого родственничка. Но, то ли Лэуорд привык принимать у себя подобных типов, то ли исключительно посланнику спускал с рук вызывающее поведение — джинн на провокации не вёлся. Улыбался и вежливо отшучивался так, что Хеггу тошно становилось.

— Начнём с того, что я — джинн, — Лэуорд сделал выразительную паузу, снова выпуская под потолок клубы дыма. Хегг терпеливо промолчал. — Моя природа — поглощать миры. И мне до ломоты в мозге хочется ассимилировать Суушир, всё это, — советник обрисовал трубкой полукруг. — Я чувствую себя умирающим от жажды перед графином с водой. Но Суушир дорог Фаархе, главе Высшего совета кураторов, как ты помнишь, и моему другу. Я понимаю, почему у тебя сейчас такое лицо, Хегг. У джиннов не бывает друзей. Про изнанок я слышал то же самое.

— Но у меня и нет друзей, — Хегг выбил пальцами мелодичную дробь по подлокотнику кресла в подкрепление своих слов.

— Ах, ну да, — Лэуорд саркастически заулыбался. — Как я мог так ошибиться?

Хегг тоже заулыбался. Получилось резиново, потому что некстати вспомнился вдруг Саа. И бессмысленное желание спасти его на Шофете, рискуя всей проделанной с орденом Зикарон работой...

— Шу дорог мне, — удовлетворившись неестественной улыбкой посланника, продолжил джинн. — Это нонсенс, но что поделаешь? Таков уж Фаарха. Умеет просочиться в душу и накрепко засесть в ней.

— У джиннов есть душа? — хмыкнул Хегг. — То-то Кофа бы удивился. Но суть я уловил. Ты хочешь сказать, что жаждешь заполучить Суушир, но не можешь его забрать, потому что он важен для змея, который дорог тебе. Уроборос какой-то...

— Шу считает, что любой способен измениться. Чтобы ты понял, о чём я говорю, представь себе Дьявола. Земного. Сатану. Представил? Если бы Фаарха встретился с ним, он бы непременно начал проводить воспитательную работу по превращению Сатаны обратно в Господом любимого ангелочка.

— Оу, — оценил масштаб Хегг. — Но я слышал, что когда джинн ассимилирует мир, то все в мире чувствуют Единство. Друг с другом, с Природой. Все на одной волне, ни тебе войн, ни агрессии. Любовь и бесконечное взаимопонимание! Звучит-то пасторально!

— Странно, что я сейчас спорю с тобой, — взгляд Лэуорда стал весёлым и чуточку безумным. — Но Единство Разума и Природы было всегда. Оно изначально заложено Творцом в идею Мироздания. А я, по словам Шу, вытесняю Творца из сердец и душ людей и не позволяю им познать Его, подменяя познание ложной нирваной.

— Я бы выпил, — честно признался Хегг, попытавшись вникнуть в слова джинна.

— Бар там, — Лэуорд трубкой указал на щедро украшенный пилястрами резной шкафчик в стене.

Хегг неспешно поднялся, махнул джинну, мол, ты говори, и направился к шкафчику. Пока он по-свойски перебирал бутылки в баре, Лэуорд продолжил:

— Чтобы доказать мне, что я способен... гм... преодолеть соблазн закусить миром, Фаарха подбросил мне Хранителя. Единственного менкарца, имеющего прямую связь с Менкаром. Стражника у ворот с ключом от этих самых ворот. Не устоять! Но Шу отдал этому Хранителю свою душу. И покусись я на Менкар — мой друг погибнет. Растворится в бесконечном безликом однообразии. Я этого не хочу.

Хегг наконец-то определился с напитком и повернулся к джинну с бутылкой бесцветной жидкости и двумя рюмками.

— Хранитель — это Саартан? — спросил он, откупоривая бутылку и разливая по рюмкам... водку?!

— Шу привозит мне иногда заморские гостинцы, — заметив, с каким видом посланник разглядывает этикетку на бутылке, объяснил Лэуорд. — Реквизит ты выбрал верно.

— Ещё раз, — Хегг протянул ему полную до краёв рюмку. — Помимо Суушира ты хочешь сожрать Менкар? А можешь это сделать через Саа... Саартана? Но твой змей отдал ему... душу?! Ты про это тогда говорил, когда они с Дафчиком телами поменялись? Да? О!.. Тогда получается, что сожрав Саа... Саартана, ты сожрёшь и Фаарху? Ну, это помимо Менкара, понятное дело?

— Да.

— Ядрёна вошь! — прошептал Хегг и опрокинул свою рюмку в рот. Закашлялся. Отдышался. Спросил: — А что ты от меня-то хочешь?

— Сейчас, когда я — человек, я рассуждаю как человек. Но стоит мне стать джинном, как природа возьмёт своё. Я буду хитрить, изворачиваться, делать всё только с единственной целью — ассимилировать Суушир. Ни одному моему слову верить будет нельзя.

— А сейчас, значит, можно? — скептически поинтересовался Хегг.

— И сейчас нельзя, — легко согласился Лэуорд. — Я сам себя могу обманывать, прикрываясь благими целями. Но у тебя своя голова на плечах, правильные выводы сделать ты сумеешь. А от тебя мне нужно совсем немного: чтобы ты избавил нас от хаимов, что является твоей прямой обязанностью, между прочим, и... — взгляд у джинна стал невинным. — Чтобы ты взял бразды правления в Суушире после того, как Семизвездье канет в лету.

— Я что-то не понял, — Хегг озадаченно нахмурился. — Ты мне богом что ли предлагаешь стать?

— Временно, если хочешь. Тебе понравится.

— Что-то не верится.

— Скучать не придётся точно, — Лэуорд улыбнулся. Он выбил потухшую трубку и аккуратно засунул её в кiset. Поднял рюмку с водкой. — За перспективы?

— За безумцев и за тех, кто их слушает, — Хегг наполнил свою рюмку и тоже поднял.

Становиться богом ему ещё не предлагали. И предложение джинна шло вразрез с обязательствами Хегга перед цайарами. Но ведь семеро хаимов за раз — это зачётное перевыполнение плана! За такое полагается премия. В виде отпуска, например. Который можно провести, божеству в Суушире... временно, разумеется!

— А что, других кандидатов у тебя нет? — спросил Хегг, чувствуя, как в голове становится светло, легко и звонко.

Это с двух рюмок-то?! Хорошая водка, однако.

— Есть, но они пока не готовы, — Лэуорд, казалось, вообще не хмелел. — А те, кто в данный момент рвётся до власти, мне не подходят. К тому же Шу довольно высокого мнения о тебе.

— Мы с ним виделись раз в жизни, и он мне даже «здрасьте» не сказал. Какое там мнение может быть?

— Шу взял себе нового ученика. И планирует оставить его после себя на посту главы Высшего совета. Временного заместителя. Этот ученик — твой двойник, копия. Или отражение? Шу собирается доверить ему миллиарды миров, так почему мне не доверить тебе один единственный?

— А ты не думал, что отражение может быть перевёрнутым, м?

Михей под хвостом у могущественного нага. Интересненько. И как теперь избавляться от отражения?

— Я ориентируюсь на то, что ты мне нравишься.

— О, какой весомый аргумент! — Хегг фыркнул. — Всё это пахнет большой аферой, Лэуорд. Я получаю и хаимов и мир. Меня ещё и уговаривают! В чём твоя выгода, джинн, м? Где подвох?

Лэуорд помолчал какое-то время, раздумывая. Встретился взглядом с бесцветными глазами посланника и склонил голову к плечу.

— В Суушире живёт его создатель, — негромко сказал джинн. — Он цайар. И мы с ним

в очень напряжённых отношениях. Если бы не Фаарха, его приёмный сын и ученик, меня бы здесь уже не было. Шу гарантирует нейтралитет между нами, но ни я, ни Мельхиор не упустим возможности избавиться друг от друга. А сейчас такая возможность может возникнуть у каждого из нас. Обычно Мельхиор не вмешивается в дела смертных, но изгнание хаимов ему на руку. Он обязательно воспользуется поднявшейся суматохой, чтобы заодно спровадить и меня. Его вмешательство грозит и мне, и Фаархе, и Хранителю большими неприятностями. Вплоть до летальных, потому что цайары на мелочи не размениваются. Мы должны переиграть Мельхиора. Пока его взгляд будет прикован ко мне, ты получишь власть над миром. И поделишь её со мной. Суушир при этом останется практически неизменным, правление народом в нём вернётся драконам, я отвлекусь от Хранителя и Менкара, если не поглочу их в процессе политического переворота... Но, думаю, Шу подстраховался на этот счёт.

— А если я стану богом, а этот цайар придёт и отберёт у меня всю божественность, раз он — демиург этого мира? — Хегг спрашивал, потому что должен был спросить.

На самом деле его уже мало интересовали такие мелочи, как недружелюбно настроенный цайар — подумаешь! Неуёмное любопытство Хегга подняло голову и направило уши, а сам посланник желал окунуться в историю с делёжкой Суушира по самое не могу.

— Не сможет, если у тебя будет власть над Сердцем Земнотверда.

— О... Хорошо. А если я стану богом, а когда ты придёшь ко мне за своей долей власти, я не захочу делиться?

— Тогда и поговорим, — улыбнулся Лэуорд.

— Он всегда заставляет себя так долго ждать? — Бэт заёрзала на жёстком стуле.

— Не знаю, — Саартан глянул на дремлющего за стойкой секретаря.

Злох. Этих существ называли злохами, вспомнил Хранитель краткую лекцию о расах Суушира от Мицу. Коварные, жадные и вредные. За других Саартан не стал бы ничего утверждать, но этот вот лиговский — натуральный злох. Во плоти. И не спит же, лупоглазый поганец! Притворяется, лишь бы с вопросами не лезли.

— Я к нему второй раз прихожу, — Саартан отвернулся от секретаря и вздохнул. — В первый раз меня приняли быстро.

— У нас всё в срок, уважаемый, — пробурчал злох и распахнул влажные зенки. — Господин Мирэной ожидает вас в своём кабинете при личных покоях. Это...

— Знаю, знаю, — перебил секретаря Хранитель. — Предпоследний этаж, прямо по коридору в северную. Пешком.

— Что же пешком-то? — неискренне удивился злох. — У нас так высоко никто пешком не ходит. Лифт же есть!

Хранитель скрипнул зубами. Лифт, значит, теперь есть?!

— Что, трафик снизился? — ласково поинтересовался Саартан.

— Как был, — секретарь ухмыльнулся и закрыл глаза.

— А что с лифтом? — спросила Бэт, когда они вышли из приёмной Лиги.

— В прошлый раз этот гад отправил меня на самый верх башни топтать на своих двоих, — неохотно признался Саартан. — Развлекается, чтоб его!

Бэт хихикнула. Взяла Хранителя под руку, игнорируя его угрюмый взгляд.

— Таких жалеть нужно, — с улыбкой сказала она.

Саартан почему-то принял её слова на свой счёт и посмурнел. Но отталкивать Бэт от себя не стал. Её прикосновения иногда были назойливыми, но не раздражали. В отличие от облапываний Веги, например.

Лифт домчал их до предпоследнего этажа секунд за десять, и своей скоростью, опрятностью и наличием свободного пространства в достаточном количестве окончательно испортил Хранителю настроение. Саартан со злости постучал к Мирэной намного громче, чем следовало бы. Дверь открылась сама собой, только прошёлся по ногам лёгкий морозный сквознячок.

— Недобрый день, господин Саартан? — спросил Мирэной, не поднимая глаз от бумаг, разбросанных в беспорядке по столу.

— Какой есть, — Хранитель вошёл в комнату, не дожидаясь приглашения. Со скрежетом отодвинул стул перед столом, за которым сидел генерал Лиги, уселся на него и жестом подозвал скользнувшую за ним девушку. — У вас секретари спецкурс по вредности проходят?

— Это имеет отношение к делу, с которым вы пришли? — Мирэной принялся собирать бумаги в аккуратную кипу. Он тщательно подгонял края документов, выравнивал уголки, разглаживал помятости с таким видом, будто на целом свете не было ничего важнее этого занятия.

— Нет, но...

— Тогда ближе к сути.

Саартан выдохнул. Напомнил себе, что Сентябрьбель регулярно пьёт Мирэной (о регулярности Хранитель случайно подслушал у целительницы), и сейчас этот заносчивый нелекреанский принц просто истощён до предела. Ему наверняка тяжело говорить-то, но он принял их с Бэт, несмотря на своё состояние.

— Господин Мирэной, — Саартан смягчил и понизил голос. — Это — Элисбэт Майер, — он метнул быстрый взгляд через плечо. — Моя напарница на Менкаре. Не могли бы вы зачислить её в Лигу, в наш отряд?

— Нет, — сразу же отрезал Мирэной.

— Но она отличный боец! Лучше меня во многом! Почему нет?

Аристократичные пальцы перестали теревить бумагу.

— Здесь каждый второй лучше вас во многом, — холодно отозвался Мирэной. — Наш секретарь, например, отличный боец на заслуженной пенсии. А вы, господин Саартан, вместе с вашими друзьями-драконоборцами, нужны лишь господину Лэуорду. Ни мне, ни Лиге до вас дела нет.

— Вы думаете, я заодно с драконоборцами? — догадался Хранитель. — Но это не так! Я...

— Мне не важно, кто вы и откуда, — устало оборвал его Мирэной. — Вы связаны с Лэуордом. Этого достаточно, чтобы начать вас не замечать.

— Ну, ты и говнюк!

Саартан хотел это только подумать, но слова вырвались сами собой. Бэт ойкнула.

— Я вас не расслышал, — голос Мирэной лязгнул металлом.

Он медленно поднял глаза от стола. Тусклые сейчас, безжизненные, ледяные. Воздух в комнате начал сгущаться. В прямом смысле. Мирэной же маг воздуха! Хранитель сглотнул,

но отступать уже было некуда.

— Я списывал всё на твоё состояние, — продолжил Саартан, слыша себя откуда-то со стороны и млея от собственной дерзости. — Ты обескровлен так, что другой бы на твоём месте уже впал бы в кому. Не можешь остановиться, да? Слишком сладко становится, когда клыки разрывают кожу, и вампирский яд проникает в вены? Наркоманы — они все нервные, им на всех наплевать, была бы доза. Но ты, судя по всему, говнюком был с рождения. Уж не знаю, какие там эмоции вложил в тебя Лорд, но от хорошего обычно не избавляются...

Грудь будто стянуло ремнём. Хранитель захлебнулся словами и согнулся на стуле пополам, хватаясь руками за горло. Бэт, до этого робко прятаясь за его спиной, зашипела и одним слитным, изящным прыжком перелетела через стол к застывшему в ярости генералу. Её чёрные когти замерли в дюйме от лица Мирэноя, который даже отшатнуться от неожиданности не успел.

Но и кошка опоздала со своим прыжком. Ей сзади под лопатку в районе сердца, а спереди в ложбинку между шеей и подбородком упёрлись чужие когти. Белые, прямые и раза в два длиннее её собственных. Бэт скосила глаза на такую же белую кисть, которую венчали эти когти, почувствовала, как немеет затылок от морозного дыхания её обладателя, и благоразумно медленно опустила руки.

— Тебе нельзя напрягаться, милый, — прошелестело за спиной у девушки.

Мирэной моргнул, и Саартана отпустило. Хранитель захрипел, хватая ртом воздух. Но голову на голос он повернул. Септемберель, прекрасная в своей ужасающей вампирской ипостаси, — выбеленные до молочного оттенка кожа и волосы, глаза горят багровым, а приоткрытые ярко-алые губы обнажают иглы острых клыков, — смотрела прямо на него.

— Простите, госпожа, — выдохнул Саартан, выпрямляясь на стуле.

Эльфийка отпустила Бэт, и та бочком обошла стол и отошла к Хранителю. На лицо Септемберель вернулся румянец, огонь в глазах погас, устрашающие когти втянулись. Она встревожено склонилась над Мирэноем.

— Всё хорошо, — Мирэной натянуто улыбнулся ей, поймал коснувшиеся его щеки пальцы и нежно поцеловал.

Саартан отвёл взгляд. Ему на плечо легла горячая ладонь Бэт.

— Раз уж вы осведомлены, господин Саартан, — очень тихо заговорил Мирэной, обнимая эльфийку за талию. — То позволю себе уточнить. Хоть я и не обязан перед вами отчитываться. Моя жена ждёт ребёнка...

Хранитель вздрогнул и напрягся. Рука Бэт слегка сжала ему плечо.

— ... и вы должны понимать, чтобы плод развивался стабильно, Септемберель нужно... м-м... хорошо питаться. И, как бы вы там себе ни думали, господин Саартан, я не такая бездушная скотина, чтобы жертвовать другими людьми. Но вот лично вас я бы с удовольствием ей скормил, если на то пошло.

Септемберель чуть заметно улыбнулась и перевела взгляд на фыркнувшую Бэт.

— Она неплоха, милый, — эльфийка успокаивающе погладила мужа по голове. Мирэной вздохнул, остывая. — Почему ты не хочешь взять её в отряд?

— Отряд расформировывают, — Мирэной опустил ресницы, прислушиваясь к ласковым прикосновениям. — Этого... господина Саартана отправляют в Столицу. Вега остаётся здесь.

— Почему? — глухо спросил Хранитель.

— Потому что так решил господин Лэуорд. Ничем не могу помочь.

Саартан поднялся со стула, не глядя ни на кого и ни с кем не прощаясь, вышел за дверь. Бэт бросила быстрый взгляд на Септемберель, нахмурилась и заторопилась следом за Хранителем.

Забыв про лифт, Саартан метнулся к лестнице, и Бэт пришлось бежать, чтобы догнать его. «Ничего себе!», — размышляла на бегу Бэт. — «Если она — та самая, любовь к которой нужно вытравить из сердца Разрушителя, то будет сложно соперничать с такой ошеломительной женщиной! Да ладно, Бэт! Признайся, что не сложно, а невозможно!».

— Зар...

Хранитель свернул с лестницы в тёмный коридор с убегающими во мрак крутым полукругом узорными дверями.

«Она ещё и вампир! Что там Зар говорил про сладкий вампирский яд? Это и есть кровная связь? Она пила его, а он её? Или как? Если так, то Зару нужна изоляция от этой эльфийки минимум на год, как для любого наркомана».

— Зар!

Саартан пинком распахнул первую попавшуюся дверь, развернулся к налетевшей на него Бэт, сгрёб её в охапку и втащил в комнату. Прижал к стене, высоко закинув ей руки над головой, навалился всем телом. По лицу Хранителя от глаз паутиной расплзалась тьма. Бэт зажмурилась, когда Саартан начал её целовать. Жадно и яростно, роняя губы о её пусть и не большие, как у той эльфийки, но тоже острые клыки. Так Бэт ещё никто не целовал. Похоже, разве что те, кто хотели взять её силой. «Интересно», — отстранённо подумала Бэт. — «Он остановится, если я попрошу?». Свободная рука Хранителя скользнула снизу вверх по её бедру и грубовато дёрнула пряжку ремня на брюках. В комнате раздалось тактичное покашливание. Бэт увернулась от губ Хранителя.

— Зар...

Саартан зарычал и сильнее прижал её к стене.

— Зар, я не против... продолжить. Но мы не одни.

Саартан остановился. Тяжело дыша и раздувая ноздри, обернулся, отпуская девушку. В кресле у разожженного камина сидел человек.

Сквозь пелену бушующего гнева Саартану на мгновение показалось, что он снова видит перед собой Септемберель. Но лишь на мгновение. Сбили с толку красные глаза, общая худоба и длинные белые волосы у сидящего в кресле мужчины. Мысль о том, что в Лиге, по всей видимости, мода на белобрысых, отрезвила Хранителя и вернула к реальности. Он постепенно начал осознавать, что, как и где он собирался сделать. Саартан почувствовал на губах привкус крови, испуганно обернулся на Бэт. Понял, что кровь — его, когда Бэт смущённо улыбнулась, обнажая маленькие клыки. Залился краской по самые уши, посмотрел на девушку полным раскаяния взглядом. Бэт качнула головой, мол, всё в порядке, и кивнула на человека в кресле. Саартан развернулся крайне неохотно, с почти слышимым скрипом.

— Милости прошу, конечно, — мягким баритоном проговорил мужчина и поднялся. — Я прикрою дверь, вы не против? Дует, знаете ли.

Он плавно пересёк комнату, поглядывая на замявшихся в неловкости молодых людей, взялся за ручку двери. Вопросительно поднял бровь:

— Или вы уже уходите?

— Да, да, — Бэт легонько подтолкнула растерявшегося Хранителя. — Мы уже уходим.

Извините нас, пожалуйста.

— Пожалуйста, — кивнул мужчина.

И бесшумно закрыл дверь, когда кошка и дракон вышли. Запер на ключ. Оказавшись в коридоре, Саартан с отчаянием вцепился себе в волосы.

— Бэт! — с мукой на лице и глубочайшим сожалением в голосе проговорил он. — Прости меня! Не знаю, что на меня нашло!

— Я понимаю, — Бэт погладила его по щеке, провела коготком по скуле. — У тебя глаза совсем чёрными стали.

— Так бывает, когда я теряю контроль.

Хранитель попытался спрятать взгляд, но Бэт не позволила. Обняла за шею, наклонила его голову к себе, потянулась на носочках и чмокнула в нос. Рассмеялась.

— Чёрный всегда идёт к красному, — сказала Бэт, оттолкнулась от него, крутанулась на каблуках. Сунула руки в карманы плаща и не торопясь пошла обратно к лестнице.

Саартан какое-то время смотрел ей вслед, пытаясь унять роящиеся диким гудящим комом мысли. Тряхнул головой, затыкая противно брызжащий внутренний голос. Потёр виски. С опаской глянул на дверь, в которую они (он, в частности) так беспардонно вломились и... Угомонившиеся было мысли радостно всколыхнулись и, жужжа на разные лады, понеслись по второму кругу. Хранитель, застонав от бессилия, поплёлся за Бэт. Нужно будет попросить у целительницы что-нибудь от нервов...

Хотя солнце только-только вылезло из-за горизонта, с заднего двора уже раздавался рёв. Это госпожа целительница выгоняла на пастбище своих моропов. Моропы — это нечто среднее между драконом и конём. Эстетичная конституция, грация и гордая поступь, покладистый нрав и преданность хозяину досталась им от лошадей в гремучей смеси рогов, шипов, клыков, чешуи и когтей. И размера. Моропы в холке достигали до десяти футов! Саартану эти удивительные животные напоминали моргорогов из далёкой и уже полузабытой Панайры. Хранителя восхищало зрелище, когда хрупкая и маленькая Дейрдре верхом на самом крупном самце вела своё стадо на выгул. Ей бы кроликов разводить, а не этих, без сомнения прекрасных, но грозных тварей!

Сегодня целительница вывела своих питомцев на прогулку раньше, чем обычно. Дейрдре ждала каких-то высоких гостей и суетилась с самого утра. Сиреневый ураганчик растормошил всех немногочисленных постояльцев, надавал им кучу указаний в городе, чтобы не мозолили глаза, и упорхнул готовиться. Саартана, Бэт и Вегу опасность быть приобщёнными к полезному труду миновала, и поэтому вся троица расположилась на веранде главного дома целительницы в приятном безделье. Вампир, естественно, держался в тени, а кошка и дракон с удовольствием грелись на солнышке, посасывая чай через соломины.

— Как ты думаешь, — спросил Саартан у Славиша. — Эти сегодняшние гости и мой отъезд в Столицу как-то связаны между собой? Гости-то собирает Лорд.

— Ну, — Славиш заложил руки за голову, — если ко всему прибавить, что нас троих ничем с утра не озадачили, то вполне возможно. Кто знает, может среди гостей найдутся наши прямые работодатели?

— Тебе мало джинна и Тёмного Владыки?

— Они нас только по Городу мёртвых гоняют, готовят к чему-то. Ничего конкретного. Помимо Лиги есть что-то ещё, я уверен. Или кто-то.

Саартан хмыкнул. Кто-то ещё, да уж. Высший совет кураторов, не хочешь, разноглазый? Но вряд ли Фаарха прилетит лично инструктировать их. К тому же, змей сказал джинну держаться подальше от Хранителя, что не предполагает участие Саартана в сомнительных авантюрах. Чья это игра? Лэуорд хоть и косвенно, но умело стягивает Саартана на свою доску со всеми этими вегами, полигонами... Бэт?

— Ты поедешь со мной? — спросил Саартан у Бэт.

— В Столицу? — Бэт лениво потянулась. — А мне разрешат?

— Если захочешь, то я выдвину Лорду ультиматум.

— Хочу, — Бэт положила Хранителю голову на плечо. — Но хочешь ли ты?

Саартан помедлил с ответом. Чья фигура Бэт? Её появление, да ещё и на закрытом полигоне — не случайно. Кто ввёл её в игру? Глава Совета? Лэуорд? Фаарха по всем параметрам подходил больше: он всё знал о Менкаре, о проекте Гениум Акаторис, мог знать и о двенадцатом подопытном женского пола. Бэт — соглядатай нага? Телохранитель? Саартан машинально дотронулся до кулона, висевшего на шее. Надо бы понадёжнее его спрятать, но в свой внутренний мир как серьгу, например, Хранитель его засунуть не смог. Слишком... нестабильный артефакт, чтобы ломать его, а потом собирать заново, как Михей поступает со всем, что пихает в себя. Интересно, как он всё-таки умудрился Созидающую проглотить? А хаима как сожрал Андарс?... Чудеса да и только! Саартан так не умел.

— Ты слишком долго думаешь, — Бэт ущипнула его за руку.

Хранитель ойкнул, отвлекаясь от своих мыслей и возвращаясь вниманием к ней.

— Я размышляю над тем, — сказал он, — насколько опасно будет в Столице для того, чтобы кого-то брать с собой. Я хочу, чтобы ты со мной поехала. Но надо всё обмозговать.

— Занудный Захарка, — Бэт наморщила нос.

— А ещё он у нас неженка, — поддакнул из тени Вега. — За ним уход нужен. Один он пропадёт, киса.

Бэт зашипела на него, и тот довольно осклабился.

— Молчал бы, поганка бледная, — усмехнулся Саартан и приобнял девушку. — Я поговорю с Лордом, Бэт. Раз уж он вознамерился отправить меня куда-то без моего на то согласия, пусть выслушивает претензии.

Первый портал полыхнул зелёным. Женщину, появившуюся из него за воротами, Саартан уже видел однажды. Госпожа Стинара, Владычица Покрывала Шумеры, Вечног Леса и хозяйка Зверинца. Как-то она гостила у целительницы, и именно её имел в виду Хранитель, когда говорил Славишу, что в доме Дейдрре бывают даже боги. Госпожа Стинара выглядела сейчас абсолютно обычной эльфийкой. Конечно, безумно красивой и величественной. Но в пыльном дорожном плаще нараспашку, удерживаемым на узком плече одной лишь неброской фибулой, в сбитых на носках сапогах с высоким голенищем, в которые были обуты стройные и привлекающие мужской взгляд, обтянутые тонкой оленьей кожей ноги, перевитые на бёдрах ремешками для арсенальной обвязки. Длинные, до самой земли волосы цвета густой хвои были подобраны от острых ушей в нетугой хвост простой лентой, а единственным украшением был крупный изумруд на изящной шее.

Целительница и её муж встречать гостью вышли аж к воротам. Хранитель в который раз подивился, наблюдая, как уважительно, но беззастенчиво Дейдрре обнимает богиню,

улыбается ей, как давней подруге. Фраза «все новички в Суушире проходят через дом целительницы» обрела новые краски...

Второй портал сверкнул белым, явив перед воротами чету Вхэнлеттервэйт с... Хранителя бросило в жар, и он стыдливо отполз с солнца в тень к вампиру, а потянувшаяся за ним Бэт прыснула ему в плечо. С господином Мирэном и госпожой Септемберель был тот самый красноглазый, в чью комнату они с Бэт так бесцеремонно ворвались в Лиге.

— Надеюсь, он нас не заметил, — прошептал Саартан.

— Кто? — в полный голос спросил Славиш, и красноглазый глянул поверх головы целительницы в сторону рассеившейся на веранде троицы.

Прищурился.

— Болван! — шикнул на Вегу Хранитель и спрятал лицо в чёрные жёсткие волосы Бэт.

Два портала раскрылись одновременно, и столкнувшиеся нос к носу Лэуорд и рыжий мужчина в плаще настолько грязном, что казалось, будто его старательно вымачивали в глиняном растворе, на мгновение замерли друг перед другом. У рыжего глаза разгорелись ярко оранжевым огнём, видимым даже с веранды, а рот искривился в жутковатой полуулыбке-полуухмылке — он явно джинна видеть был не рад. Лэуорд учтиво поклонился ему и обернулся к подросшей целительнице.

— Госпожа Дейдре, все в сборе? — спросил он деловым тоном.

— Да, господин Лэуорд, — целительница с опаской покосилась на рыжего, кивнула ему. Тот обозначил приветствие и, не дожидаясь хозяев, направился к дому. — Соберёмся в гостевой на втором этаже?

— Пожалуй, — Лэуорд повернулся к Альберу, стоящему за спиной Дейдре грозно нависающим монолитом неприветливости и хмурого спокойствия. — Господин Тшара.

— Господин джинн, — прохладно отозвался Альбер.

Целительница глянула на нынешнего мужа, потом на бывшего, всплеснула руками:

— Мальчишки! Идёмте в дом уже! Нас ждут.

Саартан, Славиш и Бэт проводили гостей полными недоумения взглядами и переглянулись.

— Нас позовут? — спросил Вега.

— Упаси Творец! — воскликнул Хранитель.

— А мне любопытненько, — задумчиво проговорила Бэт.

Их всё-таки позвали. Всех троих. Точнее, только Саартана и Славиша, но Хранитель решительно прижал Бэт к себе. В холле второго этажа гостиницы пахло корицей и ванилью — госпожа целительница напекла для гостей печенье. В этот аппетитный запах вплетался едва уловимый аромат цветов, духов и столярного клея. Клеем пахло от рыжего мужчины, который, в отличие от других, не пожелал снять свой затасканный плащ. Саартан пригляделся к к этому рыжему знакомые черты лица...

— Располагайтесь, господа, — пригласил всех сесть Лэуорд.

Троица постояльцев целительницы уселась на диван в сторонке ото всех. Не сговариваясь, вежливо отказалась от предложенного Дейдре чая. Лэуорд оглядел их, задержался внимательным взглядом на Бэт. Та смущённо уставилась в пол перед собой, и Хранитель положил ей руку на колено. Джинн двинул бровью. Саартан с вызовом скопировал его жест. Лэуорд помедлил, мельком глянул на Септемберель и кивнул. Кажется, разрешение на совместную прогулку в Столицу для Бэт получено.

— Что ж, господа, — начал советник Лиги. — Я представлю вас друг другу на случай, если кто-то с кем-то ещё не знаком. И обрисую ситуацию, в которую мы с вами попали и из которой сможем выпутаться только сообща.

Рыжий презрительно фыркнул, остальные молча подобрались. Дейрдре тихонько села к Альберу на колени, и тот нежно обнял её, словно крылом укрыл.

— Я опущу обращение «господин» и «госпожа», если никто не возражает, — улыбнулся Джинн. — Итак, Альбера и Дейрдре, уверен, знают все. Мирэной, генерал Лиги и мой брат...

Теперь фыркнул Хранитель. Не удержался. Словил брезгливый взгляд от упомянутого генерала и потупился.

— ... и его жена — Септемберель, — невозмутимо продолжил Лэуорд. — Стинара, богиня лесов и покровительница животных, Высшая жрица Храма Богов и Храма Все Древних.

Славиш присвистнул и посмотрел на зеленоволосую эльфийку с восхищением. Целительница неодобрительно покачала головой, а сама богиня застенчиво стрельнула в вампира глазами. Хранитель пихнул Вегу локтем в бок.

— Ей тыщ пият лет! — зашипел Саартан. — Имей уважение!

— А я имею и выказываю, — Славиш послал жрице Храмов самую свою обаятельную улыбку.

— Я тебе и то меньше давал, — усмехнулся рыжий с нескрываемым злорадством наблюдая, как поджимаются у Стинары губы. — Он угадал? Или промахнулся ещё эдак лет на тыщ пият?

— Я выгляжу лучше, чем ты в свои несколько жалких сотен, — парировала богиня.

— Так! Ну, всё! — вскинулась было Дейрдре, но муж мягко удержал её.

— Продолжай, — кивнул Альбер Лэуорду. — Иначе твои путанные речи мы до утра слушать будем.

Джинн кашлянул в кулак. Красноглазый из Лиги глянул на него с сочувствием. Лэуорд перехватил его взгляд и обратил на него всеобщее внимание:

— Доанджи, мой заместитель, друг, а в недалёком будущем — глава Лиги.

— Собрался на пенсию? — язвительно спросил рыжий.

— А это — Важдай, — суховато представил его Лэуорд. — Демон-лис, менкарец и мой верный враг.

Хранитель поднял голову. Менкарец? Лис? Снова... знакомые черты лица. Михей никогда не рассказывал о своей семье, но этот рыжий ведь его копия! Те же глаза, пусть и другого цвета, тот же острый чуть вздёрнутый нос в конопушках, те же губы, та же ямочка на подбородке... Отец?

— Меня зовут Вакей, — скривился рыжий. — И я тебе не враг. Наподдать — наподдам при случае, но записывать тебя в мои враги уж больно много чести.

— Как скажешь, — не стал спорить Лэуорд и повернулся к троице на диване. Указал рукой на Хранителя: — Саартан, он же Цехариас Цевехан, научный руководитель проекта Гениум Акасторис и Хранитель Менкара...

Вакей напрягся, смерил Саартана горящим взглядом. Дёрнул уголком рта и отвернулся.

— ... Славиш Вега, совладелец компании «Вега бразерс» на Земле, охотник за головами и трансформатор *силы*. И...

Джинн запнулся, остановившись на Бэт.

— Бэт, — робко пробормотала Бэт. — Элисбэт Майер. Лаборант. На Менкаре. У Зара...

Захариин... Цехариаса.

— Хорошо, — после задумчивой паузы сказал Лэуорд. — Теперь перейдём к проблеме. Суушир создан для драконов. Драконы — полноправные властители мира. Во времена правления Древних наш мир процветал...

— Наш мир! — Вакей откинулся на спинку кресла. — Да из всех присутствующих так может говорить разве что Стинара. И то она далеко не дракон. Змея ядовитая — может быть, но не дракон.

— Вакей, ты хамишь, — заметила целительница. — В моём доме. Моим друзьям.

— Ах, простите! Но ваши друзья потрепали Суушир больше, чем все хаимы вместе взятые. Мы же здесь из-за хаимов? Появилась единственная сила, способная удержать вас в узде, и вы переполошились. Мол, как же так? Больше нельзя безнаказанно куролесить!

— Ты неверно оцениваешь ситуацию, Важдай, — спокойно ответил демон-лису Лэуорд. Он стерпел гневный взгляд и продолжил: — Хаймам всегда мало достигнутого, когда-нибудь они заиграются и погубят этот мир. Мы тоже можем заиграться, в этом ты прав. Но мы любим Суушир и сделаем всё для его благополучия. А Семизвездью на мир плевать. Я хочу вернуть власть в Суушире драконам. Если бесполезных комментариев больше не будет, то я перейду к сути.

Джинн обвёл всех собравшихся вопросительным взглядом. Вакей упрямо сложил руки на груди, но промолчал.

— Политика Лиги и Гильдии, — не дождавсь возражений, снова заговорил Лэуорд, — направлена сейчас на формирование общественного мнения, лояльного к драконам. В частности — к золотым. В Столице, которая некогда гордо именовалась Арвинталь в честь сына Солна — Пресветлого Арвиэнталя, а теперь по прихоти Семизвездья — бессмысленно Тсонлаэрен, ведётся пропаганда за возвращение власти потомкам Солна. Мы планируем громко заявить людям об объединении Лиги и Гильдии, их защитников и покровителей, путём пышной свадьбы нашего Тёмного Владыки Владэсса и Архимастера Войтэльтинта. И Влад, и Вой — золотые драконы. Их свадьба с яркими празднествами, щедрыми подарками и пожертвованиями склонит народ Тсонлаэрена на нашу сторону и ополчит его против жрецов Храма Семизвездья. Ополчит потому, что эти самые жрецы, сами того не ведая, — джинн хитро улыбнулся, — попытаются помешать свадьбе, устроив теракт.

— А без теракта никак не обойтись? — подала голос Дейдрре.

— Нет, любовь моя, — ответил Лэуорд, ничуть не смутившись почерневшего лицом Альбера. — Как и без войны. Нам не одолеть семерых хаимов и всех их многочисленных жрецов, укоренившихся в Столице, без помощи меча, огня и крови. К сожалению.

— Ты хочешь выманить жрецов из Храма, — задумчиво проговорила Стинара. — А хаимов — с небес.

— Именно так, — джинн кивнул. — Гражданская война в Столице и захватническая на её границе отвлечёт внимание жрецов от Храма Семизвездья, под которым сокрыт вход в пробитый когда-то слугой Владыки Мрака — Зорморртага, лаз к сердцу Земнотверда. Мы спустимся к сердцу Дракона Плоты Мира, чем спровоцируем приход в реальность хаимов.

— А если хаимы не поведутся на провокацию? — спросила богиня.

— Поведутся, — Лэуорд улыбнулся и тряхнул волосами. По комнате разлетелся лёгкий звон колокольчиков. — Я ведь джинн. Если я доберусь до сердца Земнотверда, то Суушир будет поглощён мной, а хаймам ничего не останется, как разочарованно развести руками и

убраться.

— Подпустить тебя к Сердцу мира, чтобы выманить хаимов — всё равно, что лечить зубную боль отрубанием головы! — возмутился Вакей. — Ты же спишь и видишь, как бы сожрать Суушир!

— Я не стану ассимилировать...

— Не заливай!

— Ладно, — Лэуорд вздохнул. — Стану. Попытаюсь. Но не сделаю этого.

— Что тебе помешает?

— Чёткий расчёт и наша слаженная работа.

— Пф-ф!

— Вакей, — Дейдре нахмурилась. — Я тоже не в восторге от плана, но согласна, что хаимам в Суушире не место. И я доверяю Лорду.

— Зря.

— Вакей...

Демон-лис закрыл ладонями лицо, шумно вдохнул и медленно выдохнул.

— Ладно, — сдался он. — Давайте дальше.

— Спасибо, — холодно поблагодарил его джинн. — Я распишу вам план действий и роль каждого в нём. А там поспорим и всё обсудим. Итак. Всю западно-центральную часть материка я намерен превратить в империю. Могучую, с золотым драконом во главе. Влад станет императором, его избранница Войтэль — императрицей, я останусь советником, но уже при императорском дворе. Лигу возглавит Доанджи, Гильдию... с Гильдией пока не определились, но это мелочи. Кандидатур на Архимастера достаточно. Пока империя не окрепнет, ей нужна поддержка. Ею я рассчитываю заручиться у дома Вхэнлеттервэйт.

Мирэной удивлённо вскинул брови и тут же помрачнел.

— Да, брат мой, — усмехнулся джинн. — Тебе всё-таки придётся вернуться в Нелекреан и смириться с должностью наследного принца. Нелекреан — жемчужина востока, к его голосу прислушивается весь цивилизованный мир.

Саартан вдруг вспомнил, как Фаарха говорил, что Септемберель ожидают королевские почести. И радость материнства... Хранитель покосился на вампирессу. Корона будет ей к лицу.

— Разжиганием войны займётся Важдай, — сказал Лэуорд.

— Я же просил тебя! — глаза демона-лиса снова полыхнули оранжевым. — Если ты не прекратишь называть меня так, я уйду.

— Какие мы ранимые, — джинн жестом остановил начавшего подниматься из кресла Вакея. — Я постараюсь запомнить, как тебя зовут, друг мой.

— Можешь не расписывать мне мою задачу, — Вакей скривился, но сел. — Гражданская война уже началась, принца океронского мы усадим на трон уже в ближайший месяц. Его войска будут у стен Тсонлаэрена не позднее, чем через полгода.

— Пораньше бы.

— На меня работают дети. Талантливые, но дети. Я и так бросаю их в самое пекло. Пригодилась бы помощь с севера.

— Диртан задержится у князя Кершета, — Стинара потянулась за чаем и вазочкой с печеньем. — Она окажет на него нужное влияние. Север выступит на стороне Окероны.

— Север, северо-запад, — Лэуорд заложил руки за спину. — Северо-восток — это Эреданн. Им только дай повод подраться. Они присоединятся. Норвантер прикрывает Храм

Древних, его войска нужны мне здесь. В конце концов, под домом целительницы спрятана печать вызова Древних... Стинара, нам нужна будет поддержка Хозяйки Горы. Я бы хотел выпустить Вегу поохотится. Его способность превращать любую энергию кого угодно во что угодно — уникальное преимущество. Если аккумулировать собранную им силу в Горе, то мы сможем нанести прямой удар по Небесному Дворцу Семизвездья.

Славиш почесал затылок и пожал плечами. Мол, а чего бы нет? Я могу.

— Прикрывать Вегу будет Септемберель. Я помню о её положении, Мирэной, не волнуйся. Она будет не одна. Мне просто нужно, чтобы кто-то приглядывал за Славишем. Дом целительницы будет непременно атакован учениками хаимов, как только Стинара активирует печать, чтобы выпустить Древних Драконов на свободу. Вся Лига поднимется на его защиту. Альбер, твои Тени не помешали бы.

Альбер кивнул и крепче прижал Дейдрре к себе. Разволнованная было на словах «дом целительницы будет атакован» Дейдрре сразу успокоилась и прижалась к мужу. Саартан сейчас бы тоже был не прочь прижаться к кому-нибудь столь же большому, крепкому и надёжному. То, о чём говорил Лэуорд было глобальным, непонятным и опасным. Катастрофически опасным. И каким-то нереальным. Какая война? Причём тут Хранитель? Почему все здесь сидят с таким видом, будто джинн список покупок составляет, а не говорит о перекройке мира?! Целого мира!

— А зачем мне ехать в Столицу? — тихо спросил Саартан.

Джинн развернулся к дивану.

— А ты, мой друг, сыграешь роль предателя, — весело сказал Лэуорд.

— Что?!

— Через подручных Вакея ты сольёшь адептам Семизвездья скорректированную информацию о готовящихся событиях. Мы сделаем тебя канцлером Лиги, якобы приближённым Тёмного Владыки, тайным советником, серым кардиналом. Для такой роли нужен дракон из неприметных красных, бурых, зелёных. Недовольный избранностью золотых. Ты идеально подходишь.

— Но... — растерялся Хранитель. — Я не умею актёрствовать! И думаю слишком громко! Я не справлюсь!

— Справишься, — мягко ответил Лэуорд. — Актёрствовать не придётся. Будешь собой. А мысли мы твой прикроем. Я могу...

— Нет уж, — Вакей встал. — Только не лезь к нему в голову, джинн. Я сам его поднатаскаю. Мы же земляки. К тому же его нужно познакомить с сорванцами из ДАСТ.

Саартан съёжился под колючим взглядом оранжевых глаз. Как-то не хотелось оставаться ему наедине с этим земляком. Что-то было в нём... пугающего и отталкивающего. Даже Бэт передёрнуло, когда Вакей посмотрел на них.

— Пусть... — выдавил Саартан. — Кто-нибудь другой...

— Саартан, — Лэуорд подмигнул ему. — Тебе ещё жить в Суушире, нужно вводить тебя в высший свет. Канцлер при императоре — это увлекательно и прибыльно. И не напряжно. Ведь по сути, ты будешь всего лишь представительным лицом. Я буду помогать тебе лично. Буквально вести за руку. У меня в ближайшем окружении нет ни одного низшего, прости, дракона подходящего окраса, которому я могу полностью довериться. Мы с тобой ещё это обсудим. Да и с каждым из вас, — джинн сделал широкий жест рукой. — Мне нужно обсудить детали. Предлагаю погостить у нашей всеми любимой целительницы пару дней, чтобы мы все могли свободно пообщаться друг с другом. Ты же не против, Дейдрре?

— Я всегда всем рада, — скромно отозвалась целительница.

— Останься, — Вакей грубовато дёрнул Хранителя за локоть, когда все начали расходиться.

Саартан с тоской оглянулся на Бэт и Вегу. Бэт остановилась было в нерешительности, но её перехватил Лэуорд, что-то спросил и увлёк за собой. Славиш, улыбаясь во весь рот, последовал за Стинарой, которая уже о чём-то щебетала с целительницей. Саартан тяжело вздохнул. Повернулся к Вакею. И получил кулаком в зубы. Мотнулся в сторону, зацепился рукой за торшер, пытаясь сохранить равновесие, свалил его, едва устояв сам. Вакей ловко подхватил торшер у самого пола, возвращая в исходное положение и одновременно ловя Хранителя за рукав рубашки.

— Не ушибся? — участливо поинтересовался он.

Саартан облизал разбитые губы. Выпрямился. В упор посмотрел на него.

— За Менкар? — просил он.

— Ага, — улыбнулся Вакей и врезал снова.

И снова удержал Хранителя от падения за рукав рубашки.

— Второй-то раз за что? — буркнул Саартан, хватаясь за челюсть, которая тотчас вспухла и запульсировала.

— Так за брата, — простодушно дёрнул плечом Вакей и замахнулся в третий раз.

— За твоего сына я уже огрѐб! — Саартан отшатнулся, прикрывая руками лицо.

— Да? Разве?

— Сполна, — Хранитель глянул на Вакея сквозь пальцы. — Твоего сына же зовут Михей?

— Не угадал, — занесѐнный кулак сжался сильнее.

— Рыженький, зеленоглазый, — быстро заговорил Саартан. — Превращается в белого лиса!

— Подробности?

— У него кинжал с рубином в оголовке рукояти. И Мих очень болтливый. Очень.

— Похоже на него, — Вакей разжал пальцы и тряхнул кистью. — Где он?

— В пристанище Меру, у кураторов.

— Арестован?

— Нет, учится.

— На кого?!

— На куратора...

— Нет, не он значит, — Вакей отвернулся. — У кураторов куча правил, а Михеш их на дух не переносит.

— Он сказал, — Саартан отступил от него к выходу из гостиной. На всякий случай. — Что должен стать куратором во что бы то ни стало ради спасения отца.

Плечи Вакея дрогнули и поникли.

— Цитируешь? — вполголоса спросил он.

— Э-э-э... да.

— Умничка.

Хранитель решил, что последнее относилось к Михею. Но всё равно стало как-то не пс

себе. Саартан переступил с ноги на ногу, ощущая сковывающую неловкость.

— Насчёт Менкара... — робко начал он.

— Я тебя не виню, — Вакей быстро пересёк гостиную и бухнулся в кресло. — Я — бродяга по натуре, Менкар не был для меня тем домом, о котором слагают стихи. Но, как говорится, за державу обидно. Я пообещал набить морду тому мозговику, который всё это затеял, я набил. К тебе претензий больше не имею. Садись, обговорим твою роль в джинновской заварушке.

— Тебе не кажется план Лорда бредом? — спросил Саартан, раздумывая, куда бы сесть. То, что демон-лис спрятал свои иголки и колючки, ещё не значит, что он настроен дружелюбно. Хранителя не покидало чувство тревоги, и сейчас, когда Вакей расслабился, оно только возросло. — Я ничего толком не понял, но до меня дошло, что вы хотите выгнать из мира хаймов, взяв их на живца.

— Что хочу я, и что хочет Лорд — разные вещи, — Вакей пристально наблюдал за ним. — В некоторых местах наши интересы пересекаются, поэтому я оказываю ему услуги. А ты?

— А что я? — Саартан сел на краешек дивана. — Пока мои интересы никак не пересекаются с джинновскими. Понятия не имею, зачем он меня во всё это втягивает.

— Был бы ты просто драконом, то канцлер — это марионетка в руках Лорда. Маска для него. Но ты менкарец, легендарный учёный, в семнадцать лет ставший руководителем ведущего проекта. Где несостыковка?

— Марионеткам не нужны мозги?

— Близко. Лэурд забивает гвоздь микроскопом. Логика? Ты сказал, что громко думаешь. Я прекрасно слышу тебя...

Саартан вспыхнул и опустил взгляд. Нужно что-то с этим делать! Все, кому не лень, лезут к нему в голову!

— ... и с удивлением констатирую, что ты — тёмная лошадка. Лорд тебе никто, ты действительно не знаешь, во что тебя впутывают и зачем, размышляешь об игре и игроках, чьей фигурой ты оказался, и как тобой будут ходить.

— Ход конём, я полагаю, — невесело пошутил Саартан.

— И я склоняюсь к тому же, — Вакей ответил абсолютно серьёзно. — И, возможно, против меня. Подсунуть мне изнанку... Слишком большой соблазн подружиться с тобой, Цевехан.

— У изнанок нет друзей, — криво усмехнулся Хранитель, вспомнив слова Иватарна. — Только игрушки.

— Как знать. Вернёмся к твоей роли...

Вакей говорил рвано, постоянно выпадая из контекста (да и из реальности, судя по тому, как иногда у него затуманивались глаза) и ведя, очевидно, большую часть диалога внутри своей головы. Саартан понял, что его так напрягало всё это время: этот демон-лис казался безумным. Или был. Его скомканная речь, неожиданные вопросы и ещё более неожиданные ответы на них, фразы, повисающие в воздухе без адресата, не совпадающая со словами жестикауляция... Непредсказуемость — вот что пугало. А то, что Вакей собрал свою диверсионную группу ДАСТ из детей, одарённых, но не получивших признания своего дара в мире, окутывало демона-лиса ореолом злодейства. Плащ его ещё этот, запах столярки, неопрятность и хамоватость дополняли образ ноткой маньячности. Михей тоже

сумасшедший, но его сумасшествие было позитивным, творческим, полезным...

— Я дам тебе амулет, который скроет твои мысли от посторонних, — сказал Вакей. — Никто не удивится его наличию у канцлера, так что можешь носить его открыто. Свяжусь с тобой в Столице через своего агента. Ты поймёшь, что он от меня. Что и в чьи уши говорить, он тебя просветит. И держись подальше от Лорда. Ничего от него не принимай. Никаких вещей, особенно магического толка. Или принимай, но не используй. Нужно понять, что он от тебя хочет. Если бы я больше знал о тебе, Цевехан...

— Я такой же Цевехан, как ты — Важдай, — вставил Саартан.

Вакей посмотрел на него отрешённо. Наконец в его глазах промелькнуло понимание.

— Саартан? — спросил он.

— Да.

— Тем лучше.

Сказать Вакею, то у него теперь два сына? Андарс-Хегг ведь тоже был Михеём... Михешем.

— Ты уже сказал, — Вакей усмехнулся. — Кто такой Андарс-Хегг? И не подумай, я не нарочно копаюсь в твоей голове. У меня открытый канал на принятие информации извне. Одновременно с тобой я веду ещё восемь параллельных диалогов. Твои мысли... похожи на перебивающую волну.

— А, — так вот чем объяснялись периодически теряющий осмысленность взгляд и перепрыгивание с темы на тему. — Как мне заглушить эту волну?

— Потренируйся останавливать внутренний диалог. Если сразу не получится, то попробуй абстрагироваться от своих мыслей, послушать их так, как если бы их думал-говорил кто-то другой. Дело в практике... Расскажешь про второго сына?

— Да я сам толком не понимаю, как Миха стало два, — Хранитель прислушался к голосу в своей голове. Точнее — к голосам. Потому что между ушей носился целый рой жужжащих мыслей. Как если бы Саартан пытался думать обо всём на свете сразу. — Он прошёл через Зеркало и как-то разделился...

— Почему Лорд назвал тебя Хранителем Менкара?

— Э-э-э...

Вот опять вопрос, который застал врасплох. Отслеживающий свои мысли Саартан понял, что выдаёт все варианты ответов разом, и пока он выбирает один наиболее подходящий вариант и облекает его в слова, Вакей уже получает всю необходимую ему информацию и успевает её отфильтровать, чтобы потом сопоставить с тем, что скажет собеседник. Хранитель нахмурился.

— Важно задавать правильные вопросы, — Вакей растёр пальцами виски, зажмурился. — Но гораздо важнее задавать вопросы правильно.

Он открыл глаза и посмотрел на Хранителя ясными, без тени отрешённости и безумия, глазами.

— Сейчас тебе кажется, что постоянно контролировать свои мысли — это тяжело, — проговорил Вакей. — Но ты должен осознать, что разум отдыхает только тогда, когда в голове полная тишина. Это придёт. Со временем.

— Это был урок? — в груди Хранителя зашевелилась обида.

Детская какая-то, невразумительная. Он почувствовал себя двоечником, оставленным после занятий. Все-то вокруг такие умные, познавшие смысл жизни, умудрённые опытом. Поучают его, несмышленного. Зачем только?

— А зачем ты вообще живёшь? — спросил Вакей. — Я обещал тебя поднатаскать в управлении мыслями, ты не возражал. Хочешь быть прозрачным для всех — дело твоё. Мне же легче. Но ты про себя жалуешься, что все тобой помыкают, как хотят. И не делаешь ничего, чтобы это исправить. Так ради чего ты живёшь? Какая у тебя цель? Твоя цель, а не Лорда и ему подобным?

Хранитель глянул на него исподлобья. Создал в голове вакуум — это он умел. И зло бросил:

— Сперва в голову лезешь, теперь и в душу?

Вакей пожал плечами:

— Без цели ты — мусорное ведро: кто что захотел, тот то в тебя и бросил. И не жалуйся потом, что грязный и воняешь. До встречи в Столице.

Обида развернулась, расплзлась в груди Хранителя, толкнула противный комок к горлу. Заныла ушибленная челюсть. Саартан понимал, что этот чёртов демон-лис прав, но соглашаться с его словами было как-то унижительно.

— Тебе-то что за дело до меня?! — крикнул он в спину уходящему Вакею.

— Ты друг моего сына, — не оборачиваясь, ответил Вакей. — Я это ценю.

Глава VIII. Лицо под капюшоном

Портал открыли в маленькую, но зажиточную деревушку в милях десяти от города. Столицу от пространственных перемещений защищал магический купол, установленный и поддерживаемый круглосуточно жрецами Храма Семизвездья, поэтому пришлось арендовать лошадей и ехать к городу по оживлённому торговому тракту. Саартан, не имевший опыта конных прогулок, восторга от поездки не испытывал и всё время елозил в седле, пытаясь устроиться поудобнее. Бэт посмеивалась над ним, управляя своей кобылкой одними бёдрами и умудряясь на ходу полировать коготки. Данн, вызвавшаяся сопровождать их в Столицу (всё-таки в Тсонлаэрене располагалась резиденция Гильдии), сидела в седле, как влитая.

— Где ты научилась ездить верхом? — Хранитель с завистью посмотрел на Бэт.

Гильдийка-то понятно — она воительница до мозга костей, куда ни ткни. Небось, ходить ещё не научилась, а уже галопом скакала быстрее ветра.

— Занималась на ипподроме, — Бэт улыбнулась. — В отличие от тебя, я не жила в лаборатории, обуздывая только реостаты.

— Заметно было, — буркнул Саартан.

Его лошадь вильнула в сторону, пропуская грохочущую по дороге гружёную бочками телегу, и Хранитель, едва не свалившись, сосредоточенно засопел, вцепившись в поводья.

— Здесь ехать совсем ничего, — успокоила дракона Данн. — Расслабься и дай лошадке идти самой.

Расслабься! Легко сказать! До земли-то высокогато! А если свалишься — вмиг окажешься под копытами с гиканьем снующих туда-сюда конных разбедов.

— Почему нельзя было взять карету? — прошипел Саартан. — Была же там карета!

— Видишь, какая тут сутолока? — гильдийка придержала своего коня, поравнялась с Хранителем и взяла его лошадь под уздцы. — Мы бы в лучшем случае были у ворот к полудню. А нас ждут к завтраку.

— Его будущее императорское величество без нас что ли кофе не попьёт? — лошадь пошла ровнее, и Саартан немного успокоился, но едкость в его голос всё же просочилась. — Я вот уже совсем весь свой аппетит отбил!

Девушки одновременно вздохнули, переглянулись и рассмеялись. Саартан недобро зыркнул на них, нахохлился в седле и обиженно замолчал. Дорога по широкой дуге обогнула невысокий холм, и взорам путников предстал сверкающий прозрачным куполом, как громадная росинка, величественный Тсонлаэрен.

Пукурп в Абадхуре показался Хранителю большим городом. Он расплзался вширь узкими пропечёнными солнцем улочками, а ввысь лез наваливающимися друг на друга ярусами низеньких пузатых строений. Гудящий, пыльный, пёстрый термитник. Тсонлаэрен отличался от него, как отличается искусно и прихотливо вырезанная из хрусталя ваза от небрежно слепленного глиняного кувшина. Столица горделиво поднимала к небу тонкие позолоченные шпили стройных белокаменных башен с реющими на них полотнами знамен, упиралась в землю стволами колонн, плавно перетекающими в портики и арки, плескала на широкие мощённые улицы благодатной прохладой скверов и парков, шумела фонтанами и приветствовала гостей многочисленными скульптурами и чарующими самый

притязательный глаз архитектурными изысками. Здесь всё дышало благородством, никто никуда не спешил, и даже попрошайки чинно прохаживались между столпившимися за воротами торговыми обозами с вежливыми заискивающими улыбками, ненавязчиво протягивая руки из-под бережливо залатанных и худо-бедно стиранных балахонов.

Плечи Хранителя сами собой расправились, когда их маленький конный отряд выехал на центральную улицу, такую прямую, что с одного её конца взгляд сразу упирался в фасад некогда Дворца Солна, а ныне Храма Семизвездья.

— Нам почти до главной площади, — Данн рукой указала в сторону Храма. — Там и здание Гильдии, и городская ратуша, и Академия.

— Академия? — переспросил Саартан, насмешливо косясь на притихшую, будто придавленную окружающей роскошью, Бэт.

— Школа магии, если не усложнять, — воительница приподнялась в седле, высматривая что-то впереди. — Нас встречают.

Выехавший навстречу тройце всадник махнул рукой и, не дожидаясь ответа, понёсся по улице. Данн пришпорила коня. Лошадь под Хранителем пошла мелкой рысью, и Саартан про себя чертыхнулся, совсем не величественно, как того требовала обстановка, трясясь в седле.

Кто бы сомневался, что дом Тёмного Владыки окажется в самом фешенебельном районе города. Этаким небольшой замок среди замков поменьше. Неплохо, видать, зарабатывают высшие чины в Лиге... Саартан с кряхтением сполз с лошади, с благодарностью сунул в руки подбежавшему конюху поводья. Потёр ноющую поясницу, наблюдая, как легко спрыгивают с сёдел Бэт и Данн. Вздохнул. Не пристало драконам сбивать в болезненную мозоль пятую точку, когда летать можно! «Только вот я что-то не спешу в дракона превращаться», — подумал Хранитель. — «Не могу себя заставить... с чего бы это?».

Влад встретил их на пороге. Дружелюбно улыбнулся, здороваясь и приглашая в дом, совсем не похожий на владыку, тем более — тёмного. И тем более не похожий на того, кто планирует теракт на собственной свадьбе, чтобы скомпрометировать легальность власти жрецов Семизвездья и стать императором. Но Хранитель не единожды убеждался, что внешность обманчива. Взять того же добродушного на вид Стефана... Саартан поклонился Владу со всем почтением.

— Ваша комната наверху, — Влад кивком ответил на поклон, принимая его, как должное. — Вас проводят.

Комната? Саартан моргнул. Ах, да! Он же сам недвусмысленно намекнул Лэуорду, что Бэт с ним... Данн же в Гильдию отправится... Поди, и кровать там одна на двоих. Хранитель начал стремительно краснеть, и Бэт незаметно взяла его за руку.

— Саартан, ты будешь нужен мне к вечеру, — сказал Влад. — У нас приём. Не волнуйся, манерничать на нём не придётся, некоторая развязность с твоей стороны будет даже полезной.

Саартан всё же вспыхнул. Что же получается? Его считают тут неотёсанной деревенщиной, которая не знает, с какой стороны вилку держать?!

— Я предпочитаю есть руками, — догадался (услышать не мог, ведь Хранителя теперь защищал амулет Вакея) о его мыслях Влад. — И считаю, что для многих блюд это правильно. Но, сам понимаешь — Столица. Здесь каждый старается перещегоолять каждого в напускной эстетичности. Не забивай этикетом голову. Девушки! — глава Лиги повернулся к Бэт и Данн. — Пока мы занимаемся скучными политическими делами, не желаете ли вы

прогуляться по местному рынку? Данн, говорят кузнец Трогвар Железный пожаловал на ярмарку с презентацией новой коллекции его оружейной мастерской.

Глаза воительницы загорелись. Конечно, что может быть интереснее для девушки, чем богатый выбор холодного оружия? Да уж...

— Пойдёшь? — тихо спросил Саартан у Бэт.

— А как же? — Бэт застенчиво опустила ресницы. — Ведь сам Трогвар Железный... — она хихикнула и глянула Хранителю в глаза. — Я город хочу посмотреть, Зар. Можно ведь?

— Конечно! — Саартан удивился тому, что Бэт спрашивает у него разрешения. — Иди. Я дам денег...

— Не утруждайся, Саартан, — Влад широко улыбнулся. — Позволь мне сделать дамам подарок.

Дамы обменялись предвкушающими разорительный для мужского кошелька поход на рынок взглядами, а Хранитель поджал губы. Он не только неотёсанная деревенщина в глазах Тёмного Владыки, но ещё и нищая неотёсанная деревенщина. Замечательно!

Бэт была в восторге! Расходящиеся от обзорного колеса, сложный механизм которого вращала пара запряжённых волов, в центре рынка ломаными лучами ряды торговых палаток походили на бесконечный лабиринт, потеряться в котором было сплошным удовольствием. Здесь продавали всё! Конечно, всё то, что не запрещалось строгими законами Тсонлаэрена, но... Но и но! Глаза разбегались от изобилующих разношёрстным товаром полок. Что нужно кошке? Новый наряд? Ах, может этот лёгкий, почти невесомой паутинкой лежащий на плечи, яркий платок? Или вот эту диадему с миниатюрным топазом в перевивах серебряных лоз? А может то колечко? О, при покупке двух — кулон в подарок, говорите! Бэт носилась от прилавка к прилавку с глупой счастливой улыбкой, впитывая в себя лестные замечания торгашей:

— Вам так идёт!..

— Богиня!..

— Ваши прелестные глазки!..

— Сама королева обзавидуется!..

— Красавица, вах!..

— Падаю к вашим ножкам!..

Бэт забыть забыла, что хотела посмотреть город. Какой там! Город никуда не убежит, а рынок опустеет к вечеру. Данн затерялась где-то среди прилавков с оружием и доспехами. Бэт не переживала, что заблудится — с воительницей они условились встретиться у обзорного колеса через пару часов, если что. Пару часов... это так мало!

Кто-то дёрнул Бэт за полу плаща. Бэт обернулась, ожидая увидеть очередного зазывалу и отшатнулась от сгорбленного попрошайки в рваном балахоне с низко надвинутым на лицо капюшоном.

— Подай монетку, добрая девочка, — прошепелявил попрошайка.

— Нету... у меня ничего нету! — Бэт брезгливо вырвала плащ из руки нищего.

— Один медячок, приятный пустячок для старика...

Рука снова потянулась к ней. И кольнуло в висках — опасность! Бэт затравленно огляделась. Никто не обращал на неё и попрошайку внимания.

— Сейчас... — Бэт отступила на шаг, роясь за пазухой. — Вот...

От испуга она случайно вытащила золотой и, не задумываясь, швырнула его под ноги нищему.

— Невежливая девочка, — гнусаво проговорил попрошайка. — У старика спина болит, не согнуться, не разогнуться... Подними, будь так любезна.

— Сам поднимай! — Бэт готова была бежать, так ей страшно вдруг стало.

Что её напугало в этом сгорбленном старике?

— Грубиянка, — рука нищего на миг исчезла в складках балахона и появилась вновь, протягивая когтистыми пальцами девушке фуражку. Капитанскую. С Нерии. — Ты забыла.

— Ты?! — Бэт вытаращилась на скинувшего капюшон Мельхиора.

— Нет, забыла ты, — щурясь и скалясь, ответил Аист. — Я подумал, может она тебе дорога? Решил сделать приятное.

— Что ты здесь делаешь?!

Бэт воровато оглянулась — нет ли поблизости Данн? Воительницы видно не было.

— Я же сказал...

— Да нет же! — Бэт выхватила фуражку. — На самом деле!

— Хотел узнать, как у тебя обстоят дела с Разрушителем. Что он делает в Столице? В Столице! Это так ты держишь его подальше от джинна?

— Но я-то с ним! И Лорд остался в Норвантере...

— Ненадолго, — Мельхиор недовольно поморщился. — Что бы ни случилось, не позволяй Разрушителю ссориться с ним. Если он убьёт...

— Я помню. Не убьёт. И вообще, Халиф, почему не рассказать всё Зару? Так ведь будет проще...

— Не будет. Напротив, это только усугубит ситуацию. Не вздумай ничего рассказывать!

— Хорошо, я...

— Даже мысли не допускай!

— Да ладно, ладно! Но...

— О! — Аист изумлённо указал куда-то Бэт за спину пальцем.

Бэт обернулась, но ничего интересного не увидела. А когда она повернулась, Мельхиора уже и след простыл.

— Вот блин! — девушка рассерженно топнула ногой.

— Подделку подсунули? — поинтересовалась возникшая рядом Данн, разглядывая фуражку в её руках. — О, смотри, кто-то золотой обронил!

Скучный, по мнению Влада, приём проходил в главном здании Академии. И был он отнюдь не скучным. Утомительным — да. Сколько можно, в конце концов, есть, пить, танцевать и поддерживать светскую беседу? Но разве можно назвать скучным представление, устроенное лучшими студентами столь престижного учебного заведения? Может быть, к выворачивающим мозг иллюзиям и вызывающим детский восторг фокусам здесь все давно привыкли, но Саартана творимая феерия захватила целиком и полностью. Сам-то Хранитель умел разве что камушки зачаровывать да делать из них простенькие украшения. Интересно, есть ли возрастное ограничение для приёма в Академию?

— То, что вы пьёте, вовсе не компот, — подошедшая Войтэль улыбнулась Хранителю.

Красивая жена у Влада. Не жена ещё пока, конечно, но ведь будет. Мягкая и вся какая-то... как тёплый осенний день. И взгляд такой всегда понимающий, сочувствующий, располагающий к душевной беседе, с искорками солнца в глубине. Архимастер Гильдии, боевой маг и искусный дипломат. Да. Боевой дипломат, если такие вообще бывают...

— О... — Саартан бросил взгляд на почти пустой графин рядом с собой. — Увлёкся представлением, госпожа.

— На вас смотрят, — Войтэль взяла из фруктовой корзины яблоко и прислонилась к столу, загораживая собой сидящего с краю Хранителя от любопытствующих гостей. — Оценивают.

— Понимаю, — Саартан вздохнул. — Держать кислую презрительную мину весь вечер. Коварный канцлер, как-никак.

— Справитесь?

— Постараюсь.

Войтэль ободряюще погладила Хранителя по плечу, тепло улыбнулась ему и отошла. Её тут же ревностно перехватил Влад и увлёк в головокружительный танец. Хранитель поймал заинтересованные взгляды, перебегающие от него к Архимастеру и обратно. Хмыкнул. Тонко сыграно, госпожа боевой дипломат! Ничего не сделала, а ползала уже думает, что они любовники. Саартан решительно поднялся, забрал нетронутое Войтэль яблоко со стола и, с независимым видом вышел в коридор.

В хитросплетениях коридорных дверей отыскать нужную комнату оказалось непросто. И по запаху, как в тавернах, её не найдёшь — приличное же, всё-таки, заведение. Саартан сдался, поплутав по коридору, спросил у пробегающего мимо мальчишки, где здесь можно умыться. Мальчишка махнул куда-то за угол и, не дожидаясь утоняющих вопросов, убежал. Не вежливо как-то с канцлером-то...

Саартан плотно закрыл за собой дверь, задвинув щеколду, положил яблоко на край мраморной мойки и подставил руки под прохладные струи воды. Плеснул горсть себе на лицо. Что он тут делает? Не в отхожем месте, разумеется, а в Столице? «Без цели ты — мусорное ведро: кто что захотел, тот то в тебя и бросил. И не жалуйся потом, что грязный и воняешь», — вспомнились вдруг слова Вакея. Какая у Хранителя цель? Его цель? Отбити Септемберель у Мирэноя? Подлю. Она ждёт ребёнка от него, счастлива вроде как рядом с ним... скоро может стать королевой Нелекреана. Избавиться от кровных уз? Не хочется... Не смотря на то, что узы причиняют боль, заставляют страдать неразделённой любовью, ненастоящей любовью... или настоящей? Страсть к эльфийке вспыхнула до того, как Саартан изготовил амулет: в серьги он вложил уже готовую, сформированную эссенцию собственных желаний. Тогда что же делать? Дождаться, пока родится и подрастёт Ракеш, чтобы передать ему кулон Фаархи — это не цель, а обязанность. По сути, Хранитель волен был выбросить артефакт, а носил его из чувства долга.

— Я — мусорное ведро, — подытожил свои невесёлые мысли Саартан.

— Я бы назвал это «почтовый ящик», но дело ваше.

Саартан вздрогнул и резко развернулся. Он же закрывал дверь! Перед Хранителем стоял некто низенький и худой в балахоне с низко надвинутым на глаза капюшоном. И протягивал перстень.

— Наденьте его, — голос детский. Вакейский шпион из ДАСТ? — Тот, кому нужно передать письмо, сам вас найдёт.

— Какое письмо? — Саартан с опаской принял из рук незнакомца перстень, повертел

его в пальцах.

— Это, — из широкого рукава балахона появился конвертик с печатью. — Не советую вам его читать. Просто передайте и всё.

— А пароли? Я должен же услышать какой-нибудь пароль?

— Мне сказали, что вы сами всё поймёте.

Человек (ребёнок?) сделал шаг назад и растаял. Буквально. Хранитель только глазами захлопал. Письмо он из рук шпиона не брал — а вот оно, в кармане жилета. И перстень уже посвёркивает на пальце. А вот яблоко с мойки пропало. Саартан скрежетнул зубами. Быть канцлером увлекательно, говорил Лэуорд! Если под этим подразумевалась передача записок в толчке, то... Да уж.

Письмо он передал. Почти сразу в зале, куда вернулся Хранитель, к нему подошёл осторожный пожилой человек в мантии декана Академии, взглядом указал на перстень и протянул руку. Саартан отдал конверт. Подавил в себе желание оглядеться, чувствуя себя вором, который совершает кражу у всех на глазах. Нацепил на лицо маску безразличия и уселся за стол. Выцепил глазами из толпы танцующих Войтэль и принялся лениво за ней наблюдать. Пусть сплетники потом слюной давятся, захлёбываясь собственными фантазиями. Саартан — злобный канцлер, ему можно засматриваться на жену будущего императора.

Приём закончился, когда на улицах Столицы фонарщики уже делали свой утренний обход, выкручивая фитили в стеклянных колпаках-лампах. Медленно потянулись от здания Академии вычурные кареты, разгоняя сонную тишину города дробным цокотом ухоженных копыт по вылизанной к этому времени до блеска мостовой центральной площади и увозя своих притомившихся богато разодетых пассажиров на заслуженный после бессонной ночи отдых. Саартан в карете задремал. Он не танцевал, почти не пил, не натруждал язык пустой, но обязательной болтовнёй, как Влад и Войтэль, а устал так, будто ему пришлось всю ночь слушать мучительно бесконечные частушки Михея про эльфов, гномов и каких-то белых магов.

Разбитый и еле переставляющий ноги Хранитель доплёлся до их с Бэт апартаментов, любезно предоставленных главой Лиги, протопал в спальню и, не раздеваясь, бухнулся на кровать. Бэт не спала. Плескалась в ванной, напевая что-то весёлое. То ли ещё не ложилась, то ли уже встала. Лучше бы первое, ведь иначе Саартана ждут расспросы о приёме, а рассказывать о нём сил уже не было.

Лёгкая штора на окне всколыхнулась, и в комнату влетел свежий утренний воздух. Саартан нехотя повернул голову. С ненавистью уставился на возникший в оконном проёме силуэт в капюшоне.

— Я передал письмо, — раздражённо проговорил Хранитель, садясь на кровати. — Что ещё-то надо?! Это не может подождать...

— Саа?..

Этот голос. До боли знакомый, такой родной, такой... Саартан кинулся к окну, схватил спрыгнувшего на пол мальчишку за шею, прижал к стене и сжал пальцы. Губы под капюшоном растянулись в робкой, но упрямой улыбке. Чуть дрогнули, когда пальцы Хранителя сжались на горле сильнее. Саартан замахнулся, чтобы ударить.

— Я заслужил, — прошелестело из-под капюшона, и рука Хранителя опустилась сама собой.

Саартан часто задышал, разжал пальцы, сгрёб Михея в крепкие объятия. Тот ткнулся ему лбом в грудь.

— Прости меня, Саа...

— Мих... Но как?..

— Я везде тебя найду, — Михей вскинул голову, заглядывая Хранителю в глаза. Капюшон слетел с его головы, и по плечам мальчишки рассыпались отросшие рыжие пряди. — И узнаю в любом обличи.

— Зар, я... Ой! — Бэт в одном полотенце застыла на пороге спальни.

Саартан смущённо отодвинулся от Михея. Хранителю вдруг стало ужасно неловко. Перед Бэт за Михея, а перед Михеем — за Бэт. С чего бы это?

— Э-э-э, — начал Саартан. — Э-это Элисбэт, моя... э-э-э... — он проследил скользнувший по расправленной кровати многозначительный взгляд Михея, запнулся и покраснел. Закончил скомкано: — Работали вместе.

— Я в гостиной подожду, — Бэт попятилась.

— Нет! — остановил её Саартан. — Лучше мы. Это мой друг, Михей...

— Тоже работали вместе, — невинно вставил Михей и оскалился. Дружелюбно.

— Да... Нет! Мих!

— А что, не так?

Саартан выдохнул. Жестом пригласил Бэт войти, а сам, потянув Михея за собой, бочком вышел из спальни.

— Тебя видел кто-нибудь? — зашептал он, едва закрыв дверь в спальню. — Дом главы Лиги хорошо охраняется, как ты вошёл?

— Через главные ворота, когда въезжала карета, — так же шёпотом ответил Михей. — Ты мне здорово помог, притворившись пьяным.

— Я... кхм... просто устал. И заснул в карете. А подножка скользкая была...

— От тебя пахнет вином. И женщинами.

— А от тебя не пахнет ни бухлом, ни бабами! — Саартан разозлился и повысил голос. — И что теперь?

— Тише! Твоя «работали вместе» услышит вне контекста и отдубасит потом сковородкой!

— Она не моя. И зовут её Бэт.

— Да ладно тебе! Миленькая же! — Михей по-кошачьи потёрся щекой о плечо Хранителя. — Я рад за тебя, Саа. Чеслово!

Саартан надулся. Обида, в последнее время всё чаще поднимающая внутри него голову, сейчас развернулась всем своим змеиным телом, опутала сердце склизкими холодными кольцами, сжала. Хранитель отвернулся.

— Отойдём от двери, — глухо сказал он и направился к маленькому бару в стене. — Что ты пьёшь?

— В последнее время исключительно чай, — Михей засеменял следом. — С кем поведёшься, как говорить...

— Понятно.

Саартан вынул из стеклянного шкафчика бутылку, откупорил её зубами, уселся с ногами на диван и выжидательно глянул на Михея. Михей устроился прямо на полу, стянув сапоги и вытянув длинные ноги.

— Ты вырос, — заметил Саартан.

Он сделал внушительный затяжной глоток из бутылки, разглядывая мальчишку.

— Вырос, — согласился Михей и потянулся всем телом. — Возраст же, он только в голове. Раньше я вёл себя, как ребёнок, и выглядел, как ребёнок. А сейчас изменился. Шу многому научил меня за те семь лет, что я провёл в Меру.

— Семь лет?! Мы не виделись года три! Может, чуть больше.

— Эхады в кроне Древа синхронизированы, — Михей задумчиво накрутил рыжий локон на палец, чем неприятно напомнил Хранителю Иватарна: тот тоже частенько так делал, когда размышлял. Нет, к куратору-дракону лично Хранитель относился довольно хорошо, но кусачая обида в груди зашипела от одного только упоминания о Шу, Меру и всех прочих, на которых променял его Михей. — В эвенах время течёт иначе. Суушир сам по себе мир необычный к тому же.

— Ты стал куратором? — рукав балахона у Михея сполз до локтя, и серебряный браслет бросался в глаза.

— Пока нет, — Михей перестал теребить волосы и спрятал браслет обратно под рукав. — В Суушире у меня выпускной экзамен.

— А, — протянул Саартан, прикладываясь к бутылке. — Вот как.

— Я искал тебя, — Михей подобрался, попытался поймать его взгляд так, как когда-то давным-давно в Панайре белый лис норовил заглянуть в красный глаз радужному дракону. Но Саартан демонстративно уставился в занавешенное окно. Михей вздохнул и понурился. — Я проследил за каждым твоим шагом, как только обзавёлся собственной сетью информаторов...

— На Шофет прилетел Фаарха.

— Знаю, — голова Михея опустилась ещё ниже. — Я был тогда на задании.

— Ничего ты не знаешь! — Саартан вскочил и отшвырнул бутылку. Михей вздрогнул, поднял испуганный взгляд на нависшего над ним Хранителя. — Ты ничего не знаешь, Михей! — прошипел Саартан, в ярости сжимая кулаки. — Ты бросил меня одного. Выбросил! Следил за каждым моим шагом? Тогда ты знаешь, через что я прошёл! Хотел, чтобы я отрастил клыки и оброс бронёй? Да?! Так вот я отрастил и оброс! А ты припёрся, как ни в чём не бывало! Но теперь ты мне нахрен не нужен! Мне вообще никто не нужен!

— Саа...

— Убирайся!

— Но Саа...

— Убирайся, я сказал! Я сам по себе! Я... — Саартан задохнулся.

Змея в груди Хранителя вонзила ядовитые зубы в сердце, и чёрный яд её пополз по венам. Ободок в зрачках расплылся, и по побелевшему лицу потекла тьма. Михей отполз от взбешённого Саартана, сгрёб свои сапоги в охапку и медленно поднялся на ноги. Кувыркнулся через голову как раз в тот момент, когда дверь в комнату распахнулась, и на пороге появилась встревоженная стража.

— Пусть уходит! — крикнул стражникам Саартан, когда белый лис прыгнул в окно, усыпав подоконник осколками. Хранитель тяжело опустился на пол и закрыл лицо ладонями. — Пусть... уходит.

Вбежавшая Бэт выпроводила стражу, попросила никому не беспокоить канцлера и закрыла дверь на ключ. Осторожно подошла к съёжившемуся на полу Хранителю. Присела перед ним на корточки. Подумала немного и потянулась к пряжкам на его плечах. Саартан

негромко зарычал, когда Бэт стащила с него плащ, но не шелохнулся. Плащ в руках Бэт рассыпался чёрной пылью. Как и тиара, которую девушка хотела снять и отложить в сторону. Бэт покосилась на горстки пыли, поколебалась мгновение, взъерошила Хранителя гладко уложенные назад для приёма волосы, коснулась пальцами тыльной стороны его ладоней и решительно отвела его руки от лица. Саартан, зажмурился, что-то невнятно промычал и вяло засопровтивлялся.

— Пойдём спать, Зар, — попросила Бэт, удерживая Хранителя за запястья. Она без страха разглядывала чёрные маслянистые потёки на щеках Саартана и не вздрогнула, когда тот неожиданно широко распахнул такие же чёрные глаза. Хотя она прекрасно помнила, что делал Саартан, когда смотрел на неё сквозь пелену тьмы в прошлый раз... — Пойдём, — Бэт потянула Хранителя на себя и вверх, не спеша поднимаясь. — Со мной...

— С тобой... — эхом отозвался Саартан, вставая и делая шаг к Бэт.

— Да, — Бэт мягко отступила от него. Дождалась, пока Хранитель сделает ещё один шаг и отступила снова. — Со мной.

Так, шаг за шагом, Бэт завела Саартан в спальню. Усадила его, податливого, но не безвольного, а всего какого-то хищного, похожего на затаившегося в засаде зверя, на кровать, стянула с него жилет и рубашку. Повалила на спину и прильнула к нему, гибкая, горячая, бросающая вызов. И зверь Хранителя, жутковато ухмыльнувшись сквозь проступившую тьму и довольно заурчав, её вызов принял.

Михей выскочил в окно, упал в кусты, сделав неудачную попытку уйти в переход ещё в прыжке. Хорошая охрана у главы Лиги, хорошие щиты... Лис вынырнул из кустов и, стелясь брюхом по земле, побежал к воротам. За ним никто не гнался, скрываться уже не было смысла. Стражник на воротах, завидев лиса, вскинул арбалет, но тотчас его опустил и приоткрыл калитку, выпуская Михея на улицу. Пусть уходит, кричал Саартан. Его послушали. Обидно, конечно, но сам виноват. Выкинул из уютного гнезда, не озаботившись осмотреть крылья, а теперь глядишь с сожалением, как он, переломанный, скачет с ветки на ветку вместо того, чтобы летать...

Убежать далеко Михей не успел. Бок прошило обжигающей болью. Лиса сбило с лап и протащило несколько ярдов по мостовой. Михей крутанулся, уходя в сторону, но получил новый удар в тазовую кость, и поэтому его манёвр некрасиво прервался, даже не начавшись. Выплеснутая для защиты *сила* потекла со щита в раны. Не потекла даже — рванула грохочущим потоком! Михей тихо выругался. И увидел, наконец, своего противника.

— Как ты не вовремя! — простонал Михей. — Как там тебя? Андарс?

— Мне записаться на приём нужно было? — язвительно спросил Хегг, опуская импульсор и скидывая свободную руку. Лиса смяло и скрутило, его защитное поле лопнуло, как мыльный пузырь. — Я и так слишком долго ждал, когда ты соизволишь навестить своего Саа.

— Подло же!.. — Михей обмяк и засипел. — Как маму!.. Со спины!..

— Сбоку, — парировал посланник, подходя ближе. — Церемониться лень.

— Только голову... не отрывай! Я этого страсть, как не люблю!

— Не буду, — ласково пообещал Хегг. — Я тебе её просто отстрелю.

И выстрелил, не целясь.

Одновременно с выстрелом послышался топот копыт. Хегг поморщился. Быстро они. Патруль засёк всплеск чуждой здесь силы и теперь спешит на место событий для выяснения обстоятельств. Придётся оставить отражение, чтобы прикрыть собственный отход. Хегг одним прыжком оказался в тени ближайшего забора и залёг там таким же белым лисом, как тот, что остался лежать на мостовой в лужах крови.

Конный отряд вылетел из-за угла, с ходу накрывая улицу ловчей сетью. Ишь, ты! Даже в патруле у них тут в Столице — маги! Не очень хорошее открытие, но раньше думать нужно было. Увидел фантома и позабыл про осторожность. Как глупо! Хегг начал внутренне готовиться к прорыву. Лэуорд не одобрит его выходки, но куда деваться-то? С джинном это совсем никак не связано, если чего...

Обезглавленное тело лиса на мостовой начало таять. Испарялась даже кровь на камнях. Хегг удивлённо вскинул брови. Ах, ты! Фантом фантома! Значит, Зеркало можно использовать многократно... Как не догадался?! Вторая осечка, это надо же! Стареешь, посланник? Или не слишком стараешься избавиться от зудящей связи с отражением? Самому себе оставляешь глупые очевидные лазейки...

Патруль остановился точно в том месте, где несколько секунд назад лежал Михей. Всадники покрутили головами, один из них повёл вокруг себя раскрытыми ладонями и недоумённо пожал плечами.

— Может, снова студенты балуют? — предположил один патрульный. — Ночью приём был в Академии.

— Сигнал странный, капрал, — отозвался другой. — Но помехи вдруг?

— Помехи, — быстро согласился первый. — Всё чисто. Проедем до конца улицы на всякий случай.

Всадники выстроились строгим клином и медленно пустили коней шагом, всматриваясь опустившийся на улицу утренний туман. Хегг облегчённо вздохнул и нахмурился. Преимущество внезапности было потеряно: Михей знает, что посланник охотится за ним. И Хегг раскрыл себя перед кем-то ещё: флюгер на одном из домов-замков шевельнулся, расправил крылья и взмыл в небо колченогой бело-черной птицей.

Глава IX. Жертва

Свадьба Владэсса и Войтэльтинт отгремела на славу. Именно, что отгремела. Под грохот салютов на центральной площади Столицы прогремел взрыв, унёсший десятки жизней мирных горожан. Лигой и Гильдией всё было обставлено так, что ни у кого не возникло сомнений — ответственность за теракт лежит на жрецах Храма Семизвездья. Кто, если не они, жаждали стереть саму память о былом величии золотых драконов? Кто, если не они, люто ненавидели вольных магов? Кто, если не они, противились объединению двух самых влиятельных организаций в мире?

Храм Семизвездья едва не начали штурмовать. Влад и Войтэль насилу успокоили разъярённую толпу проникновенной и вдохновенной речью о мудрости, любви и смирении. Саартан, стоявший в тени Владыки, как и полагается замышляющему недоброе канцлеру, только многозначительно хмыкал. Влад бросал на него укоряющие взгляды, мол, сам не рад тому, что приходится делать, а тут ты ещё рожи корчишь. Хороший мужик, этот глава Лиги. Душевный. Жалко, что попал под влияние джинна. Как и его жена. Вакей называл Влада и его жену позолоченными пешками Лэуорда. Вот да. И ведь сами наверняка понимают, что Лэуорд ими играет, а идут за ним. Почему? А почему Хранитель идёт? Потому что пойти больше некуда. И незачем.

Появление Михея осталось в памяти неверным светом, вспыхнувшим на миг, озарившим душу и погасшим, как мираж. Когда лис ушёл, Саартан погрузился во тьму ещё более непроглядную, более глубокую и вязкую, чем та, которая окутывала его раньше. Обида выжигала сердце, разум метался в сжимающейся клетке безумного невыносимого одиночества. Да, была Бэт. Она, как умела, вытаскивала Хранителя из его внутреннего болота, заставляла двигаться, трепыхаться и реагировать. Она была рядом даже тогда, когда Саартан со злости прогонял её. Не обижалась. Просто уходила на время и возвращалась вновь с холодной решительностью бороться за него ещё настойчивее. И боролась. И Хранитель понемногу оттаивал, приходил в себя. Он начинал привыкать к Бэт.

— Выбирай, — Бэт погладила жеребца по храпу. — Либо ты сейчас же превращаешься в дракона, либо залезаешь в седло.

Конь гнедой масти, молодой и некрупный, нетерпеливо закивал, зыркнув на Хранителя недоверчивым взглядом. Саартан с сомнением оглядел его, перевёл взгляд на упрямо поджавшую губы девушку.

— Мы друг другу не нравимся, — покачал Саартан головой.

— Тогда расправляй крылышки — и вперёд! — Бэт топнула ногой.

Гнедой фыркнул. Саартан улыбнулся про себя. Бэт в гневе смешно хмурила брови и топорщила маленький аккуратненький носик, её и без того яркие глаза наливались глубокой синевой, отчего она становилась похожей на миленькую ожившую куколку.

— Ты смеёшься, — обиженно сказала Бэт и нахмурилась сильнее.

— Не смеюсь, — Саартан погладил её по жёстким густым волосам. — Просто у меня отлично получается ладить со всеми животными, кроме лошадей.

— Лошади своенравные, они любят сильных и смелых.

— А я — слабый и трусливый канцлер.

— Вот только не надо принижать себя, Зар! — Бэт приподнялась на цыпочках и чмокнула Хранителя в щёку. — Ты сам не знаешь, на что способен.

— К сожалению, знаю.

Саартан увернулся от норовившего укусить его за ухо гнедого, погрозил ему пальцем. Жеребец выгнул шею и принял вид презрительно-невозмутимый.

— Его зовут Шалопут, — Бэт улыбнулась, перекинула поводья коню на спину. — Вы подружитесь.

— Встречайте! — Саартан вскарабкался в седло. Гнедой под ним затанцевал, но Бэт шикнула на него, и тот успокоился. Принял мягкими губами из рук девушки сухарик, кивнул, как бы мирысь с новым седоком. — Канцлер Саартан на Шалопуте!

Бэт рассмеялась и легонько хлопнула гнедого по крупу. Шалопут всхрапнул и понёс вскрикнувшего Хранителя галопом по кругу конного двора.

В Столице Бэт освоилась легко. Она быстро привыкла к вежливым слугам, готовым исполнить любую её прихоть, к бдительной страже, охраняющей её покой в особняке и к личной охране, сопровождающей её всюду и отгоняющей от девушки докучливый люд, всё чаще мужского пола. Бэт нравились комфорт и расслабленная размеренность жизни, когда никто не пытался её убить или обидеть, у неё давно ничего подобного не было. Очень давно. Бэт понимала, что всё это может довольно быстро закончиться, ведь эхо всколыхнувшей север войны докатилось уже до Тсонлаэрена, а скоро пожар охватит и саму Столицу, поэтому она наслаждалась отпущенным ей временем, как могла. Балы, приёмы, элитные торговые лавки, конные прогулки, посиделки со студентами Академии... и ночи с Заром. Большим, потерявшим себя, плывущим по течению в надежде, что всё то, что кажется сейчас бессмысленным, когда-нибудь вдруг обретёт смысл. Не понимающим, что впереди — пропасть, и река, несущая его в своих волнах, обрушивается в неё ревущим водопадом...

— Госпожа не желает прокатиться?

Грум, налаживающий у коновязи путлища со стремянами, обернулся на задумавшуюся девушку. Бэт глянула на него и закатила глаза:

— Халиф!

Мельхиор вытер руки о фартук и поправил подвязанный на голове платок. Облокотился о жердь коновязи.

— И тебе здравствуй, киса, — мурлыкнул он, жмурясь от солнца.

Бэт фыркнула. Проводила взглядом пронёсшегося мимо Хранителя, безуспешно пытающегося заставить Шалопута свернуть в нужную сторону.

— Ты молодец, — неожиданно сказал Аист.

— Да ладно?! — удивилась Бэт. — С чего бы это?

— Ты помогаешь ему. Не даёшь тьме вырваться наружу.

— Может было бы лучше, если бы она вырвалась... Я ничего не могу поделать с этой тьмой внутри. Тот мальчишка как подкосил Зара!

— С ним больше проблем не возникнет.

— Ты убил его?!

— Ну что ты, киса! — Мельхиор всплеснул руками, покосился на подозрительно напряжённую охрану девушки, мнущуюся у ворот, улыбнулся. — Разве я похож на убийцу?

— Ты на маньяка похож, — пробурчала Бэт. — Преследуешь меня. Пугаешь. Детей ворует.

— Опять ты!.. — Аист поморщился. — Не воруя я никого. А пугать — это святое. Я же демон.

— И что тебе на этот раз надо, демон? Ты же не похвалить меня пришёл.

— Когда объединённые войска северян подойдут к стенам Столицы, будет открыт проход к Сердцу мира. Разрушитель должен оказаться под Храмом.

— Но... — Бэт растерялась. — Как же так? Там ведь будет Лорд!

— А ещё там будет власть над всем Сууширом, — в тон девушки сказал Мельхиор. — И джинн сделает всё, чтобы заполучить её. Уверен, он первым доберётся до Сердца Земнотверда, обманув всех — и врагов, и друзей. Нам нужно выиграть время. Я хочу превратить Лорда в осла, который никак не может выбрать между двумя стогами сена.

— В осла? — Бэт заморгала, запутываясь ещё больше.

— Да метафорически же! — Аист тяжело вздохнул. — С одной стороны у джинна будет Суушир, с другой — Менкар. И пока он раздумывает, мы избавимся от хаимов и нейтрализуем угрозу перехвата власти.

— Мы?

— Я.

— А если он выберет слишком быстро?

— Ты будешь там, и не позволишь этому произойти. Я предлагаю тебе одну весьма любопытную стратегию. Послушаешь?

— Только кратко, а то нужно уже спасать Зара от Шалопута, — Бэт кивнула.

— Ах, ну да! Конь, конечно же, куда опаснее джинна! — съязвил Мельхиор. — Так вот, когда Лорд направится к Сердцу мира, незаметно сними с шеи Разрушителя золотой кулон, спрячь его в эту шкатулку, — Аист протянул Бэт маленькую коробочку. — И скажи своему Зару, что кулон забрал джинн.

— Так их же нельзя ссорить! Ты сам говорил!

— Игроков слишком много, правила игры постоянно меняются, дорогуша. Пусть поссорятся. Тебе только нужно уберечь Разрушителя от убийства Лорда.

— Что это за кулон такой? — Бэт устало посмотрела на Хозяина Острова. — За который Зар будет готов убить?

— Не Зар, а тьма внутри него. Не будет у Разрушителя кулона — не будет груза ответственности. Ты спасёшь его. Помни о Германе, дорогуша. И о том, кто заставил его страдать. Сделаешь всё так, как я скажу, и сможешь сполна отомстить за свою семью. Исполнишь свой долг перед братом.

Бэт нахмурилась и, помедлив, взяла из рук Аиста шкатулку.

— Я не хочу, чтобы с Заром что-нибудь случилось, — тихо проговорила она.

— Что-нибудь с ним и не случится, — ответил Мельхиор. — Всё зависит от тебя. Не забудь спрятать кулон в шкатулку. Его магический фон слишком сильный, чтобы носить открыто.

— Хорошо...

В дверь постучали.

— Я же просил не беспокоить! — рявкнул Хегг, вытягивая из кобуры импульсор.

— Знаю, мне так и сказали, — раздалось из-за двери.

— Твою мать! — посланник скривился и на всякий случай отошёл к стене так, чтобы держать в поле зрения и дверь и окно. — Как ты меня находишь?! Я третью гостиницу меняю!

— А у меня нюх на тебя! Впустишь меня?

— Я тебя убью. Снова.

— Ты шесть раз меня убивал. Какое у тебя любимое число?

— Девятьсот девяносто девять, — брякнул Хегг, не подумав.

И, зажмурился, стукнул себя по лбу, тотчас догадавшись, каким будет ответ.

— Хорошо! — собеседник за дверью хихикнул. — Тогда я приду к тебе сразу всеми девятьюстами девяносто тремя меня. Нет! Постой! На один больше, ведь остальных ты убьёшь! Я могу к тебе даже по очереди подходить. Хочешь? Только дай слово, что девятьсот девяносто четвёртого ты не тронешь. И мы поговорим тогда.

— А чего сразу толпой не пришёл? — Хегг мучительно размышлял, как ему поступить. Не отвяжется ведь...

— Думал, невежливо как-то без приглашения друзей с собой звать.

— А я думаю потому, что больше одного клона за раз ты создать не можешь.

— Ошибаешься, — послышалось за окном. — Вот слушай!

И где-то на улице нестройный хор затянул: «Шумел камы-ы-ыщ, деревья гнулись, а ночка тёмная была-а-а!..». Хегг выругался. По-пиратски, от души. Осторожно подошёл к окну, направив дуло импульсора на дверь — мало ли? Выглянул в щель между рамой и шторой. Гостиницу посланник выбрал паршивенькую, почти на окраине города, в таких закоулках, что сам бы чёрт ногу сломал, отыскивая его тут. Ан нет, не сломал. Стоит под окнами трёхэтажного домика, лыбится в десяток харь и машет в два десятка рук. И плюс один на карнизе, довольный такой, что вот-вот лопнет. И один за дверью.

— Я ещё парочку на стрёме оставил, — доверительно сообщил тот Михей, что цеплялся за карниз. — Вдруг кто на серенаду набежит.

— Захлопни все свои пасти и залезай, — Хегг отошёл от окна. — Или кто тут у вас за главного? Тот, что за дверью?

— Мы все равны, — Михей толкнул створки и влез на подоконник. — Ну, кроме одного.

— Вашей матки, — кивнул посланник, усаживаясь в кресло.

Руку с импульсором он положил на колени. Только вот что стоит один импульсор против кучи настырных лисов?

— Тогда уж — батки! — хохотнул Михей. — У нас же патриархат.

— У вас дурдом. Вы друг другу не мешаете, м? Сколько вас нужно, чтобы произошёл коллапс? Или какой-нибудь парадокс?

— Я пока не знаю, на скольких меня хватит разом, — серьёзно ответил Михей. — Но провожу исследования. Если мы с тобой договоримся, то я поделюсь с тобой своими открытиями и догадками насчёт Зеркала.

— Я не хочу с тобой договариваться, — сказал Хегг. — Я хочу тебя убить. Всех вас, коли на то пошло.

— Вот почему, м? Объясни мне. Я же тебе не враг!

— Ты — отражение, ненастоящий...

— А вот и нет! Я мыслю, значит — я существую!

— Вот давай без этого! Или никаких диалогов.

— Хорошо. Но я не могу согласиться с тем, что я — ненастоящий, а ты — настоящий. Я

живу независимо от тебя!

— Это не так...

— То есть?

— Мы связаны. Твои мысли и чувства отражаются во мне, путают меня, а это сводит с ума. И ты тянешь из меня силу.

— О! А ты из меня не можешь?

— Не знаю. На мне отпечаток силы цайаров, который заглушает канал обратной связи с тобой.

— Послушай, Андарс! Это же мегакруто! — Михей соскочил с подоконника на пол слишком резво, и Хегг вскинул импульсор. Мальчишка намёк понял и заходил по комнате без лишней суетливости, соблюдая дистанцию. — Если всё-таки мы можем черпать силу друг из друга — это офигетительно! Я уверен, что наша энергия — это не разделённая пополам твоя, а удвоенная Зеркалом и распределённая между нами сила! То есть, каждый из нас, тренируясь и обучаясь, будет накапливать энергию, а потом в любой момент кто-то один из нас сможет воспользоваться всей мощью сразу! Здорово же!

— И в конце должен будет остаться только один? — Хегг хмыкнул.

— Как вариант, но не желательный. Вдвоём мы сильнее. Когда я создаю своих клонов, то я трачу себя. Чем больше клонов — тем слабее каждый из них. А у нас с тобой всё иначе. Мы как братья-близнецы в самом фантастическом их представлении!

— Хватит восторженных речей, тарактелка! Сядь куда-нибудь и не мельтеши.

— Ты прям как Кот, — Михей надулся и уселся на пол, скрестив ноги.

— Почему?

— Кот, мой учитель. Не в смысле кошак. Он тоже постоянно тычет мне: не мельтеши.

— Правильно делает, — Хегг хрустнул шеей и откинулся на спинку кресла. — Объясни мне вот что: твои клоны живут три дня?

— Ага.

— А они могут стать как главный ты?

— Настоящим?

Посланник нехотя кивнул улыбающемуся Михею. Вынудил-таки признать, гадёныш! Хоть и негласно.

— Не могут, — сказал Михей. — Зеркало не пропускает фантомов. Как появился я — загадка. Мне кажется, что всё дело в Созидающей... О! Ты забыл! Забыл, что во мне Йена Ты обещал ей спасение! А убив меня — убил бы и её!

— Гипотетически, она бы осталась в Менкаре, в одном из карманов. Её можно было бы найти.

— Да, если у тебя есть в запасе пару миллиардов лет. Или у неё. И ещё! Я — куратор, а Высший совет жестоко мстит за своих. Хочешь стать самым разыскиваемым преступником в Системе?

— То, что ты — подстилка Фаархи, меня мало интересует.

— А ты — цайарская подстилка! Ирония в том, что на тебя твои хозяева кучу наложат и не извинятся. Не заметят даже! А Шу за меня тебе пасть порвёт. Хотя ты ему понравился, может и зашьёт потом. И вообще, узнал бы ты его поближе, передумал бы пакости делать.

— Это я пакости делаю?! Да я хаимов к Истоку отправляю, чтобы мир в равновесии удержать!

— А я равновесие в мирах удерживаю, чтобы они следом за твоими хаимами к Истоку

не отправились!

— А я!..

Хегг оборвал себя на полуслове. Смерил собеседника взглядом и... рассмеялся.

— А я, а я... как два сопляка в песочнице, в самом деле! — проговорил он, убирая импульсор в кобуру. — Выпьешь чего-нибудь?

— Из крепких напитков я пью только чай, — Михей улыбнулся. — Если у тебя нет, то я с собой принёс.

— Тогда сам и заваривай.

— А ты будешь?

— Буду.

— А если я тебя отравлю?

— Неоригинально.

— Это да, — согласился Михей, поднялся с пола и отправился искать чайник. — Скучненько.

Андарс задумчиво разглядывал плавающий на дне кружки распустившийся белый цветок. Михей грел ладони о свою кружку и наблюдал за посланником цайаров и бывшим пиратом. За собой по сути, но изменённым до неузнаваемости. Седой, бледный, глаза прозрачные, подёрнутые дымкой. Нахмурится — старик, улыбнётся — мальчик. Что они с тобой сделали, эти цайары? Как будто душу похитили и заточили где-то... или посадили на цепь. Михей никому не служит, он физически не умеет гнуть колени и спину перед кем-либо, смиренно склонять голову по приказу. А Шу... он ведь не приказывает. Никогда.

— Что за девчонка с Хранителем? — спросил вдруг Андарс.

— Бэт-то? — Михей отпил из кружки чай, почмокал, смакуя терпкость и вкус. Неопределённо мотнул головой. — Я нашёл только одну Элисбэт в окружении Цевехана — это Элисбэт Кант, лаборантка, пустышка. На первый взгляд ничего общего. Но наша Бэт, по слухам, преследовала орден Зикарон, чтобы отомстить за смерть брата. Германа Майера. Который входил в число одиннадцати подопытных Гениум Акаторис, как и Захария. Все одиннадцать, как ты знаешь, были мужчинами... Так откуда же взялась сестра?

— Близнец? — предположил Андарс. — Скрыли?

— Похоже на то.

— Хранителю её послал твой Фаарха?

— Шу никого не посылал.

— Совпадение?

— Ага, счастливое стечение обстоятельств, — Михей ухмыльнулся. — Они нашли друг друга в самом скрытом мире в Системе и тут же накрылись одним одеялком. Я не верю в судьбу. Славиш, вампир, с которым Саа тренировался на полигоне Лиги, рассказал мне, что Бэт как с неба свалилась. Во всех смыслах. Свалилась там, где при всём своём желании оказаться не могла.

— Ты говорил, что она — пустышка. Нафига кому-то подсылать её к Хранителю?

— Элисбэт Кант была пустышкой. А эта... Есть в ней что-то. Настораживающее. Я слежу за ней.

— Твой Фаарха умер в Суушире...

— Чего? — Михей недоумённо поднял бровь.

— Он тебе не рассказывал? Как же так? — в голосе посланника послышался сарказм. —

Я думал, вы близки. У главы Совета ведь нет учеников, официально. А Лорд называет его твоим учителем.

— Андарс... что с Шу?

— Когда я извлекал хаима из Кофы, произошло нечто странное: этот фанатик проглотил Дитя Истинного Мира, впихнул себе обратно в глотку. И вырос. Увеличился в размерах. И, начихав на меня и Лорда, целенаправленно пошёл на Фаарху. Поймал, переломал и выбросил. Змей чудом выжил, но джинн сказал, что на самом деле глава Совета умер, отдав душу на сохранение Саартану. Заодно поменяв Хранителя телом с Дафчиком.

— О... вот куда делись паучки... И ты думаешь, что Бэт — что-то вроде телохранителя? Тело Хранителя, хы, — расстроившийся было Михей повеселел. — Или второй вариант — она работает на того, кто жаждет заполучить душу Шу. Душущу, хах! — он в конце развеселился.

— У тебя не истерика часом? — Андарс подозрительно понюхал чай. — Это какая-то дурь?

— У меня всё — дурь, — Михей улыбнулся. — Я тебе ещё свои изыскания по поводу Зеркала не рассказывал. Мозгодробительные.

— Я готов послушать.

— Тогда долей себе кружечку, чтобы выдержать. И дай слово, что не тронешь меня-батку. И предупредишь, когда решишь нарушить наш союз. Не бей больше в спину, это подло.

Андарс дёрнул щекой, поднялся и разлил из чайничка по кружкам ароматный чай, который уже настоялся и принял насыщенный жёлто-зелёный оттенок. Снова сел, но на этот раз не в кресло, а на пятки на пол рядом с Михеем.

— По-китайски как-то, — поморщился посланник.

— Мне Япония больше нравится, — Михей тоже пождал ноги под себя. — Ты настроился на нужную волну, это хорошо! Потому что речь пойдёт о Земле.

— О Земле?

— Да. Зеркало как-то связано с Землёй. У меня есть мысль, что его способности создавать дубликаты вещей переплетена с постоянной изменчивостью этого мира. Земля же не просто существует в бесконечном числе вариаций самой себя, она в этих вариациях находится единомоментно. Во всех. Там нет ни прошлого, ни будущего, время — это иллюзия, всё существует только здесь и сейчас.

— Бредово как-то звучит. И по-цайарски. Но мне нравится, продолжай.

— Так вот. Мне кажется, я понял, почему те, кто родился на Земле, не могут вырваться за её пределы. В Космос — пожалуйста! А вот в Пустоту — фиг вам. На это способны только джинны. И то они сбегают с Земли безумно голодными чудовищами, пожирающими другие миры. Как будто своего им мало было. А всё дело в том, что своего мира у них и не было никогда. Потому что Земли не существует. То есть, она есть, но ненастоящая. Мираж, голограмма, эхо.

— Ты загибаешь! Я был на Земле, там всё такое же реальное, как и здесь, например! Даже чересчур! Только в нескольких вариациях мир стал виртуальным, но это ничего не доказывает.

— Ты приходишь на Землю и выбираешь наиболее комфортную для себя вариацию, погружаешься в неё. И изнутри тебе, естественно, всё кажется реальным. Но ты в Матрице, друг мой.

— Фи, тоже мне аналогия!

— Самая понятная. У меня в Меру даже вся подборка есть. Могу дать посмотреть. Там все версии! Шедевр!

— Верю, но не надо, — Андарс поморщился. — Ты мне сейчас втираешь, что Земля, как мир, — иллюзия?

— Или отражение, — Михей кивнул. — Тебя никогда не настораживал тот факт, что Менкар и Земля похожи? О! И по поводу Менкара и Гениум Акаторис! Есть только один мир, который остался невредим после того, как из него проклюнулся росток Древа — это Истинный Мир, Мир Истока. Так? Тот, куда ты своих дитятков шельхаймских уносишь. Но из Менкара тоже проросло Древо, а он — целёхонек! Был, конечно. До того, как вмешались в Мироздание Цевехан и ему подобные. Я думаю, что и сам проект, и его последствия были спланированы и направлены на то, чтобы стереть Менкар с лица... хм... Системы. Кто-то решил, что не может быть в Шельяаре два истинных Мира. И он прав с какой-то стороны. Две истины — это уже ложь. И — барабанная дробь! — что, если Земля — это отражение Менкара?

— Временные рамки слишком раздвинуты. Никто не знает, когда появилась Земля, и кем она была создана, — посланник с сомнением покачал головой. — А Менкар рванул не так давно.

— Время — понятие растяжимое, — Михей с видом знатока ткнул указательным пальцем в потолок. — Я уверен, что в своих теориях блуждаю уже где-то близко к разгадке.

— Но причём тут Зеркало?

— Внутри Зеркала есть коридор, в котором четыреста тридцать две двери. Две из них открыты — это два Зеркала, которые я соединил. А остальные заперты изнутри. Я предполагаю, что это тоже Зеркала. Или отдельные осколки. И они как-то связаны с Землёй. Я чувствую.

— тоже мне научный подход!

— Ненаучный, — согласился Михей. — Я же не учёный! Я фантазёр! Но это даже лучше. То, что я могу пользоваться Зеркалом прямо в Менкаре без каких-либо ограничений — говорит о многом. То есть, оно ни о чём конкретном не говорит, но это просто я пока не научился слушать. Но нить Менкар — Зеркало — Земля существует по-любому!

— И ты хочешь найти все Зеркала, м?

— Конечно! И ты мне поможешь! Ты ведь тоже со всем этим связан. Но это после. После того, как мы с тобой не дадим Лорду сожрать Суушир, уберём Саа и душу Шу, — Михей снова хихикнул на «душушу». — Поймём, кто и зачем подослал Бэт и выгоним хаимов из этого мира. Дел полно! Ты со мной?

— Ты — безумец.

— Гораздо безумнее слушать безумцев!

— Я... не так давно то же самое говорил, — Андарс усмехнулся, и Михей не сомневался, что этим посланник сказал своё «да».

Когда объединённые войска северян подошли к стенам Тсонлаэрена, мирную доселе Столицу рвала на части гражданская война. Требование жрецов Храма Семизвездья свернуть деятельность Гильдии горожане встретили хмурыми молчаливыми шествиями по улицам

города. А когда адепты Храма попытались разогнать толпу, вспыхнул самый настоящий бунт. И никто не удивился тому, что прозрачный купол над Столицей спал, а ворота города распахнулись перед армиями Шервана Океронского и молодого князя Кершета, поставивших под свои знамёна эреданнских волков дома Стоунгейтов.

Саартан посодействовал и тому, и другому, честно предупредив жрецов Храма о надвигающейся угрозе. Такое вот искреннее предательство. Если можно счесть за предательство слепое следование указаниям Вакея и Лэуорда, подчас противоречащим друг другу, и хорошо ещё, что не взаимоисключающих. Хранитель в подробности хитроумной политики сильных мира сего не вдавался, но свою роль исполнял хорошо: мало кто в Храме догадывался, что под личиной заносчивого, брезгливого и зловредного канцлера скрывается абсолютно не амбициозный, меланхоличный и потерянный дракон.

Северяне ворвались в Столицу, и почти сразу вся широкомасштабная война свернулась в тугую клубок на центральной площади Тсонлаэрена. Человеческая война. Потому что в какой-то момент небо озарилось сразу всеми цветами радуги — это богиня Стинара активировала печать под домом госпожи целительницы и разбудила в Эреданнских горах Древних Владык Суушира — могучих первородных Драконов Стихий.

И тогда пустился от горизонта до земли сверкающий золотом призрачный мост, и ступили на него плавной поступью божественные обитатели Небесного Храма. Семеро. Юные, прекрасные, в воздушных одеждах, вселяющие трепет и благоговейный страх — чудесные создания, на которых ни то, чтобы руку поднять, — только подумать об этом было преступлением. Но людям на земле, сосредоточенно прорывающимся в Храм Семизвездья, было не до любования красотой небожителей...

— Где он?! — Саартан метался по спальне с диким взглядом. — Где он?!

— Кто, Зар? — Бэт лихорадочно натягивала одежду.

— Амулет! Мой амулет! Я никогда не снимал его!

Хранитель подлетел к кровати и принялся перетряхивать одеяла и простыни. Бэт с замиранием сердца следила за его поисками. Коробочка с кулоном была надёжно спрятана в подкладке её кожаного плаща, в одном из многочисленных потайных карманов. Отстранённый на время активных боевых действий от обязанностей канцлера Хранитель вчера вечером расслабился и выпил достаточно для того, чтобы Бэт смогла без риска и шума снять с его шеи кулон. А заглянувший накануне боя Лэуорд упростил задачу с переключиванием вины. Бэт даже убеждать Саартана не пришлось.

— Это он! — Саартан замер с подушкой в руках, как громом поражённый. Побледнел. — Проклятый джинн забрал его!

— Да что такого в этом кулоне? — спросила Бэт, пряча глаза под козырьком капитанской фуражки.

Саартан не ответил. Быстро пересёк комнату, бегом спустился вниз по лестнице и вылетел во двор. Рывкнул испуганным слугам:

— Коня! Живо!

Бэт распахнула окно спальни. Выбралась на карниз, проводила взглядом стремительно удаляющегося Шалопута и вздохнула. В тенистый сад особняка главы Лиги спрыгнула большая чёрная кошка.

На улицах Столицы тянуло дымом, но северянам был отдан чёткий приказ: не жечь, не

громить и не грабить город. Пламя охватило только площадь, где жрецы Храма Семизвездья яростно отстреливались от штурмующей их армии огненными шарами. Казалось странным, что в ход не пошла более изощрённая магия, но Саартан догадывался, что основные силы Храма были стянуты к домику Дейдре в Норвантере. Хранитель лично оповестил жрецов о том, что печать Древних под домом целительницы будет сломана.

Шалопут бешено мчался по мостовой, игнорируя предостерегающие окрики солдат, пока грудью не налетел на одну из баррикад, преграждающую дорогу на площадь. Гнедой встал на дыбы, едва не сбросив с себя Хранителя, захрапел, когда несколько пар рук поймали его за узду, попятился, приседая на задние ноги. Саартан почувствовал, что его стаскивают с седла, пнул, не разбирая, кого-то в лицо и чуть не получил арбалетный болт в грудь. Хранителя спасло лишь золотистое сияние, внезапно окутавшее его и коня, которое обожгло и заставило отпрянуть наседавших солдат.

— Пропустить! — Саартан узнал голос Влада. — Свой! Пропустить!

Часть баррикады быстро разобрали, и Шалопут, дико вращая глазами, вылетел на площадь. Тут же над головой Хранителя взорвался огненный шар. Гнедой тонко заржал, понёс вперёд, по широкому кругу огибая Храм. Саартан, как ни старался, не мог остановить жеребца или хотя бы заставить его скакать в нужную ему сторону. Хранитель уже готов был приложить своего гнедого силой, когда перед ним выросла чёрная громада боевого коня Тёмного Владыки. Уверенный, но мягкий напор вороного Адаша охладил Шалопута, и тот послушно свернул к Храму, перешёл на рысь.

— Что ты здесь делаешь, Саартан? — крикнул Влад, принимая на свой магический щит сразу четыре огненных шара.

— Мне нужен Лорд! — Хранитель озирался по сторонам, выискивая глазами джинна.

— Он уже в подземельях. Зачем?

— Срочное послание! Лично ему!

— Нельзя!

— Вопрос жизни и смерти!

Их кони влетели под защиту арки у основания Храма. Глава Лиги и его канцлер спешили.

— Я всё равно пойду к нему, — предупредил Саартан подозрительно нахмурившегося Влада.

— У меня жена бьётся сейчас одна там, — Влад кивком указал на площадь. — Делай, что хочешь. Пробоина за колоннадой. Но я не смогу тебя прикрыть в случае чего.

— Не нужно. Спасибо, Влад.

Саартан побежал в указанную главой Лиги сторону. Влад покачал головой и вскочил на своего Адаша. Шалопут жалобно заржал, оставшись один среди полуразрушенных колонн.

Целую вечность бежал Хранитель по круглому, словно гигантским червём проеденному, подземному ходу. Вниз, вниз, вниз. Бесконечно вниз, погружаясь в отчаяние, как в холодную воду. Кулон Фаархи! Джинн забрал кулон Фаархи! Мысль билась в висках обезумевшей от страха птицы, разгоняя своим заполосным криком вопросы: «как?», «зачем?», «что делать?», и «что будет?». Не важно, как и зачем, главное — вернуть кулон назад! Не думать о «что будет, если...» и «как я отберу его у джинна» — любой ценой! Потому что Фаарха... из-за того, что Фаарха... Да плевать на причины!

Саартан несразу понял, что гулкое тягучее «ту-дум» — это не его стучащее в ушах от

быстрого бега и волнения сердце. Красноватый свет, мягко струящийся откуда-то спереди, мерцал в такт ритмичного звука, который нарастал с каждым шагом Хранителя. «Ту-дум» дрожали стены и пол под ногами. «Ту-дум» вибрировал воздух. «Ту-дум» билось живое Сердце Земнотверда, Сердце мира.

Бесконечный спуск неожиданно закончился стеной. Кирпичной. Возле которой стоял Лэурд и сноровисто вынимал кирпичи из относительной свежей кладки. За стеной пульсировал густой красный свет. Тупик обдавало жаром. Джинн удивлённо обернулся на запыхавшегося Хранителя:

— Саартан?

— Отдай! — прохрипел Саартан и сложился пополам, чтобы успокоить дыхание.

— Сердце? — Лэурд оценивающе глянул на кирпич у себя в руке.

— Нахрен... оно мне нужно! — Хранитель отдышался, выпрямился, стёр со лба выступившие крупными каплями пот и шагнул к советнику Лиги. — Ты забрал его!

— Забрал что?

— Мой кулон! Отдай!

— У меня его нет.

— Врёшь!

— Обыщи, — Лэурд широко развёл руки в стороны.

Саартан на мгновение растерялся. И тогда джинн ударил. Тем самым кирпичом, что так и не выпустил из ладони. С размаха, наотмашь по лицу. Хранителя мотнуло на каменный бок подземного прохода, кровь побежала с виска и скулы по его щеке и шее за ворот рубашки. Не успел он опомниться, как кирпич опустился ему на затылок. Саартан кулем повалился джинну под ноги, начиная слепнуть от поплывшей перед глазами кровавой мути. Лэурд чуть наклонился к нему и проговорил не своим, каким-то неживым, с металлическим эхом, голосом:

— Нахрен тебе Сердце говоришь?! — слова джинна сопровождались далёким звоном маленьких колокольчиков. — Лгун! Никто не устоит перед властью над всем миром!

Ударить снова советник не успел. Хранитель извернулся, вскинул руки и...

Время растянулось. Замахивался для удара Лэурд. Из пальцев Хранителя навстречу ему летели чёрные маслянистые нити-щупальца. Падала между джинном и драконом синеглазая кошка.

Белая вспышка, и Лэурд отшатывается обратно к стене, за которой тотчас раздаётся глухой рокот. Кирпич в руках советника осыпается мелкими осколками. Залитые мраком глаза Хранителя в ужасе распахиваются. Медленно оседает на пол обернувшаяся девушкой и опутанная шевелящейся паутиной тьмы Бэт с пробитой грудью. Ошеломлённо останавливаются вбежавшие в тупик Хегг и Михей...

— Нет... — Саартан сморгнул — его глаза прояснились, а тьма рассеялась дымом — и подхватил падающую Бэт у самого пола. — Нет!

— Всё хорошо, Саа, это не... — слова Михея потонули в грохоте обвала, который случился где-то наверху.

Землю под ногами основательно потрянуло. Рокот за стеной стал громче, пульсация красного света участилась.

— ... рванёт! — обрывисто крикнул Хегг и метнулся к джинну.

— Моё! — прорычал Лэурд, бешено сверкнул глазами, развернулся к дыре в стене и

погрузил обе руки в Сердце Земнотверда.

Хегг сходу вlepил советнику кулаком в ухо. Болезненно сморщился, схватившись за сломанное запястье. Лэурд даже не шелохнулся. Свет в проломе начал стремительно замерзать, покрываясь корочкой льда, как будто был чем-то осязаемым, реальным. Рокот превратился в оглушительный рёв.

— Андарс! Он не...ет! — прокричал сквозь шум Хеггу Михей, безжалостно вырывая из рук Хранителя девушку, на лице которой застыло выражение обиды и удивления. — Я про...щу Древо! Это его...вит! За...й Саа!

Хегг кивнул, подбежал к остолбеневшему Хранителю, чертыхаясь от боли в руке, подхватил его под мышки и поволок наверх. Саартан задёргался, захрипел. Тьма снова потекла у него с пальцев, норовя добраться до посланника. Хегг, недолго думая, приложил Хранителя головой о камень. Но вместо того, чтобы отключиться, Саартан... разлетелся чёрным дымом. Взмыл под сводчатый потолок подземного прохода, принял очертания, отдалённо напоминающие дракона, и рванул к поверхности. Посланник выругался, перекинулся в лиса и понёсся следом. За его спиной прогрехотал мощный взрыв.

Глава X. Пешки в дамки

Храм Семизвездья разрушался. Горела центральная площадь перед ним. В панической суматохе бежали люди, испуганно ржали кони, оставшиеся без своих седоков. Дрожала мостовая под ногами, и падало, казалось, небо на изводимую судорогой Земнотверда землю. Осыпался золотым бисером небесный мост, на котором шёл бой, далёкий от всего человеческого.

Хаимов осталось четверо: один небожитель лежал прямо на мосту, прекрасный даже в смерти, двух других видно не было. Вокруг воплощённых Детей Истинного Мира кружили Драконы Стихий — так же четверо: алый Соракта, голубой Нелекра, зелёный Шумера и синий Мовэйловэ. И так же, как и у хаимов, у Древних не хватало двоих: золотого Арвиэннтэля и сизого Зорморртага. Что это значило, Хегг старался не думать. Его взгляд был прикован к чёрному духу-дракону, который облаком непроглядного мрака летел к мосту.

— Похоже, он тебя не услышал, — сказал посланник подбежавшему Михею. Двум Михеям... нет, трём! Ах, ты ж! Целому десятку рыжеволосых пацанов. Добавил: — Никак не привыкну... Ты как пресловутый агент из фильма!

— Избранный в смысле? — все Михеи задрали головы вверх, но говорил только один из них. — О-о-о! Саа... Бедный мой! Он всё-таки стал Чудовищем! Он думает, что убил свою подружку!

— Я вот ничего не успел разглядеть, — Хегг ревниво поджал губы. — Белая вспышка — это был портал? Поэтому там внизу всё рвануло?

— Портал, — один из Михеев кивнул. — Кто-то забрал Бэт прямо перед тем, как Саа впился в неё, или в нашем случае — в её подделку, тьмой. Когда ты ушёл, я проверил: девчонка — кукла.

— Твой клон погиб в подземельях?

— Ага.

— А Лорд?

— Таким слабеньким пуком его не прихлопнешь, — Михеи синхронно повернулись к посланнику. Хегг скривился под взглядом десяти пар хитрых изумрудных глаз. — И он продолжает ассимилировать Суушир.

— Ты же сказал... — вскинулся было посланник, но один Михей жестом прервал его:

— Знаю. И не позволю. Вон, смотри!

Хегг посмотрел. И ахнул. Над равниной, что в нескольких милях от Столицы, поднималось Дерево. Самое настоящее, только маленькое (по меркам Шельяара) и прозрачное, будто водянистое.

— Оно же порвёт Суушир на части! — посланник схватился за голову.

— Неа, — Михеи все разом улыбнулись. — Я всё предусмотрел. Дерево сработает как якорь для джинна. Надо изловить Саа и хаимов, пока ничего плохого не случилось.

— Куда уж хуже! — Хегг хмыкнул. — Но ты прав. Я займусь хаимами, а ты — Хранителем, пока он окончательно не стал Разрушителем.

Михеи закивали и одновременно с посланником кувыркнулись через голову. Одиннадцать белых лисов взмыли в небо.

Древние, подпитываемые силой молодых богов Суушира, вроде той же Стинары, рвали Детей Истинного Мира, заставляя их покидать занятые ими тварные тела. Хеггу оставалось только отлавливать хаимов по одному, не прилагая к поимке особых усилий. Была польза в том, что когда цайары наложили на посланника свой отпечаток, его собственная сила утекла к Михею вместе со всем накопленным во внутреннем мире тогда ещё Михешем имуществом. Пространственно-временной карман в Менкаре у Хегга был пуст и мог вместить в себя достаточно много божественных созданий.

Хегг бежал по растянувшемуся от земли до неба мосту, уворачиваясь от клыков и когтей разъярённых Драконов Стихий, по пути просто-напросто всасывая в себя золотистые нити Сути хаимов, как стянутый в тугой вихрь воздух. Когда хаимы закончились, Древние переключились на бросившегося на них чёрного дракона из дыма, за которым нёслась хвостом целая стая белых лисов, и Хегг без лишних помех добежал до основания моста. Посланник прыгнул в Небесный Храм, замешкался на пороге, поражённый величием Золотого Дворца. И увидел Скипетр.

Скипетр покоился посреди окружённого колоннами зала на невысоком простом постаменте. Его навершие в виде свернувшегося в клубок дракона в металлической окантовке, мягко светилось. Хегг поколебался мгновение и решительно направился к постаменту. Перекинулся в человека, взял Скипетр в руки. Тёплый, лёгкий металл, дышащий *силой*... Обернулся, ощутив чьё-то присутствие за спиной. У входа в зал стоял высокий, худощавый смуглый мужчина в светлом халате. Бритый под панка, с рожками вдоль высокого ирокеза странного серебристого цвета, со смешной бородкой клином, он покачивался на пятках, заложив руки за спину и по-птичьи склонив голову набок, с любопытством наблюдал за посланником. Хегг нахмурился, крепче перехватил Скипетр и... вдруг понял, кто перед ним. Почувствовал. Осознал. Сглотнул, опустился на одно колено, и протянул цайару символ власти над Сууширом. А Лэуорд обещал, что демиург этого мира не сможет претендовать на божественный трон... Эх ты, посланник! Кому поверил? Джинну?..

— О, нет, нет, дорогой! — улыбнулся цайар. — Я ещё не до конца спятил, чтобы становиться богом. Раз взял — будь добр принять ответственность.

Хегг уставился на Дитя Древа в немом изумлении. Что он сказал?..

— Ты единственный за долгое время, кто проявил ко мне должное искреннее почтение, — проговорил цайар. — Скипетр твой. Поздравляю с ролью завхоза.

Демиург издал каркающий звук, похожий на смешок, взмахнул руками и аистом вылетел из зала Золотого Дворца.

Древние налетали на Хранителя, но не могли причинить ему, бесплотному, вреда. Зато Саартан оставлял на боках и крыльях Драконов Стихий жирные чёрные пятна, разъедающие чешую. Михей со своими фантомами без толку нарезал круги над разваливающимся мостом, не в силах что-либо сделать. Древние вдруг вытянули шеи на восток, гортанно прокричали что-то и растворились в воздухе. Чёрный дым-дракон взревел в ярости, распугав лисов,

свернулся в спираль и... тоже исчез. Растаял. Лисы озадаченно опустили на землю. Синхронно почесали лапами затылки.

— Сбежал, — констатировал один Михей.

— Улетел, — кивнул другой.

— Снова, — всхлипнул третий.

— А всё из-за тебя! — взъярился четвёртый.

— Если бы не ты, — поддакнул пятый. — Саа жил бы у Шу!

— И сканючился бы там от скуки! — возмутился шестой.

Лисы загалдели, заспорили, обвиняя друг друга. В ход пошли мелкие пихания плечами и наступания на лапы.

— Ну-ка заткнулись все! — прикрикнул на фантомов тот Михей, который в спонтанно возникшей потасовке не участвовал, а задумчиво смотрел на небо. — Слушать меня! Я тут главный.

— С чего это?! — ошетинились лисы.

— У меня сердце бьётся справа.

— И не поспоришь, — лисы вздохнули и потупились.

— Саа нужно воплотить, — главный Михей поставил уши домиком. — Это самое важное. Иначе я не смогу ему помочь. Сам я сделать этого не смогу — сил не хватит. Но вот мой отец сможет. Ты! — он указал на одного из лисов. — Лети к Андарсу, узнай, как там у него дела. Напомни этому цепному псу цайаров, что нам с ним ещё искать подружку Саа. Без неё мы не разгоним тьму в его сердце, и Хранитель превратится в Разрушителя. И тогда его убьют.

Лис отсалютовал остальным Михеям и без лишних вопросов взмыл в небо к закрывающемуся проходу в Небесный Храм.

— Ты, — Михей указал на другого лиса. — Возьми пятерых меня и отправляйся на поиски Саа. Как только ваше время истечёт, я вышлю ещё партию... Вы двое, — сказал он оставшимся лисам, — дуйте к Дейдрре. В заварушке у её дома полегли все мои фантомы. Целительнице понадобится помощь в разгребании завалов. Ну, и я ей задолжал... Да! Передайте Славишу, что в скором времени мне понадобится проход на Землю! Его вариация мне очень даже подходит. Пусть разработает план доставки меня любимого в свой мир. А я, — Михей как-то горько усмехнулся, — возвращаюсь в семью. К папе.

Снаружи что-то гудело, ухало и гремело. Сырой земляной пол вздрагивал в такт невидимым ударам, с исчезающего в темноте потолка сыпалось крошево каменной трухи. Кофа застонал и закрыл голову руками. Бряцнули цепи. Он умрёт здесь! Погребённый под грудой камней, в чужом, ненавистном мире! Умрёт навсегда... Проклятый Цевехан! Проклятый Зедекиа! Проклятый Асшайас с его вездесущими кураторами! Нелюди! Упыри Системы! Богомерзкие твари! Нет, умирать нельзя, пока эти... эти мрази топчут тропы Шельяара. Нужно выбираться отсюда, бежать и мстить. Первым придушить ублюдка Доброшина. Он здесь, в Суушире, совсем рядом! Проломить пацану череп... Цевехане оставить на потом. Пусть осознает, что он ничего не изменил. Пусть смотрит, как умирают все те, кто был близок с ним. Лаура. Да! Её замучить у него на глазах! Заставить убить Лауру его самого, как убил он Доброшина. Своими руками, чтобы кровь потом не смывалась даже

кислотой...

Дверь с громким лязгом отворилась, осветив камеру тусклым, но для привыкшего уже к темноте драконоборца — ослепительно ярким светом. Кофа уткнулся лицом в солому. Если бы не цепи, если бы не режущий глаза свет, то сейчас... такой момент! К главе разбитого ордена Зикарон уже давно никто не заходил, а страже запрещено было даже разговаривать с ним.

Кто-то подошёл к лежащему на полу драконоборцу, тронул за плечо.

— Ты жив ещё, дорогуша? — спросил мягкий шелестящий голос.

Кофа, приподнял локоть, щурясь, глянул вверх. Не разобрать, кто перед ним. Но не стражник. И не беловолосый приторный нелюдь.

— Жив, — удовлетворённо сказал незнакомец. Он щёлкнул пальцами, и цепи, сковывающие запястья и лодыжки главы ордена рассыпались прахом. — Вставай. И поторапливайся. У нас мало времени. В Лигу скоро вернутся бойцы, а нам встречаться с ними ни к чему. Согласен, смертный?

Кофа не ответил. Кряхтя и охая, поднялся сперва на четвереньки, затем на ноги. Тяжело опёрся спиной о влажную стену.

— Кто... ты? — спросил он, против света разглядывая неожиданного освободителя.

— Демон, — в голосе незнакомца послышалась насмешка. — И на меня напала блажь спасти твою грешную душу. Отмыть, очистить и забрать себе. Снова... Но, если ты против, могу оставить тебя здесь.

— Нет... — голос Кофы надломился. Глава ордена откашлялся и уверенно повторил: — Нет. Можешь забрать мою душу, демон. Только вытащи меня отсюда!

— Выбор сделан. Правильный выбор. Уходим, дорогуша, отсюда мне портал не открыть.

Бэт места себе не находила. Она ждала Аиста, ждала объяснений, ждала новостей. Как там Зар? Что происходит в Столице? Почему она здесь, на Острове? Под Храмом у Сердца мира Бэт не успела ни о чём подумать, кроме как: не дать Хранителю убить джинна. Что будет с ней, её тогда не волновало. Страшное, искажённое злобой лицо Зара, ненависть в чёрных глазах, и голодная тьма в его пальцах... Хранителя, судя по всему, тоже не волновало, что будет с девушкой, кулон ведь важнее... Да что в нём такого, в этом кулоне?!

Бэт вскочила с мягких подушек, когда на широкий парапет веранды взлетел аист.

— Халиф!

Хозяин Острова шагнул под крышу и опустился на пол уже человеком.

— Скучала, киса? — Мельхиор увернулся от запущенной в него подушки, поймал девушку за локоть. — Пойдём со мной, у меня для тебя подарок. На все вопросы отвечу по пути.

Бэт надулась, но покорно пошла за Аистом, увлекаемая им в сад.

— Твой Зар жив, — заговорил Мельхиор, когда они свернули с широкой аллеи на неприметную тропу, змейкой убегающую в кусты с крупными синими цветами. — Не могу сказать, что с ним всё хорошо — он в одном шаге от превращения в Разрушителя. Но о нём есть, кому позаботиться. Трудно же им, этим озабоченным, придётся, кхе... — Аист остановился и развернул Бэт к себе. — Хранитель думает, что убил тебя... Ш-ш-ш,

спокойнее.

Мельхиор прижал к губам вскинувшейся было девушки ладонь, заставляя молчать.

— Благодаря этому, — продолжил Хозяин Острова, — он наверняка отказался ото всех привязанностей и связей, включая кровную. Выгнал всех из своего сердца, чтобы оно больше никогда не болело, и запер его, а ключ выбросил. Твои гневные очи, киса, во мне дырку прожгут... Так нужно было. Нить кровных уз безболезненно не порвёшь, не затронув прочие чувства. Что касается тебя, то влюбить его в себя ты не смогла. Да, да. Я дам тебе высказаться, но пока твои возмущённые речи будут только мешать, — Мельхиор закатил глаза, когда Бэт попыталась его укусить и ударить. Наложил поверх заклęcia тишины на неё ещё и оцепенение. — Демонов бить непочтительно, ты так не думаешь?.. Твой Зар подпустил тебя к себе, мне большего и не требовалось. В плотских утехах есть свои выгоды. Поэтому, будем считать, что с заданием ты справилась. Пункт про джинна я изменил сам. И...

Аист приобнял Бэт за плечи и повёл дальше по тропинке. Бэт с трудом переставляла непослушные ноги, не в силах сопротивляться заклęciaм.

— ... как и обещал, я отдаю тебе Кофу.

Тропинка вывела их к беседке, на мраморном полу которой в окружении разноцветных подушек сидел... юноша — совсем ещё мальчишка! — с раскрытой книгой на коленях. Бледненький, худенький, угловатый. Бэт вопросительно уставилась на Хозяина Острова.

— Что? — с деланным удивлением вскинул брови Мельхиор. — Ах, да! Забыл предупредить. Я стёр ему память — и смотри, что получилось! Я забрал его воспоминания о тяжёлом детстве, проведённом в рабстве. Понимаешь, мир Кофы залили огнём и кровью драконы. Они поработили людей и затем разводили их как скот. Девочек оставляли для продолжения рода, крепких мальчиков — для работы и развлечений, а всех остальных, как это ни печально, ели. Ты не знала? Летела убивать, и даже не удосужилась узнать, кого? Эрих, так тогда звали нашего главу ныне разгромленного ордена Зикарон, поднял бунт на Тэмуре и освободил свой народ. Он был героем, пока его идеи, пропитанные свободой и равенством, не исказил вселившийся в него хаим. Но тебе, наверное, всё это ни капельки не интересно. Я покопался в мозгах этого несчастного только из личного любопытства. Кофа твой. Делай с ним, что хочешь.

Мельхиор шагнул обратно на тропу и исчез. Оцепенение с Бэт спало. Она шумно выдохнула, и тут же юноша поднял взгляд от книги. Неуверенно улыбнулся ей:

— Привет! — серые с зеленоватыми лучиками глаза смотрели доверчиво, с любопытством. — Ты Элис? Халиф сказал, что ты придёшь.

— Он представился Халиф? — рассеянно переспросила Бэт. Юноша кивнул. — А зачем, не сказал?

— Нет, — Кофа отложил книгу, поднялся. Глянул на Бэт и застенчиво отвёл взгляд. — Но говорил, что с тобой мне будет не скучно.

— Не скучно, — Бэт передёрнула плечами. Опустила лицо в ладони. — Не скучно...

Если Халиф не врёт, то — вот он, Кофа. Тот, когда она ненавидела больше всех на свете, кого жаждала растерзать на мелкие кусочки, потом заново собрать и растерзать снова. В чью сторону в порывах чёрной ярости бросала самые страшные проклятья. Кого преследовала бесконечно долгие годы. Стоит, смущённо переминаясь с ноги на ногу, чистый и невинный. Нос в веснушках, пшеничные волосы, мягкие на ощупь, наверное...

— Такой красивый сад, — Кофа стрельнул в девушку взглядом и сказал куда-то в

сторону: — Один я постеснялся тут ходить. Ты не хочешь?..

Бэт отняла ладони от лица. Спросила:

— Погулять?

Кофа сглотнул, робея, кивнул.

— Пойдём, — Бэт вздохнула, повернулась к нему спиной и медленно побрела по тропинке назад к аллее.

Кофа чуть замялся и поспешил за ней. Бэт слышала его неровное дыхание у себя за плечом. Волнуется, как на свидании... Развернуться бы, не встречаясь взглядом, рубануть когтями по шее. Пусть быстро, но хоть что-то... Нельзя же вот так его оставлять? Он до смерти замучил Германа...

Бэт остановилась и обернулась так резко, что Кофа, смотревший только себе под ноги, наткнулся на неё, испуганно вскинул голову. Его глаза оказались совсем близко с глазами Бэт. Честные, непонимающие глаза. Не помнящие Германа. Не выдавшие ещё зла и боли... «Надо же», — вдруг подумала Бэт. — «А мы с ним одного роста. И уши у него смешно топорчатся. Тоже мне герой-освободитель!». С этими мыслями к ней пришло чёткое осознание того, что она не сможет убить Кофу. Может быть, когда-нибудь потом. Но сейчас — точно не сможет.

Часть III

Совсем немного о драконе

Война закончилась так же внезапно, как и началась. Северяне ушли. Столица щедро откупилась от них золотом из казны разрушенного Храма Семизвездья. Точнее, заплатила им за хорошо выполненную работу. Нельзя сказать, что обошлось без жертв среди мирного населения: каким бы строгим ни был приказ не громить и не грабить, люди есть люди. Но кому какое дело до разорённого купца или обесчещенной девицы, когда вершится большая политика?

Границы северных владений значительно расширились, благодаря выгодному обеим сторонам военному союзу, построенному на суверенитете малых государств и их лояльности будущей Империи. Мелкие разрозненные баронства на западе без ропота встали под гордо развернувшиеся над бывшим Тсонлаэреном знамёна Арвинталя. Всё западное крыло Эреданнских гор сжалось в пока ещё не грозный, но уже внушительный кулак власти золотых драконов.

Древние погрузились в летаргический сон. Молодые боги почитали их, как первых Владык Суушира, но возвращать им мир не спешили. Драконы Стихий правили справедливо, никто не спорит, но их могущество перемежалось с жестокостью — силы Природы слепы к мелочам. А людям, эльфам, нелекреанским ангелам и прочим нежным существам хотелось некой гибкости со стороны правящей верхушки. Поэтому печать под домиком целительницы была восстановлена, а Древние возвращены в их Храм в Эреданнских горах на территории независимого Норвантера.

Хегг, взявший Скипетр хаймов в Золотом Дворце, и Лэуорд, частично слившийся с миром, стали новыми богами Суушира. Их власть была существенно ограничена договором с молодыми богами о невмешательстве в дела мирские. Мол, сидите в Небесном Храме — молодцы. Следите за общим благополучием Суушира, а тут, на земле, мы уж как-нибудь сами разберёмся. Разве с авторитетом Владычицы Зелёного Покрывала Шумерь поспоришь?..

— О-о-о! Варфоломей! — Михей расплылся в улыбке, обошёл секретарскую стойку, упёр руки в бока и придиричиво оглядел сидящего за ней злоха. — Никак с утраца глотнул настойку блистательности? Свет твоей мощной ауры слепит аж с порога!

— Правда? — секретарь удивлённо выпучил круглые глаза.

— Чеслово! Я как зашёл, сразу такой — о! Варфоломей-то у нас сегодня аки принц сияет! С чего бы это? Вот и решил вызнать у тебя рецептик. Колись, чем балуешься!

— Ничем я не балуюсь, — заворчал злох, задёргав широким ртом, чтобы не выдать довольную улыбку. — Ты к главе?

— Ага, — Михей тяжело вздохнул и печально опустил глаза. — Только не разбивай мне сердце. Не говори, что он опять не принимает.

— Не принимает, — Варфоломей тоже тяжко вздохнул.

— Фо-о-м, — Михей застенчиво шаркнул ножкой и глянул на секретаря сквозь полуопущенные ресницы. — Тот самый эликсир. Последняя разработка Дейдрре. Кровь кипит, всё само... ну, ты понимаешь. У меня с собой. Парочка пузырёчков.

Злох скорчил кислую мину и забарабанил пальцами по стойке, мучительно размышляя. Быстро оглядел полный народа зал. Скривился ещё сильнее.

— Н-не могу, — выдавил он. — Н-никак!

— А может, ты отвернёшься на минуточку, м? Очень надо, Фом! Это важно!

— Ну, не принимают! Строго-настрога же!..

— Эксклюзив, — шёпотом напомнил Михей. — Ещё ни у кого этого эликсира нет! Твоя Дора будет в восторге, чеслово!

Варфоломей заскрипел, скрючился на жёстком стуле. И вдруг быстро исчез за стойкой:

— Ой! Перо уронил!

Михей радостно подпрыгнул, сунул пару пузырьков секретарю под кипу бумаг и метнулся к лифту. Выглянувший из-за стойки Варфоломей проводил его взглядом, незаметно переложил пузырьки в карман и вынул маленькое зеркальце. Погляделся в него, пригладил ладонью пушок на лысой голове.

— Хорош! — злох удовлетворённо улыбнулся, закатил глаза и мысленно сообщил: — Господин Доанджи, к вам посетитель. Я пытался его остановить, но он настаивал. Очень настойчиво настаивал. Настойчивее некуда. Пришлось пропустить его вне очереди, простите старика!

Михей с порога выпалил новому Тёмному Владыке свою идею. Он решил проигнорировать попытавшуюся остановить его стражу, поэтому испугался, что может не успеть рассказать главе Лиге о своих планах. Конечно! Как тут спокойно изъясняться, если тебе руки выкручивают?

Доанджи прикрыл один глаза и потёр висок, как будто у него неожиданно разболелась голова.

— Пустите, — махнул он стражникам. И, когда дверь за ними закрылась, устало спросил: — Какой ещё портал?

— Портал! — Михей подлетел к столу Тёмного Владыки и разложил на нём невесте откуда взявшийся у него в руках пергамент со схемой. — Вот! В подвале дома целительницы. Всё безопасно! Я тыщу раз всё перепроверил! Прямой проход на Землю! На одну из! С жёсткой системой фейсконтроля, само собой! Чтобы никто ни туда, ни оттуда без вашего ведома ни-ни! Я рассчитал...

— Исключено.

— Но...

— И речи быть не может. Портал — нестабильное искажение пространства. Последствия его воздействия на печать под домом непредсказуемы... Вы кто такой вообще?

— Меня зовут Михей, позывной — Плут. Лэуорд обо мне не говорил? Странно, мы с ним почти лучшие друзья!

— Тот самый Михей, что прорастил семя Древа в Суушире? — взгляд Доанджи стал холодным.

— Ну... — Михей замялся. — Лорд вот меня за это похвалил. Сказал, что это была гениальная идея.

— Это была безумная идея. Вы нарушили естественный порядок вещей в мире и привлекли ненужное внимание Детей Древа.

— Он и без меня был нарушен. А цайары... я сам всё с ними порешаю.

— И с Высшим советом кураторов, полагаю, тоже?

— Это даже без вопросов! Кстати! Я получил от главы Совета разрешение на строительство портала! Во! — Михей выложил на стол письмо с инициалами Ф.А. — Но Шэ попросил меня сперва договориться с вами. По технике безопасности и всё такое прочее.

— Портала не будет.

— Да почему?!

— Мир продолжает меняться, он ещё не пришёл в норму после изгнания шельхаймов. Любое вмешательство в его целостность может привести к катастрофе. К тому же, — Доанджи мельком взглянул на бумаги. — Вы собираетесь построить портал из одного закрытого мира в другой закрытый мир. Просверлите дырку — и вся стена рухнет.

— Давно пора сделать Суушир открытым миром, — Михей надулся. — Значит, пока портал создавать нельзя?

— Да.

— Ладушки.

Михей развернулся и бегом направился к двери. Бумагу со схемой и письмо с разрешением от Фаархи он «случайно» забыл на столе Тёмного Владыки.

Славиш привычно прятался от солнца в тени веранды, развалившись на деревянной скамейке и посасывая соломинку. Его глаза ярко светились, — один горел синим фосфором, второй пламенел inferнальным огнём — отбрасывая на бледные щёки разноцветные блики.

— Последствия переедания, — объяснил Михею Славиш. — Я ещё никогда за раз столько силы через себя не пропускал. Если бы не госпожа Септемберель, я бы лопнул, наверное. Только ее смертоносная красота удерживала меня на грани сознания, — Вега мечтательно закатил глаза. — Ты бы её видел! А уж когда она мертвяков подняла — это было вообще запредельное что-то! Я готов был вырвать своё сердце из груди и подарить его ей!

— Думаю, — Михей висел на перилах веранды вниз головой, покачивался на них и наблюдал, как его волосы подметают дощатый пол, — она бы с благодарностью его съела. И помнила тебя ровно столько, сколько твоё сердце усваивалось бы внутри неё.

— Какой ты неромантичный! — Славиш брезгливо сморщил нос. — Неудивительно, что у тебя девушки нет.

— Но и у тебя в итоге нет, — резонно заметил Михей. — Септемберель вон улепетнула в Нелекреан королевствовать. И нянчить дочку. Эх... Саа расстроится.

— Может, тебе помочь с его поисками? Саныч вроде как и мне друг.

— Не, я справлюсь. Меня же много!

— И меня это жутко бесит.

— Это почему? — Михей кувыркнулся на перилах и уселся на пол, скрестив ноги. — Завидуешь что ли?

— Не понимаю, как это работает, — Славиш тоже сел на лавке. — А то, чего не понимаешь, всегда раздражает.

— Да что непонятного-то? Я создаю своих фантомов с помощью Зеркала, как бы распадаюсь на субличности. Можешь называть их аватарами, если хочешь. Почти то же самое, как если бы ты оторвал себе пальцы и дал им разные задания. А они бы потом приползли к тебе, ты бы их на место поставил и получил с них всю собранную ими информацию.

— И каждый фантом обладает теми же навыками и предметами, что и ты?

— Не совсем. Зеркало не отражает уникальные вещи. Например, паучков. Как татуировки они есть у каждого фантома, но срабатывают только на мне. Так же с любым артефактом. Хотя вот кураторский браслет копируется. Но, собственно, что в нём необычного-то? Для активации ему моя личная энергетическая подпись нужна — она есть у каждого фантома же!

— Я когда в первый раз много тебя увидел, офигел прям, — Славиш усмехнулся. — Думал — всё, кирдык мозгам.

— На самом деле любой мало-мальски способный маг может копировать себя. А те же цайары вообще живут одновременно в нескольких измерениях и временах. Подумаешь, я создал несколько клонов! Без Зеркала-то я так не умею. Даже задрипанного астрального двойника смонстричить не могу!

— Есть, куда стремиться зато.

— Это да. Та гора целей, которые я сам себе поставил, надёжно укрывает меня от смерти. Ей просто места нет в моих планах!

Михей рассмеялся, а Вега покрутил пальцем у виска. Мол, всё понятно с этим мальчишкой — безнадёжный случай.

— Пирожочков будете? — Дейрдре вышла на крыльцо с подносом в руках.

— Ох, госпожа целительница! — оживился Михей и вскочил на ноги. — Я вас обожаю! Вас, ваши пирожки и ваш чай! Божественный чай!

Целительница зарделась от лестных слов. Прошла на веранду, поставила поднос с дымящимися вкусностями на лавочку.

— Угощайтесь, мальчики, — сказала она и села рядом с Вегой. — Глазки болят ещё?

— Уже не так, — отозвался Славиш, пытаясь удержать в руках пышущий жаром пирожок. — Скоро эффект пройдёт.

— Ну, хорошо, — Дейрдре повернулась к Михею. — А что сказал Доанджи насчёт портала?

— Он в процессе принятия окончательного решения, — уклончиво ответил тот.

— То есть не одобрил?

— Почти согласился! Я оставил ему схему для детального изучения. Он разберётся, что к чему, оценит выгоды там, перспективу увидит. И одобрит. Стопудово!

— Если он узнает, что вы уже начали строительство арки, — Дейрдре с сомнением покачала головой, — он меня довольствия лишит.

— Куда Лига без вас, госпожа целительница? — Михей лукаво улыбнулся. — И у нас есть Зеркало.

— Да, но золотишко-то исчезает через три дня!

— Вас это сильно смущает? Только честно!

Дейрдре замялась. Потеребила подол передника. Встала с лавочки и потрепала Михея по макушке:

— Пей свой чай, искуситель!

Что-то хлопнуло рядом с верандой, словно слишком быстро раскрылся на сильном ветру парус, дохнуло жаром, в ноздри ударил едкий запах сгоревшей серы. На лужайке в образовавшемся чёрном пятне сожженной травы и в клубах густого дыма появился некто пяти футов с кепкой росту, с маленькими кожистыми крыльями за спиной и небольшими рожками чуть выше лба...

— Мальчик, — быстро сказал Михей.

— Девочка, — ехидно ухмыльнулся Славиш.

— Девочка, — подтвердила Дейрдре. — Лурвэ, принцесса...

Договорить целительница не успела. Лурвэ, при рассеивании дыма действительно оказавшаяся очевидной девчонкой, гневно сверкнула глазами (фиалковыми, как у Шу, успел подумать Михей), топнула ножкой и крикнула:

— Который из вас Михей?!

— Он, — Славиш обличительно ткнул в товарища пальцем, на всякий случай отодвигаясь на самый край лавки.

Лурвэ шевельнула крыльями, в мгновение ока очутилась возле Михея и щёлкнула пальцами его по лбу. Да так, что тот отлетел от неё, нелепо взмахнув руками, врезался головой и лопатками в стену дома. Михей охнуть не успел, как Лурвэ пнула его в живот. И хотела пнуть ещё, но Дейрдре окрикнула её:

— Лурвэ! Постоялец! Это мой постоялец!

Лурвэ в последний момент остановила летящий в висок Михею острый сапожок. Разочарованно дёрнула щекой, опустила на пол и повернулась к целительнице.

— Тогда прогоните его! — потребовала она.

— Лурвэ, — голос Дейрдре стал ласковым, таким, каким обычно разговаривают с маленькими детьми. — Ну, нельзя же так! Он платит, ведёт себя прилично, помогает мне. Как же я его выгоню? И почему?

— Он посадил чёртово дерево прямо посреди Суушира!

— О-ох, — простонал Михей, корчась на полу. — Тебя-то оно чем не устраивает?!

— А тем, — Лурвэ посмотрела на него сверху вниз и встопорщила крылья. — Что ты лишил всех нас работы! Что мне теперь делать? Что нам всем теперь делать?!

Последний вопрос она задала куда-то в крышу веранды.

— Лурвэ, солнышко, — целительница потянула её за напряжённое крыло. — Пойдём в дом. Там поговорим спокойно, ты мне всё расскажешь. И подумаем вместе, что делать дальше. Пошли, пошли!

Лурвэ сжала кулаки, ещё раз окинула гневным взглядом притихшего на полу Михея, выдохнула и кивнула:

— Хорошо.

— Вот и славно! — обрадовалась Дейрдре. — Ты беги, а я через минуточку подойду. Только приберу здесь немного.

Целительница принялась перекладывать остывшие пирожки на подносе и переставлять с места на место чашки с чаем. Лурвэ подозрительно сощурилась:

— Вы его сейчас полечите!

— Полечу, — не отвлекаясь от пирожков и чашек, честно призналась Дейрдре.

— Ну и ладно! — Лурвэ фыркнула. — Я всё равно его потом снова покалечу.

И направилась к крыльцу дома. Целительница тяжело вздохнула, но промолчала.

— Божественное создание! — восхищённо прошептал Михей.

— Недалеко от истины, — Дейдрре усмехнулась. — Лурвэ — принцесса Ада.

— В Суушире есть ад? — встрепенулся до этого притворяющийся элементом декора Славиш.

— Конечно, есть! — Дейдрре смерила его взглядом. — Везде, где правят цайары, есть очистительная система Ад-Рай. Стыдно это не знать.

— Демонесса, — Михей повертел на языке звучное слово. — Демонесса... Знаете чего? — вдруг воскликнул он с ужасом. — Кажется, я влюбился!

Дейдрре попросила Михея подождать на улице, пока она успокоит Лурвэ и настроит её на конструктивный разговор. Михей еле дождался, когда целительница и демонесса выйдут из дома.

— Лурвэ, пожалуйста, без насилия, — Дейдрре строго посмотрела на принцессу Ада. — Обсудите всё мирно. Уверена, что ситуация с Древом — всего лишь недоразумение.

Лурвэ недоверчиво надула губы, окинула Михея недружелюбным взглядом. Того аж потряхивало и распирало от желания поскорее объясниться с ней. Он переминался с ноги на ногу, дёргал пуговицы на рубашке и нетерпеливо поглядывал на целительницу.

— Чтобы к концу беседы все были живы и здоровы, — ещё раз напомнила Дейдрре и удалилась в дом.

— Я вот чего хотел сказать! — сразу же взорвался Михей. — Ты...

— Кто тебе слово давал, долбоящер?! — взвилась Лурвэ.

— Но...

— Я тут говорю, а ты слушаешь!

— Ладненько! Только ты такая красивая, что я не могу об этом умолчать!

— Я... — Лурвэ хлопнула ресницами. Покраснела, затем побагровела и разозлилась. — Ну, всё! Простите, целительница, но это уже ни в какие ворота!

Она выдохнула из узких ноздрей струйку дыма, выпустила изогнутые полумесяцем когти и пошла на Михея. Михей отступал от неё, любуясь ею и восторженно вздыхая:

— Глаза как алмадины! И этот адский огонёк в них, ах! И волосы как снег в ясный морозный день! А эти крылышки! И рожки!

— Я. Тебя. Убью!

— О! Этими чудненькими коготками? Да хоть на миллиард полосок полосуй — я только счастлив буду!

— Ты больной что ли?!

— Да! Я болен тобой! Заболел, как только увидел! На всю голову!

Лурвэ зарычала и прыгнула. Сбила Михея с ног, подмяла под себя, упёрлась когтями ему в шею.

— Почему ты не веришь? — удивился Михей, даже не пытаясь сопротивляться. — Я же искренне восхищаюсь тобой!

— Да у меня же кожа серая! И крылья! И рога! И чешуя! Вот, — Лурвэ убрала руку от его шеи и продемонстрировала тыльную сторону ладони, на которой к пальцам тянулись гладкие синеватые пластинки. — И хвост!

— Хвост, о-о-о!.. Где он?

— Спрятала. Я стесняюсь...

— Кого? Хвоста?!

— Хвоста! Всего! — Лурвэ уселась верхом на Михее и скрестила на груди руки. — Так что прекращай нести этот бред.

— Но ты действительно прекрасна! Ай! Больно же! Хорошо! Только кто-то же должен был тебе об этом сказать! Ох! Ну, ты чего сразу дерёшься?! Я самый честный лис во всём Шельяаре, между прочим!

— Лис? — Лурвэ перестала раздавать мальчишке тычки. — Как Вакей?

— О, ты моего папу знаешь?

— Папу?!

— Ага. Понимаешь, когда у женщины от мужчины появляется ребёнок... А-а-а! За что?! Я же пытаюсь объяснить!

— Знаю я, что такое «папа»! — прошипела Лурвэ. — Ты за кого меня принимаешь?!

— За очаровательную принцессу Ада, которая вполне может не знать о человеческих кровных связях, — улыбнулся Михей. — Давай уже по-нормальному поговорим, м?

— А ты так умеешь?

— Я буду стараться.

— Только без всяких ахов-вздохов! — предупредила Лурвэ, поудобнее устраиваясь на нём.

— Не слезешь с меня?

— Нет.

— Ладно. Я люблю, когда девушки сверху...

Пощёчина получилась звонкой и разбила Михею губу.

— Я начинаю привыкать, — пробормотал Михей, слизывая кровь. — Тебе бы плётку...

— Ты мне начинаешь надоедать, — Лурвэ нехорошо сощурилась. — Говори, что там с деревом? И я подумаю над тем, какую конечность оставить тебе нетронутой.

— Голову, — Михей усмехнулся. — Она почему-то всех раздражает. И Древо, а не дерево. Всё же на нём зреют миры, как-никак. Я прорастил семя для того, чтобы не дать джину ассимилировать Суушир. Что называется — дёшево и сердито. Кстати! Если Древо начнёт плодоносить, то мы решим проблему перенаселения в мире!

— Какое перенаселение, если половина земель Суушира даже не исследована?

— Но когда-нибудь же исследуют? Ты мне лучше скажи, что там в Аду-то расстроилось из-за моего семени... ой! То есть из-за семени Древа!

Михей прыснул, а Лурвэ подняла глаза к небу и спросила у лениво плывущих облаков:

— Блаженные ведь сразу к вам? Могу его мучеником сделать. Возьмёте?

Ей никто не ответил, и принцесса Ада перевела тяжёлый взгляд на Михея.

— А на небесах реально ангелы живут? — спросил тот.

Он беззастенчиво разглядывал демонессу, улыбаясь во весь рот, отчего ранка на его губе никак не хотела затягиваться и пачкала кровью щёку.

— Да, — Лурвэ вздохнула. — И пока ты не вмешался, мы, демоны, души очищали, а они, ангелы, составляли новую учебную программу. А теперь души умерших уходят неизвестно куда, а то и вовсе сами собой перерождаются!

— Ну и пусть сами выбирают, какой им опыт поднабрать в следующей жизни!

— Да они же не знают, что им нужно!

— А вы знаете?

— Наши создатели знают. И у нас целый аналитический отдел есть!

— Ваши создатели — это цайары?

— А кто ж ещё? — Лурвэ удивилась так искренне, что Михей озадаченно поднял бровь. — Организовывать всё вокруг себя — это к ним.

— Ад и Рай есть везде, где правят цайары, — задумчиво проговорил Михей. — Интересненько... Слушай, Лурвэ! Я разрулю этот косяк с Древом, всё отлажу так, что будет работать лучше, чем раньше. Чеслово! Но мне понадобится твоя помощь. Вы, демоны, ведь питаетесь эманациями страха и боли?

— Не только, но в том числе, — Лурвэ нахмурилась. — А что?

— Мой друг тонет в болоте негативных эмоций. И если ему не помочь сейчас, то он станет Разрушителем.

— Из пророчества?

— А какое у вас тут пророчество? Саа-то у нас Разрушитель в межмировых масштабах. По крайней мере, я так думал.

— Пророчество гласит, что придёт человек, который принесёт в своём сердце Тьму и погрузит в неё весь мир. И настанет конец всему живому. Он разорвёт цепи инкарнаций, души людей будут умирать вместе с телами. Ничего нового.

— А пророчество этого человека никак не описывает? А то этот ваш Разрушитель мне кое-кого другого напоминает. И, к несчастью, он прибыл в Суушир вместе с Саа. Теперь поди разберись, кто из них кто.

— Ну, — Лурвэ почесала лоб у основания рога. — Разрушителя рисуют скорбным юношей верхом на чёрном драконе. В короне и плаще.

— Красном плаще? — уточнил Михей.

— Обычно да.

— Хм... А Разрушитель именно человек?

— Ну да. Кому ещё в голову придёт уничтожать всё живое?

— Логично. О! Именно человек! Ни эльф, ни гном, ни, скажем, вампир?

— Человек. Так написано.

— Я тебя расцеловать готов, моя принцесса! — Михей посмотрел на демонессу с благодарностью.

— Только попробуй, — Лурвэ хмыкнула. — И скажу сразу. Если у твоего друга забрать боль и страх, а взамен не дать ничего, то ни к чему хорошему это не приведёт. Пустота в душе хуже любого самого плохого чувства. Так и появляются Разрушители.

— Мне только достучаться до него нужно. Достаточно пробить брешь в его скорлупе, в которую он спрятался. Самую малость оттянуть завесу печали. Поможешь?

— С чего бы мне тебе помогать?

— Мы можем спасти мир. А потом я помогу построить в твоём Аду такую иерархию, что все другие Ады обзавидуются! И научу по уму использовать Древо. И я хочу побольше с тобой пообщаться. Ты мне правда очень понравилась. Ой!.. Ха! А уже не так больно! Ай!

Глава II. Отцы и дети

Стая белых лисов с улюлюканьем вылетела из пещеры и понеслась в небо. За ней с бешеным рёвом гналась чёрная туча, смутно похожая на дракона. Туча иногда настигала одного из лисов, всасывала его в себя, и тогда у Михея сердце давало сбой, а дыхание на короткое мгновение перехватывало. Хегг каждый раз злорадно интересовался:

— Что, больно?

Михей молча показывал ему неприличный жест. Они вдвоём с высоты скалистого уступа наблюдали за погоней.

— Долго ещё? — спросил Хегг. — Второй раз перетряхивать горы я не буду.

— Почти закончили, — Михей напряжённо вглядывался в чёрную тучу. — У нас только одна попытка. Если ловушка не сработает, мы опять его потеряем. А время уходит. Вот если бы...

— Не начинай! Я сам решу, когда поговорить с отцом. Он не одобрит моего служения Детям Древа, а я пока не готов к семейным драмам.

— На кону жизнь Саа.

— У нас с Хранителем разные пути. Будь доволен, что я помогаю вам его ловить.

— Вызвал хиленькое землетрясение — тоже мне помощь!

— Ах, вот значит, как?!

— О! Готово! Я полетел загонять нашего друга на папу с дядей!

Михей кувыркнулся через голову и лисом взмыл к облакам. Хегг только рукой махнул и растворился в воздухе.

Лисы сделали крутой вираж и понеслись по направлению к земле. Туча нерешительно зависла в воздухе. Михей раскрутился в полёте и запустил в Саартана тугим вихрем *силы*. Дым-дракон взревел громче прежнего и погнался за обидчиком. У самой земли белые лисы бросились врассыпную, а главного Михея перехватил лис рыжий и такой огромный, что уступал в росте Хранителю-дракону самую малость. Саартан не успел сманеврировать и влетел напрямик в расставленную сеть. Ловушка захлопнулась. Нити сети сверкнули оранжевым, опутали тучу, и там, где они соприкоснулись с клубами тьмы, появилась плоть. Хранитель забился в магических верёвках, зарычал. Разгоревшиеся на проявившейся морде красные глаза с ненавистью уставились на зажатого в лапах рыжего лиса Михея. Михей опустил голову:

— Прости меня, Саа...

Чёрный дракон дышал натужно, сипло и редко. Голова его, притянутая к каменным плитам цепями, иногда вздрагивала, гребень, когда-то радужный и красивый, а сейчас рваный и покрытый серым налётом, нервно приподнимался, замирал и вновь опускался. Хранитель впал в глубокий транс. Михей сидел рядом с мордой дракона и, не моргая, пялился в пол.

— Никаких изменений? — Хегг появился как всегда бесшумно и неожиданно.

Михей вздрогнул и медленно поднял на него глаза. Воспалённые, впавшие, в тёмных кругах. Хегг вздохнул, подошёл ближе.

— Он не пускает меня, — грустно сказал Михей. — Все мои клоны умирают, пытаюсь

пробиться к нему.

— А мы до сих пор не отыскали проклятый Остров! — Хегг ударил кулаком по раскрытой ладони. — Аист скрыл его даже от богов! А подружка Хранителя там, это мы знаем точно.

— Ты говорил, что Лорд хотел переиграть Мельхиора, передав власть над миром тебе. Но ты правишь с разрешения этого цайара. Так что кто кого переиграл — это ещё большой вопрос. Не удивительно, что тебе не удаётся найти Блуждающий Остров.

— Зачем Аисту девчонка?

— С кулоном Шу-то?

— Мы не уверены на сто процентов, что кулон у Аиста. И зачем ему душа твоего Шу тогда? Фаарха же вроде ученик Мельхиора, не?

— Шу уклонился от ответа. Он решил лично навестить своего учителя.

— Может тогда оставить Хранителя змею? Пусть приведёт его в чувство своими методами.

— Это должен сделать я. Я, понимаешь! — Михей устало потёр глаза. — Если это сделает кто-нибудь другой, то Саа... Я для него перестану существовать.

— Эгоистично, не находишь?

— Саа в моём сердце занимает слишком много места, чтобы не считаться с этим. Это хуже кровной связи... больнее. Да что я тебе рассказываю-то?! Даже твои хозяйева-цайары не смогли выжечь любовь к Саа из твоей души!

— У нас с Хранителем...

— Разные пути, ты говорил. Но это всего лишь слова, Андарс. Иначе тебя бы здесь не было.

— Приветтики новому Богу! — Лурвэ впорхнула в подвал, мелко трепыхая крылышками, как какая-нибудь колибри.

— Моё почтение, принцесса. Рад наконец-то личному знакомству, — отозвался Хегг и вопросительно глянул на Михея.

— Лурвэ поможет мне проникнуть в сознание Саа, — объяснил Михей. — От клонов нет толку, я пойду сам.

— Сам?! Ты же погибнешь там! — Хегг отступил на шаг от дракона, мол, я в этом не участвую. — Или, что ещё хуже, останешься пленником внутреннего мира Хранителя, где он сможет бесконечно тебя убивать!

— Я должен, Андарс. Как ты не поймёшь!? Мы можем вообще никогда не найти Остров! А Саа в своих тёмных блужданиях переродится в Разрушителя, и тогда... мы потеряем его. Я хочу хотя бы заставить его принять человеческий облик.

— Что ты задумал? — спросил Хегг, взмахом руки экранируя дракона от разговора.

— Обмануть пророчество. Попытайся. Если Разрушителем может стать только человек, то... Кот с Кэпом прилетают на днях в Суушир. У них отпуск.

— Причём тут... О! Сбрэндил?!

— А вдруг сработает?

— А если нет?!

— Хуже не будет.

— Но Саа — менкарец!

— Тем более. Какая разница, как черпать силу извне? Я просто изменю метод.

— Ты изменишь всю его жизнь!

— Я уже это сделал. Повторяю — хуже не будет.

— Я против.

— Обсудим это позже, — Михей поднялся и кивнул Лурвэ. С мольбой посмотрел в глаза новому Богу. — Помоги пока просто вернуть его. То есть, помоги мне не сгинуть в лабиринтах его разума. Андарс?

Хегг взъерошил седые волосы. Посмотрел на пожавшую плечами принцессу Ада.

— Ладно, — сдался он. — Ты ведь всё равно полезешь к нему в голову. Подвал по-прежнему непрозрачен для отца?

— Да.

— Хорошо. Не хочу, чтобы он узнал о моём присутствии, когда я ослаблю свою защиту.

Принцесса?

— Я готова.

— Тогда начинаем.

Лава в пещере застыла в причудливых формах, превратив подземные залы в музей багрово-чёрных изваяний. Откуда-то проникал рассеянный свет. Михей шёл по блестящему, будто стеклянному полу, прислушиваясь к эху собственных шагов, и озирался по сторонам. Было тихо. Ни тебе капания воды, ни шуршания тварей, живущих во мраке, ни потрескивания горных пород. Ничего. Только далеко раскатывающееся эхо шагов, и всё.

— Саа? — осторожно подал голос Михей.

— Саа? — удивилось многоголосое эхо.

— Саа, ты здесь?

— Здесь, здесь, — ответило эхо.

— Здесь, — прошелестело из темноты.

Михей остановился и напрягся.

— Саа, нужно поговорить. Это важно!

— Поговорим.

Острые чёрные иглы прошли Михея насквозь и под звон разбивающегося стекла пригвоздили его к стене. Михей схватился за шип, торчащий у него под ключицей, застонал. Иглы не задели жизненно важных органов, но ощущать их, леденящих и обжигающих одновременно, в себе было... как-то неприятно.

— Говори, — с потолка пещеры стекла струя жидкого чёрного дыма.

Она коснулась гладкого пола и оформилась в фигуру, закутанную в плащ. Глаза у фигуры горели красным.

— Саа... — Михей запнулся и закашлялся.

Фигура шевельнулась, возникла перед прямо перед. Чёрная рука надавила на шип, вдавливая его глубже в плоть. Михей от боли сжал зубы и скривился.

— Язык прикусил? — глумливо спросила фигура, проворачивая шип в ране. — Слова забыл?

— Разрушитель, — выдавил Михей.

— Меня зовут Мифлецет.

— Один фиг... где Саа?

— Саа больше нет.

— Есть. Я чувствую.

— Что ты можешь чувствовать, ничтожество?! — Мифлецет отшатнулся от мальчишки, распахнул плащ и взметнул его крыльями. — Ты знать не знаешь, что это такое!

— И ты...

— И я, — легко согласился Разрушитель, мгновенно успокаиваясь и опуская крылья. — Но я познаю чувства через Хранителя, а у тебя нужные рецепторы отсутствуют. Ты жалок в своей уверенности в обратном.

— Во мне бесконечная Любовь Творца, — Михей прикрыл глаза, в которых всё начало расплываться. — Этого достаточно.

— Творца! Ха! — Мифлецет сардонически расхохотался. — Того Творца, который допустил моё существование? Существование того, кто уничтожит все его создания! Даже память о них сотрёт!

— Не мне обсуждать решения Единого. И ты сам себя допустил. Тебя зачали на Менкаре, чтобы ты уничтожил живой мир с Древом, но не удержали. А будь ты слепой безвольной силой, этого бы не случилось. Значит, ты мыслишь. И, следовательно, создаёшь себя сам. Только вот скажи мне, уважаемый Мифлецет, зачем продолжать следовать заложенной в тебя программе Разрушителя, если ты свободен, м?

— Это не программа, а смысл моего существования. Моя природа.

— Да что ты?

— Да! — Разрушитель подлетел к Михею, навис над ним чёрной тенью. — Моя цель!

— И зачем же тебе всё разрушать, м?

— Чтобы ввергнуть всё в изначальный Хаос!

— Зачем?

— Чтобы... — Мифлецет зашипел от ярости. — Я же сказал, что это моя суть!

И вогнал материализовавшийся у него в руке кол Михею в сердце. Михей уронил голову на грудь и перестал дышать.

— Надоедливый таракан, — фыркнул Разрушитель, запахнулся в крылья-плащ и отступил от стены. — Стоило приходиться, чтобы сдохнуть.

— А что ты будешь делать, — Михей открыл глаза, а Мифлецет от неожиданности подпрыгнул на месте. Кол, воткнутый в сердце мальчишки, со звоном упал на пол. — Когда всё уничтожишь?

— Чтоб тебя! — чёрная фигура пошла рябью. — И живучий, как таракан!

— Я к тебе до скончания веков приходиться буду и мучить вопросами, — Михей хитро улыбнулся. — Так что давай сразу расставим все точки над «и». Так чем ты будешь заниматься, когда вокруг будет только Ничто?

— Я... — Разрушитель не нашёл с ответом и замолчал.

Надолго. Михей нетерпеливо мотнул головой.

— Ты понимаешь, что превращая всё вокруг в исходный материал, отдаёшь коробку с пластилином обратно Творцу? — спросил он. — Творец наклепает новые миры и новых существ, а ты, как дрессированная обезьянка поскачешь собирать разбросанные детальки. Заманчивая перспектива, ничего не скажешь. Хотя... кто тебе сказал, что ты — Тот Самый Разрушитель? Тебя ведь в пробирке вырастили. И у тебя нет ни убеждений Того Самого Разрушителя, ни его Воли. Ты, по сути, всего лишь человек, которому отвели роль в неоригинальном шаблонном пророчестве.

Мифлецет молчал. Михей перевёл дыхание и продолжил:

— Чтобы стать Тем Самым Разрушителем, великим и могучим, ты должен избавиться от Саа. Саа эмоциональный, он любим и любит. Страдает, ошибается, чувствует вину, испытывает боль. Его милосердие сильно ограничивает тебя. И пока вы с Хранителем одно целое, ты — его пленник. Отдай мне Саа. Ты ведь меня знаешь, я выверну всю его жизнь так, что он сам вернётся к тебе, и вы поменяетесь ролями. В плену окажется Хранитель.

— Он и сейчас в плену, — буркнул Мифлецет.

— Да, но сейчас он ещё не отказался от своей жизни, влияет на тебя. Даже то, что ты слушаешь меня — заслуга Саа.

— Это заслуга твоей демоники! Она пьёт из меня силу, и мне приходится терпеть твои бредни!

— Интересненько, — Михей оживился. — Как это мешает тебе убить меня?

— Мне лень, — Разрушитель плотнее закутался в плащ. — Вот как.

— О! Апатия! — Михей захихикал и тут же закашлялся — неудобно хихикать, будучи припиленным к стене. — Разрушителю тупо лень разрушать. Нонсенс! Но ведь действительно!

— Ты снова оживёшь, зачем париться?

— А Творец заново всё отстроит, зачем париться? — в тон Мифлецету спросил Михей.

— Тоже верно, — Разрушитель сник.

— Ты чего раскис-то? — Михей развеселился. — Отпусти Саа ко мне и заляг на дно, отдохни. А то тебя такого слабенького во внешнем мире быстренько прикончат! Наберёшься сил, тогда и вернёшься. Почву подготовишь. А там придумаем что-нибудь.

Последнее Михей сказал скорее самому себе, нежели Мифлецету. Конечно, нельзя допустить возвращения Разрушителя. Никак нельзя. Саа должен жить своей жизнью и не зависеть ни от каких пророчеств. Но сейчас это можно и опустить.

— Попробуй забрать своего Саа, — Мифлецет зевнул. — Получится — я не стану вас удерживать. Но потом, когда я вернусь, я сделаю тебя своим рабом. И буду вытирать об тебя ноги. Когда вырву тебе язык. Согласен?

— С языком я буду тебе полезнее, — вкрадчиво произнёс Михей. — И, скажем, слугой, а не рабом. Ты не пожалеешь.

Разрушитель постоял какое-то мгновение, раздумывая, неоднозначно дёрнул головой и растворился.

Иглы, удерживающие Михея, исчезли. Михей сполз на пол, покряхтел, пытаясь встать. Раны, хоть и не смертельные, значительно ограничивали движение. Кое-как поднявшись на ноги, Михей огляделся. Блуждать по пещере не хотелось, да и сил не было. Поэтому Михей набрал полные лёгкие воздуха и крикнул:

— Саа-а-а!

Эхо испуганно заметалось по подземным коридорам.

— Чего орёшь? — Хранитель вышел из-за ближайшей лавовой колонны и поморщился.

— О! Саа! — Михей обрадованно обернулся на голос. — О! Саа... — сказал он совсем другим тоном, когда увидел перед собой незнакомого черноволосого и черноглазого юношу.

В чёрном.

— Не нравлюсь? — прохладно спросил Саартан.

— Нравишься, — растерянно пробормотал Михей. Тряхнул волосами и повторил увереннее: — Нравишься! Ты такой на самом деле, да?

— В реале, как говорит один мой знакомый, — ядовито сказал Саартан. То есть,

наверное, Захария... — Так чего орёшь?

— Тебя звал, — Михей потупился. — Думал, ты неизвестно где тут сидишь один-одинёшенек... А ты всё это время прятался здесь.

— Ага. И слушал, — голос Хранителя стал ещё ядовитее. — «Отдай мне Саа. Ты ведь меня знаешь, я выверну всю его жизнь так, что он сам вернётся к тебе, и вы поменяетесь ролями». Хорошенькие сделки ты заключаешь. Друг.

— Но Саа! Что я должен был сказать?! — Михей вскинул голову. — Мне нужно было уболтать его, чтобы он... Ой! А он тоже слушает?!

— Нет.

— Хорошо, а то некрасиво бы вышло.

— А до этого, значит, всё красиво выходило?

— Саа, ну что ты как маленький! — Михей, забыв про раны, всплеснул руками и, охнув, сел на пол. Глянул на Саартана-Захарию снизу вверх насуплено. — Я, между прочим, ради тебя старался.

— Это жизнь-то выворачиваешь? — Хранитель иронично поднял бровь. — Спасибо, не надо мне таких стараний.

— Бэт жива, — Михей решил сменить опасную тему разговора. — Ты поверил в иллюзию там, под Храмом. Это Аист забрал её, учитель Шу... Нет! С самим Шу это никак не связано! Он о твоей подруге только от меня услышал. Чеслово!

— Она мне не подруга.

— Но ты же волновался о ней?

Хранитель помедлил с ответом. Отвернулся от Михея.

— Я волнуюсь за всех, кто рядом со мной, — тихо проговорил он.

— Вот об этом! Слушай, Саа, то, что Менкар рванул — не твоя вина! Всё было подстроено с самого начала! Нет никакого груза ответственности!

— Змей говорил иначе.

— Ты сам принял на себя эту ответственность. Ты винишь себя и тянешь за собой последствия.

— Разрушитель у тебя сам себя создал, и я, получается, тоже?

— Ну... типа того.

— Как всё просто, — Саартан ткнулся лбом в холодную колонну. — Как всё заманчиво просто...

— Но так оно и есть, Саа. Поверь мне!

— Я уже однажды поверил тебе, Мих, — голос Хранителя дрогнул. — И чем всё это закончилось?

— Ещё ничем, — Михей пожал плечами. — Наша с тобой история ещё пишется.

— Наша с тобой... — передразнил его Саартан. — Надоел ты мне.

— Не правда.

— Тебе-то откуда знать?

— Ты мой друг, Саа. А я твой. Это навсегда.

Саартан повернул голову, скосил на Михея глаза. Михей сидел виноватый-виноватый, но губы его предательски подрагивали в намёке на улыбку. Хранитель фыркнул и снова отвернулся.

— Я потерял кулон Фаархи, — сказал он после длительной паузы.

— Сделаешь новый.

Всё-таки Саартану пришлось развернуться к Михею, так уверенно прозвучал его ответ. Хранитель воззрился на мальчишку, как на умалишённого.

— Ну, Саа-а-а, — Михей расплылся в улыбке. — Кулон отвлекал внимание от тебя самого, только и всего. Да, он был вместилищем души, но такой амулет ты сможешь сделать и сам. Ты же мастер-ювелир! Неужели ты думаешь, что Шу такой глупенький? Душа Шу в твоём сердце.

Михей хихикнул. Саартан часто заморгал и опять обиженно отвернулся.

— Тогда получается, что глупенький я, — глухо проговорил он. — А этот змей снова меня использовал. Я жизнью рисковал из-за этой безделушки!

— Какой ты преданный.

— Такой вот! — Саартан зло ударил кулаком по колонне.

— Не злись, — Михей подполз к нему и обнял за ноги. Хранитель вздрогнул, сдерживая желание отпихнуть его от себя. — Прости меня, Саа. Я тоже... такой вот. Но я люблю тебя, и готов за тебя умереть. Давай мы отныне всё будем решать вместе, м? Я буду всё-всё тебе рассказывать. Чеслово! Кот меня научил быть честным.

— Расскажешь, даже если информация будет угрожать мне?

Михей замялся.

— Что и следовало доказать, — Саартан вышагнул из объятий Михея.

— Я буду предупреждать тебя, если знания окажутся опасными! — скороговоркой выпалил Михей. — И ты сам решишь, хочешь ли их получить! Саа! Когда Шу не станет, я временно займу его место! Некоторая информация не будет принадлежать лично мне, чтобы я мог ею распорядиться, как хочу! Но всё, что касается нас с тобой, я тебе расскажу! Обещаю!

— Ты — глава Высшего совета кураторов? — Саартан удивленно посмотрел на него. — Серьёзно?

— Временный, — Михей скромно опустил глаза.

— Да ладно?!

— Мне бы советник не помешал. Со стажем работы. Канцлером, например... — Михей подёргал Саартана за штанину строгих чёрных брюк. — Что скажешь?

— Скажу, что Система ещё не ведает, какая угроза нависла над ней. В виде нахального, безалаберного, сумасшедшего, но чертовски удачливого лиса! — Саартан с лёгкой улыбкой покачал головой. — И скажу, что я дурак, раз снова верю тебе.

Михей счастливо вздохнул, стрельнул горящим взглядом в Хранителя и повалился на бок.

— Мих? — Саартан озабоченно склонился над ним, потряс за плечо. Михей не дышал. — Мих!

Михей разлепил веки. Робко улыбнулся под строгим взглядом отца.

— Папа?

— Ты умер дважды! — рядом с встревоженным лицом Вакея появилась виноватая физиономия Хегга. — Я был вынужден позвать...

— Ты же Бог, — простонал Михей. К занемевшему телу медленно возвращалась чувствительность, а вместе с ней приходила боль. Умирать совсем не приятно.

Нисколечко. — Выдернул бы меня. И у меня же паучки!

— У богов слишком много ограничений! — оскорбилась физиономия и уплыла из поля зрения. — А твои пауки исчезали подозрительно быстро.

— Сколько я потерял?

— Одного за первую смерть и три за вторую, — Вакей помог сыну сесть.

— Ох, это странненько, — Михей схватился за голову. — Наверное, из-за близости Разрушителя. О! Так у меня всего два паучка осталось что ли?! Я на семь лет остальные растянул! А ту-уг...

— Странненько то, что ты вообще жив остался и вернулся, — хмыкнул Вакей. — Я к тебе пробиться не мог, пока твой друг в себя не пришёл.

— Саа?.. Ой, Саа! Где? Где? — завопил Михей, бешено завертел головой, и не сразу сфокусировался на стоящем в круге из цепей смущённом юноше. Зато когда сфокусировался, заголосил ещё громче: — Саа, Саа! Ты стал самим собой во плоти! Ва-а-а! Чернявенький Жгучий брюнет, ах! Ты чего там стоишь, как не родной? О! А это мой папа! Ой, Андарс! — Михей выцепил взглядом Хегга. — Ты же не хотел, чтобы папа тебя видел? Из-за меня так подставился! Прости-и-имгмм!

Вакей зажал мальчишке рот рукой.

— перевозбудился, — вздохнул он и посмотрел на Хранителя. — Забери его, Саартан... куда-нибудь подальше. Я с ним потом поговорю. Ремень бы...

— Не, ну а чего сразу ремень-то? — возмутился Михей, когда отец отпустил его.

— Того, что ты зачастил умирать без разрешения.

— Ну, пап!

— Не папкай. Саартан, уведи отсюда этого шалопаю.

Хранитель неуверенно кивнул Михею, мол, валим? Михей надулся и с громким «Пф!» потопал к двери.

— Лурвэ, иди с ними, пожалуйста, — попросил принцессу Ада Вакей.

Лурвэ без лишних слов послушно пошла следом. Когда все вышли, Вакей повернулся к Хеггу, который безуспешно пытался незаметно «исчезнуть» к себе в Небесный Храм.

— Я перекрыл все выходы, — усмехнулся Вакей. — Ты, конечно, Бог, но не в моём доме. Долго собрался от меня бегать?

— Я не бегал, — Хегг опустил глаза. — Откладывал разговор.

— Боялся, что я поругаю тебя за шашни с цайарами?

— Это... не просто шашни. Кажется, я случайно отдал им душу. Да ещё и должен остался.

— Тем более нужно было прийти ко мне. Или от меня ты тоже отрёкся, как от своего прошлого?

— На словах получается, что так. Но я бы никогда!..

— Знаю, — Вакей улыбнулся. — Иди сюда, блудный сын.

Хегг, не поднимая головы, подошёл к отцу, уткнулся ему носом в плечо, и чуть не разрыдался самым неподобающим Богу образом, когда тот крепко обнял его.

Михей сумбурно представил Лурвэ, что-то протараторив про ад, демонов и королевскую семью. И принялся скакать по гостевому залу, размахивать руками, давясь слюной и

воздухом, проглатывая слова и перепрыгивая с темы на тему, рассказывая Хранителю обо всём, что считал важным. А важным он считал, пожалуй, всё. Саартан вполуха слушал про Файлэнга, ставшего куратором, про сына Глиста и Гальционы — Гаона, личного клипера Михея, про семя Древа, про то, какой «Шу крутой и синий, когда в истинном обличье». Про хаимов и Андарса, пытавшегося шесть раз убить Михея... Ах, да! У Михея теперь прозвище Плут... Про Бэт, которая (скорее всего) выкрала кулон Фаархи у Хранителя, чтобы отдать его Мельхиору (не факт) — учителю нага, скоро уже бывшего главы Совета. Про то, что этот самый Мельхиор, он же Аист, живёт на Блуждающем Острове, который не найти даже Хеггу — новому Богу Суушира. Богу... да уж. И Лэуорд тоже теперь Бог. Что вовсе не удивительно: всё к этому и шло... Монолог Михея без предупреждения перешёл к пирожкам Дейрдре, порталу на Землю в её доме и приезду Кота с Иватарном, резко тормознул на слове «вампир».

— ... чтобы обмануть пророчество, — закончил Михей и обессилено рухнул в кресло. — Я обещал быть честным с тобой, Саа. Надеюсь, ты простишь меня, что я исподтишка хотел превратить тебя в вампира.

— Конечно, — машинально ответил Саартан. Его мозг блаженно растёкся по черепной коробке от звонкой трескотни мальчишки, по которой он скучал. Сам же говорил когда-то, что без неё так невыносимо тихо, что кричать хочется. Это правда, оказывается... Стоп! Превратить в вампира?! — Что?!

— А чего? — Михей подтянул колени к подбородку, сворачиваясь в кресле калачиком. — Самый подходящий вариант.

— Плутик, я вам только мешаю, — подала голос Лурвэ. — Я пойду, своих проведаю. Перепланировка Ада — дело серьёзное, контроля требует.

— Конечно, Лурвэ! — Михей скатился с кресла, подлетел к принцессе Ада, притянул к себе и нежно её поцеловал. Хранитель изумлённо вскинул брови. — Только тебе выйти из замка придётся. Тут, как в школе чародейства и волшебства, трансгрессировать нельзя.

— Трансгрессировать, — Лурвэ погладила Михея по щеке. — Какие ты слова знаешь. Всё, меня нет. Развлекайтесь!

— Спасибо, моя принцесса! — Михей дождался, пока за ней закроется дверь, заложил руки за голову и с невинным видом повернулся к Саартану. — Чего не так?

— Рога, крылья, хвост... она, правда, демон?

— Ага.

— И твоя... кто?

— Невеста.

Хранитель поперхнулся.

— Сам в шоке, — рассмеялся Михей. — Влюбился с первого взгляда. Или с первого тумака, там не ясно было. Оно взрывная, непредсказуемая, такая... Я таких ещё не встречал, в общем.

— Я думал, ты против всяких отношений. Что свобода для тебя важнее.

— Так и есть. Но Шу показал мне, насколько важно дарить кому-то свою любовь и получать её от кого-то. Я ошибся, оттолкнув тебя от себя тогда, в Меру. Испугался привязанности. Прости, Саа... — Михей подошёл к Хранителю и сел перед ним на корточки, положив острый подбородок ему на колени. — Ты стал мне так дорог, что у меня в голове помутилось. Я думал, что поступаю правильно, отпуская тебя, отдаляя от себя, чтобы ты научился жить сам. Но мне было так тоскливо без тебя эти долгие семь лет! И я

вдруг осознал, что тебе возможно так же больно... А Шу закрутил меня в таком водовороте событий, что вырваться было нереально. Он знает, что делает... но это было жестоко.

Саартан протянул руку, взлохматил мальчишке пушистые рыжие волосы.

— Подстричься бы тебе, — хрипло сказал он. Сглотнул и пояснил: — У кончиков выются, как у девчонки. Какой же ты король Ада с такой причёской?

Михей потёрся щекой о руку Хранителя.

— Меня — под ножницы, — мурлыкнул он. — А тебя — под клыки. Кардинальная смена имиджа.

— Дракон, Разрушитель и вампир. Гремучая смесь. Дай мне хоть немного передохнуть от извращений надо мной!

— Пара дней есть. Папа будет рад, если ты погостишь у нас. Ты его чем-то зацепил, а это не просто.

— Пара дней. Как щедро, господин адов прихвостень!

Михей показал Хранителю язык. Саартан закатил глаза и ущипнул его за нос.

Глист носился над Островом, распугивал крикливых чаек, то прячась в густых облаках, то выныривая из них вибрирующей белой каплей. Мельхиор наблюдал за ним с балкона и брезгливо кривил губы.

— Тебе давно пора сменить этого пони на кого-нибудь более породистого, Фаахи, — раздражённо проговорил Аист и обернулся на главу Высшего совета кураторов.

— Зачем? — Фаарха сидел на перилах, свесив с них длинный хвост, и ковырялся в экране своего браслета. — Он тебя бесит, а меня это забавляет.

Из сада внизу послышался весёлый девичий смех. Наг покосился на беззаботно воркующих среди благоухающей диковинными ароматами цветов зелени Бэт и Кофу, недовольно дёрнул щекой. Мельхиор, заметив это, ухмыльнулся.

— Ты превратил кураторскую организацию в сброд преступников мирового класса и осуждаешь меня? — спросил Хозяин Острова.

— Я даю возможность людям самим исправлять свои ошибки, а не коверкаю их карму вмешательством в сознание, — сухо зато ответил глава Совета.

— У тебя в совете достаточно недоброжелателей, чтобы задуматься над правильностью такого подхода.

— Советники — не слуги мне. У них у всех есть право выбора.

— Тебе не кажется, что ты создал культ самого себя?

— Я себя никому не навязываю. Зачем тебе Элисбэт Майер?

— Она носит под сердцем наследника Хранителя, — Мельхиор неприязненно взглянул на замигавший под пальцами нага браслет. — Когда он родится, Разрушитель потеряет связь с Менкаром. Всего лишь предосторожность.

— Вот как... А Кофа?

— Он главный претендент на роль Спасителя. Или ты забыл, что пророчество всегда дуально?

Глава Совета не ответил, надолго погрузившись в созерцание экрана перед собой. Браслет Фаархи тоненько пискнул.

— Оторвись от него уже! — Аист поморщился. — Поговори с отцом нормально, а

конце-то концов!

— Все вокруг считают меня твоим приёмным сыном, — наг поднял голову. — Почему ты до сих пор не сказал никому, что ты — мой настоящий отец?

— Потому что бастарды в нашей семье долго не живут, — Мельхиор облокотился на перила.

— А я, по мнению твоей семьи, зажился, как твоя игрушка? Они снова надавили на тебя, чтобы ты избавился от надоедливого змеёныша? Поэтому ты дал Кофе силу поглотить хаима? Хотел убрать меня его руками?

— Пойми ты, глупый мальчишка! Рано или поздно они доберутся до тебя! Ты знаешь мою семью: их методы воздействия куда хуже любого самого зверского убийства. Я хочу уберечь тебя от них!

— Заточив мою душу на Острове?

— Спрятав.

— Я сам разберусь... папа.

— Ты никто против них.

— Они считают, что ты утратил контроль надо мной и над Советом? — Фаарха свернул экран на браслете и в упор посмотрел на отца. — Совет набирает силу, власть цайаров в Системе ослабевает. Они боятся. А раз они боятся, то мы априори сильнее.

— Ты заблуждаешься, мальчик мой, — Мельхиор вздохнул. — Они ничего не боятся. Твоя самоуверенность погубит тебя. Но ты прав, моей семье не нравится тот факт, что никто не курирует кураторов. Нет контролирующего органа.

— Есть, учитель, — наг улыбнулся. — Божественный Закон.

— И много твоих советников прислушивается к нему?

— Все. Кто-то глуховат, не без этого, но все.

— Тебя не переспоришь, — Аист пригладил свой ирокез. — Я принял решение, сын мой.

Мельхиор раскрыл руку, и на ладони у него появился маленький золотой кувшинчик на цепочке. Фаарха сполз с перил, выпрямился перед ним, высоко поднявшись на гибком хвосте. Чистый, открытый и загадочно улыбающийся. С насмешкой в фиалковых глазах.

— Кулон — безделушка, — прошептал он, падая, когда Мельхиор смял кувшинчик в кулаке и рассыпал его золотой пылью. — Ты ошибся, отец.

Аист подхватил обмякшее тело главы Высшего совета кураторов, опустился с ним на колени. Приложил ладонь к груди нага. Прислушался — не бьётся ли сердце? Вздохнул, убедившись, что не бьётся. Наклонился и поцеловал сына в лоб.

— Ты снова сбежал от меня, мой Фаахи, твоя душа... — грустно сказал Хозяин Острова и посмотрел на небо. Чайки спокойно кружили над домом, белого катера нигде видно не было.

Глава III. Смена имиджа

Кот сдержанно похлопывал по спине повисшего у него на шее мальчишку. Иватарн, украдкой посмеиваясь над напарником, отправился в дом знакомиться с хозяевами. Фаарха внёс предоплату за проживание через Михея, но предстояло ещё утрясти кое-какие мелочи: в частности удовлетворить желание привередливого герти поселиться там, где никто не будет мозолить ему глаза.

— В подвале, — быстро сориентировалась Дейрдре, хозяйка дома.

— В подвале? — недоумённо переспросил Иватарн. И, стараясь, чтобы его слова прозвучали как можно вежливее, добавил: — Не думаю, что мой друг имел в виду нечто столь кардинальное, мадам.

— Обычно ко мне обращаются «госпожа целительница», но мадам тоже ничего, — Дейрдре сцапала куратора под локоть и повела к двустворчатым, распахнутым вовнутрь уходящего под уклон вниз коридора дверям в прихожей. — А подвал у меня комфортабельный, сами увидите. И в нём уже живёт один вампир. И ваш шебутной Михеюшка там же прописался со своим приятелем. Пойдёмте, пойдёмте! Ну что вы озираетесь, как будто я вас в казематы веду? Я люблю своих постояльцев и забочусь о них. У меня здесь всё прилично, чистенько.

Тотчас, опровергая её слова, где-то впереди раздался взрыв. В коридор пополз густой едкий дым. Запахло жжёной проводкой.

— Скормлю моропам, — непонятно сказала целительница, отцепилась от куратора и унеслась вперёд, на ходу отчитывая кого-то: — Мистер Вега! Ну, сколько раз я вам говорила, чтобы вы проводили свои порталные эксперименты под силовым полем! Совсем ополоумели?! У меня же гости!

Иватарн пожал плечами и пошёл за целительницей, прикрываясь от дыма полой плаща. Михей писал Коту что-то про Вегу и про то, что он с ним строит переход на Землю. А где Михей, там всегда взрывы, хаос, апокалипсис. Куратору вдруг стало жаль хозяйку дома: прилично и чистенько — это не к лису, он слов-то таких не знает.

— Иватарн, — навстречу куратору вышел...

— Цехариас Цевехан?! — Иватарн остановился, не веря своим глазам.

Научный руководитель проекта Гениум Акаторис словно сошёл с картинки из учебника истории, с тех страниц, где трагедия на Менкаре приводилась как показательный пример того, как опасно играть в Бога. Он улыбнулся:

— Мне нравилось, когда ты называл меня Хранителем.

— Саартан?!

— Мих тебя не предупредил?

— Он завалил Кота письмами, а меня обделил своим вниманием, — с долей ревности проговорил Иватарн. — Почему ты... Как ты... Что всё это значит?

— Долгая история, — Саартан закашлялся от дыма, махнул рукой, приглашая куратора следовать за ним. — Расскажу за кружечкой чая. Мы тут все крепко сидим на чае целительницы. Он у неё с местными травками, тебе понравится. Как долетели?

— Ни за что бы не долетели, если бы не маячок Шу.

— Фаарха в Суушире?

— Вылетел на несколько дней раньше нас.

— Хоть бы поздороваться заглянул, — проворчал Саартан и кивнул на разветвляющийся коридор. — Там дальше лаборатория, сейчас туда лучше не ходить. Я покажу, где вам можно разместиться. Здесь почти как у вас в камерах при отключении строго режима. Ты быстро освоишься. А я буду приносить тебе вина.

Хранитель встретился глазами с Иватарном. Чёрными и непрозрачными с медовыми похолодевшими. Усмехнулся.

— Я тут коварный канцлер и злобный Разрушитель, — сказал Саартан. — И шутки у меня соответствующие. А комнаты, и правда, больше похожи на камеры. Но уютные, без излишеств. Надеюсь, у Кота не случится приступ ностальгии...

— Ну, ты и язва, — Иватарн нахмурился. — Оброс колючками, как ёж-переросток. Я искренне был рад тебя видеть живым и здоровым.

— Не сомневаюсь. Но у меня пока мало хороших ассоциаций с кураторами. Я собираю своё дружелюбие по кусочкам. Вот попьем чаю, может, всё само образуется. Чай ведь с врагами не пьют.

Иватарн покачал головой. А Хранитель-то изменился не только внешне...

— Ох, Кот! — Михей крутился вокруг учителя, норовя подлезть тому под руку то с одной стороны, то с другой, как обрадованная возвращению хозяина собачонка. Хорошо хоть, лицо не лизал... — Я так много чего хочу тебе рассказать! У меня столько новых идей!

— Хоть бы раз было по-другому, — беззлобно фыркнул Кот. — Благодаря твоим идеям меня не существует. Ты забыл, что я — землянин?

— О! Всё не так просто!

— Вот это точно что-то новенькое, — Кот поймал ученика за шиворот. — Не мельтеши. Обычно у тебя всё: «Проще не бывает, Кот!».

Михей послушно пошёл с куратором рядом, привычно горбясь под холодной сухой ладонью на шее. Кот покосился на него и не удержался — погладил по рыжему затылку. Михей расценил это как приглашение, довольно ослабил и прижался к Коту боком. Кот усмехнулся.

— В чём хитрость моего существования? — спросил он.

— Вот смотри! — Михей вывернулся из-под руки учителя, забежал вперёд и вытащил из кармана шорт арах. Растянул его в сферу, сунул в неё пальцы, коснулся иконки «почта». Открыл письмо, развернул его в экран-пергамент и вытащил из арахы обычным листом бумаги. — Это как артефакты из Хранилища через браслет вытаскивать, только ещё круче! Артефакты-то, они в реальности существуют, на полочках стоят и всё такое. А это письмо было только виртуальным до того момента, пока я его не извлёк в реальность!

— То есть, я был виртуальным, пока Фаарха не забрал меня с Земли? — Кот скользнул взглядом по листу, зацепившись за подпись «Твой Шульга». — От него?

— Да и да, — Михей поспешно свернул письмо и спрятал его в карман.

— Непродуктивная фантастика, — Кот легонько толкнул мальчишку в плечо. — Топай. У нас с Ивом отпуск, не напрягай меня подобной ерундой.

— Не получится, учитель, — Михей крутанулся на пятках, галантно открыл перед куратором дверь. — Нужна твоя помощь.

— Запрუსь на Гальционе, — пригрозил Кот, останавливаясь.

— Тут кормят лучше, — Михей поймал его за рукав и заискивающе улыбнулся. — А где

Гальциона?

— Так я тебе и сказал.

— Нужда угонять её отпала с рождением Гаона. Я хотел узнать, где вы её подзаряжаете.

Мой клипер на вольных хлебах пасётся в Эреданнских горах. Там куча мест силы.

— В Лиге она. Но, если Ив спросит, я тебе этого не говорил.

— Не вопрос. Вы располагайтесь тут пока, дела обсудим вечером.

Вся компания спонтанно собралась в комнате Хранителя. Целительница Дейдрре принесла гостям целый поднос сладостей к чаю и сейчас деловито суежилась вокруг Михея с ножницами и расчёской. Михей каждый раз тяжело вздыхал и жмурился, когда на пол падала длинная рыжая прядь.

— А я страсть как люблю длинные волосы у мужчин, — Дейдрре отступила от него на шаг, полюбовалась своей работой и решительно принялась за чёлку. — Когда они ухоженные — это красиво.

— В Лиге со спины фиг разберёшься, кто не женщина, — Михей сдунул с носа упавшие волоски. — Да и с лица не понятно. Магией причёски уложат ещё, цветочек воткнут за ухо, серьги повешают, глазки подведут. Кожа гладенькая — ни тебе морщинки, ни прыщика. Что такое щетина там даже не знают!

Иватарн перехватил ироничный взгляд Кота, неосознанно прикрывая увесистые серьги в своих ушах золотистыми идеально уложенными (да, магией!) локонами, закусил губу.

— Будто ты знаешь, — Саартан посмотрел на Михея поверх большой чашки с ароматным чаем. — Ты уже правнуков нянчить будешь, когда у тебя над губой первый пушок появится.

— А тебе зато пока бриться придётся каждый день! — парировал Михей. — Ты же у нас теперь самый человечный человек!

— Ты же хочешь это исправить?

— Что значит — исправить? — вмешался в разговор Кот.

— Я подхожу к этому, учитель, — Михей отвёл глаза. — Опасно поднимать щекотливые темы, когда рядом с твоей головой мелькают острые предметы.

— А разве Саартан уже не дракон? — спросил Иватарн, мгновенно подобравшись.

— Не, — Михей мотнул головой, и Дейдрре шикнула на него. — Саа теперь самим собой стал. Отбросил всё лишнее, в том числе и чужое тело. Сменил костюм, что называется. Я его, можно сказать, из подкорки вытащил. Превращаться-то он может, потому что его энергия уже запомнила форму. Как мой папа в лиса прыгает. Это я лис от рождения, а папа-то — человек. То есть, в одном из миров он родился лисом, как и Саа родился драконом, но потом природа взяла своё. Ведь изначально они были людьми. А я людем никогда не был. Чистокровным. А вот моя мама...

— Ясно, закругляйся, — прервал своего ученика Кот. — Я начинаю понимать, куда ты клонишь.

— Рано ещё, учитель, — Михей стрельнул в него взглядом и взглянул в зеркало, поднесённое Дейдрре. — О! Госпожа целительница! Здорово! Крутотенюшка же! Я вылитый Том Круз!

— Кто это? — робко спросила засмутившаяся Дейдрре.

— Симпатичный мужик, покажу как-нибудь.

— Мужик, — кхекнул Саартан, разглядывая миловидное юное личико с курносый в конапушках носом.

Михей показал ему язык.

— Вот теперь точно похож, — серьёзно сказал Хранитель.

— Ближе к делу, — Кот отставил свою чашку с чаем.

Михей уступил кресло целительнице и встал в центре комнаты, чтобы видеть всех присутствующих. Или, что точнее, чтобы все присутствующие смогли детально рассмотреть его. И оценить важность вида, дабы проникнуться темой.

— Начну с того, — заговорил Михей менторским голосом. — Что у нас есть маленькая, но весьма неприятная проблемка. Существует пророчество, что в Суушир явится человек, который погрузит весь мир во тьму. Разрушитель, Чудовище, в нашем случае — Мифлецет. Заметьте — человек! К слову, дракон в пророчестве тоже имеет место быть. Разрушителя изображают в короне и в красном плаще верхом на чёрном драконе. Есть все признаки того, что Разрушитель — это наш Саа. Я лично беседовал с Мифлецетом у него внутри, в сознании. Так вот.

Михей выдержал паузу, обвёл всю компанию внимательным взглядом и продолжил:

— Я хочу обмануть пророчество. Ведь, если оно свершится, то наш Саа, — он сделал ударение на «наш». — Погибнет. Я проверил несколько источников, как Сууширских, так и из других миров, и везде нашёл упоминание человека. И нигде — вампира.

Иватарн подавился печенькой. Кот помрачнел. Дейдрре с гастрономическим интересом посмотрела на уставившегося в свою кружку Хранителя.

— Я понимаю весь риск, связанный с обращением Саа в вампира, — Михей понизил голос. — Не известно, как поведёт себя тьма внутри него. Поэтому я решил доверить его инициацию Коту, как опытному герти. И позвал целительницу для контроля над операцией.

— Это очень сложный и болезненный процесс, — голос Кота прозвучал глухо, словно издали. — Особенно, если растягивать его в целях безопасности. Разбивать на этапы.

— Как это связано с леди Септемберель? — быстро вставил свой вопрос Иватарн.

— У меня — никак, — ответил Михей и повернулся к Хранителю. — А вот его согласие... Саа?

— Сложно сказать, — отозвался Саартан. — Я во многом себя убедить могу. Даже в том, что с ней это никак не связано. Я много думал над тем, каково это — быть вампиром. Мысли стать им возникали неоднократно. А если это поможет избавиться от Разрушителя, то почему бы и нет?

— А если не поможет? — Кот пристально посмотрел на Хранителя. — Ты изменишься навсегда. И станешь связан со мной. Тебе мало одной кровной связи? И что, если появившаяся неуправляемая жажда, напротив, спровоцирует прорыв Разрушителя из твоей личности?

— Ты научишь его контролировать жажду, — сказал Михей, усаживаясь на пол. — Обуздав её, он и на Разрушителя узду наденет. Станет сильнее. Да и не навсегда это — до первой реальной смерти. Другой вопрос, что для полноценного обращения в вампира Саа должен умереть, чтобы его организм перезагрузился, и мутация начала работать. А все мы знаем, что происходит, когда Хранитель оказывается на пороге смерти.

— Я сжираю обидчика, — кивнул Саартан. — Выпиваю похлеще любого вампира.

— У нас появилось неожиданное решение этой проблемы, — Михей с важным видом

активировал свой браслет. — Так сказать отвлекающий манёвр. Послушайте это.

«Зачем тебе Элисбэт Майер?», — спросил из браслета голос главы Высшего совета кураторов.

«Она носит под сердцем наследника Хранителя», — ответил ему незнакомый голос. — «Когда он родится, Разрушитель потеряет связь с Менкаром. Всего лишь предосторожность».

«Вот как...», — протянул Фаарха. — «А Кофа?».

«Он главный претендент на роль Спасителя», — сказал его собеседник. — «Или ты забыл, что пророчество всегда дуально?».

— Ой, — Дейрдре закрыла рот ладошкой.

— Бэт... что? — Саартан медленно поднялся из кресла, меняясь в лице. — Беременна?!

Иватарн переглянулся с Котом.

— Откуда запись? — спросил он. — Шу говорит со своим учителем?

Михей вскочил, подошёл к Хранителю, успокаивающе похлопал по плечу, что-то шепнув на ухо и опуская обратно в кресло.

— Да... — Михей повернулся к кураторам. — Говорит...

В его глазах промелькнула грусть, и Кот, хорошо изучивший своего ученика, подозрительно прищурился.

— А запись, — Михей сморгнул и улыбнулся. — Шу прислал мне с Блуждающего Острова, того самого, который мы с Андарсом никак не могли найти. Оттуда не пробиваются слабые сигналы, поэтому Шу отправил сообщение Глисту, а Глист, напрямую связанный с моим клипером, ретранслировал её Гаону. Гаон переслал запись на мой браслет. Вот... Таким образом, как только родится ребёнок Саа, и Саа отключится от Менкара, мы сможем завершить обращение его в вампира.

— Если вообще начнём, — заметил Кот. — Я ещё не дал своего согласия.

— Думаю, вам с Саа нужно обсудить детали наедине, — Михей кивнул. — Может, ты ещё отговоришь его. Только имей в виду, учитель, что плана «Б» у меня нет. И времени тоже в обрез. Мифлецет долго ждать не будет, а появление потенциального Спасителя может сильно разозлить его. Да и жернова пророчества уже начали вращаться.

— Кофа — Спаситель, — простонал и без того обескураженный Саартан. — Кофа!.. А я — Разрушитель! И Бэт... жизнь ко мне несправедлива... Если Фаарха и об этом знал заранее, то я убью его! Шкуру змеиную спущу! И сумочку себе сделаю!

Губы Михея дрогнули, и он, помрачнев, молча вышел из комнаты. Закрывший ладонями лицо Хранитель этого не заметил, продолжая угрожать главе Высшего совета жестокой расправой. Иватарн вопросительно посмотрел на поднявшегося Кота. Тот дал понять, что идти за ним не стоит, и пошёл за своим учеником. Дейрдре тихонько вздохнула.

Михей стоял в подземном переходе, опустив голову и шмыгая носом. Кот бесшумно появился у него за спиной, осторожно дотронулся до его плеча. Михей крупно вздрогнул, повернулся к учителю, зарылся лицом ему в рубашку и расплакался. Кот обнял его, помолчал, давая возможность Михею немного успокоиться. А когда тот затих у него на груди, спросил:

— Он ушёл?

— Угу, — Михей отстранился от куратора, поднял на него блестящие от слёз глаза. — И ведь я понимаю, что он вернётся, но всё равно... Это ведь будет уже не тот Шу, которого я

знаю. Какой-то другой... его новое воплощение. Этот... этот проклятый Аист убил его!

— Объясни, — Кот полуприкрыл веки и застыл, как всегда делал, готовясь слушать что-либо неприятное.

— Шу умер в этом мире больше года назад, — Михей сунул руки в карманы шорт и принялся ковырять сандалией каменный пол. Он тоже всегда так делал, когда приходилось рассказывать учителю что-либо неприятное. — Но он взял одну жизнь себе в долг. Не спрашивай меня, как. Я не знаю. Знаю только, что Шу отдал свою душу на сохранение Саа, чтобы тот помог его будущему воплощению вспомнить, для чего оно появилось на свет. Андарс говорил мне, что у Шу в запасе ещё лет пятнадцать-двадцать. Ему Лэуорд сказал, а он... В общем, я думал, что у нас ещё есть время. Но учитель Шу решил иначе. Он... он...

Михей замолчал, пытаясь справиться с подступающими слезами. Кот прижал его к себе, погладил по голове.

— Зачем учителю убивать своего ученика? — совсем тихо спросил куратор. — Тем более, такого талантливоего?

— Слишком талантливого, — Михей хлюпнул носом. — Из разговора я понял, что Мельхиор хотел спрятать Шу на Острове. То есть, убил, чтобы другие не убили... Чтобы забрать его душу. А душа у Саа. А если Саа станет Разрушителем, то... Мне страшно, Кот.

— Тебе? — удивился Кот.

— Угу.

— Катастрофа.

— Не то слово, — Михей вытащил руки из карманов, обнял Кота за талию. Почувствовал, как тот напрягся, и хитро улыбнулся. — Конец света. Я ведь теперь новый глава Высшего совета кураторов Шельяара.

— Ухо откушу за такую ересь.

— Я не вру, учитель. Ты скоро получишь уведомление. Но мне нужно, чтобы о смерти Шу никто больше не знал. Ой!.. Кэпу сказать же надо... И Саа... Кэпу я не смогу. Скажешь ему сам?

— Скажу, — Кот не выдержал лисьих объятий и нервно высвободился.

— Почти тридцать секунд, — Михей самодовольно посмотрел на учителя. — На семь секунд дольше. Прогресс.

— Не испытывай меня, — Кот поморщился и отступил от него подальше. — Ты ещё куратором не стал, чтобы в главы метить.

— Стал. Сегодня утром пришло подтверждение.

— Нельзя в один и тот же день стать и куратором и главой Совета кураторов!

— Я исключение.

— Ты лично моя головная боль, — Кот раздражённо потёр висок. — А теперь ещё и всей Системы!

— Стараюсь, учитель!

Михей перечитал письмо от Шульги ещё раз. Стукнул кулаком по столу. Хороший мой, родной мой... Да что стоят теперь эти слова, когда рядом уже никто не произнесёт их вслух?! Я, такой сякой, втянул тебя и бла-бла-бла. Сплошные красивые обороты речи, за которыми, если не вглядываться, и не заметишь конкретной инструкции, что делать, кого избегать, а кому можно довериться. Шу в своём репертуаре. И втянул... Да Михей сам втянулся с превеликим удовольствием! Утонул в трясине политических дрызг, и сверху

потоптался, чтоб наверняка не выбраться. Что может быть интереснее интриг власть имущих? Вот то-то и оно. Скажи Михею — это тайна. И всё. Он твой от носа до кончика хвоста. Ну не умеет Михей терпеть то, чего объяснить не может. Когнитивный диссонанс случается, а там и до невротических состояний недалеко. Навязчивые идеи... Шу называл их божественным стремлением. Шу...

Михей поднёс уголок письма к зажженной свече. Бумага нехотя затлела. Михей вздрогнул, когда вскинулся первый язычок пламени, испуганно отдернул письмо от огня и пальцами затушил расплзающееся по пергаменту чёрно-рыжее кружево. Там так много слов, которых он больше никогда... ну, или ещё очень долго не услышит. Михей бережно свернул письмо и сунул в карман шорт как раз в тот момент, когда в комнату зашёл Саартан. Вид у Хранителя был несчастный.

— Мих, прости меня, — Саартан подошёл к нему, дернул плечом.

— Всё нормально, Саа, — Михей заставил себя улыбнуться. — Ты ведь не знал. И говорил не всерьёз. Как Кэп отреагировал?

— Шокирован.

— А ты?

— Я... тоже не ожидал. Почему, Мих?

Почему... Да потому что Мельхиор мог. Имел право распоряжаться жизнью своего сына. Родного сына. Цайары привыкли думать, что им всё дозволено. Высшая раса, элита Шельяара. Блюстители Божественного Закона. Игроки высшей категории.

— Потому что Шу нужно уйти на время.

Они не примут тебя всерьёз, мой мальчик. Большая Игра выйдет в открытое поле. Они поднимут свои многоликие головы высоко над землёй, дай им такую возможность. И тогда мои махайры снимут их одним певучим взмахом...

— На время, — Хранитель вздохнул. — И где мне искать Ракеша?

— Лишь стоит ближе подойти, как стены пятятся назад, — пробормотал Михей. Тряхнул головой, сгоняя наваждение. — Не переживай пока об этом. Лучше скажи мне, что ты планируешь делать с Бэт?

— А... э-э-э... — Саартан озадаченно сел на заправленную кровать. — Ты не собираешься спать?

— Саа...

— Ну... я в роли отца? Не смей меня.

— Ты отлично заботился обо мне на Панайре. Такой пап был, — Михей подсел к нему, пихнул его плечом. — У меня будет дочка, а у тебя сын. Я уверен, что сын.

— Какая ещё дочка?!

— Йена же, Саа! Она воплотится в нашем с Лурвэ ребёнке.

Хранитель ошарашено уставился на друга. Безумного и крайне взбалмошного друга. Причиняющего добро одним взмахом хвоста. И особенно тем, кому это добро даром не нужно. Бедный Файлэнг... Михей хихикнул, улёгся Хранителю на колени и вздохнул:

— Взрослеем. Так что с Бэт-то?

— Я не знаю... Аист подсунул её мне, чтобы я... — Саартан покраснел. — Вторая женщина прыгает ко мне в постель из корыстных побуждений.

— Думаю, с фрейлейн Майер у вас всё получилось естественно, — Михей потрогал

колючий подбородок Хранителя. — Ты красавчик. Шекира часто спрашивала у Шу про тебя. Может, влюбилась?

— Да ну тебя.

— Пылкая мулаточка, м...

— Андарсу язык отрежу, — Саартан щёлкнул приятеля по носу. Задумчиво помолчал. —

Мне нужно увидаться с Бэт, — сказал он после раздумий. — Обсудить. Попасть бы на Остров. Посмотреть в глаза этому Мельхиору.

— Там Глист, он как маяк для Гаона, — Михей восторженно воскликнул. — Мы знаем, где Остров. О!..

— Что?

— Кот обратит тебя в вампира?

— Он... не то, чтобы за. Сказал, что бессонница, кошмары, галлюцинации и помутнение рассудка — самое приятное, что будет ждать меня в процессе постепенной мутации. И что мне придётся пить его кровь.

Хранитель брезгливо сморщился.

— Его кровь горячая, — Михей со вкусом облизнулся, и Саартан сморщился ещё больше. — Кот сам холодный, а кровь у него прям обжигает. И в ней такая сила... Древняя, могучая. Ты получишься крутым вампиром. Проблема в том, что если мы начнём обращение, то тебе нельзя будет удалиться от Коти. А Остров... Он как бы в другом измерении маленько.

— Я тебя одного не пущу.

— А я и не хочу отпускаться, Саа, — Михей прижался к Хранителю. — Придумаем что-нибудь.

— Род Гофрэйдх берёт своё начало от чистокровных веригертов, — Кот покачивался на носках и говорил медленно, монотонно. — Мутации пестовались веками. Первые инициированные не могли продолжать род, но вот внутриутробно обращённые дети — другое дело. Так появились герти. Так была основана семья Гофрэйдх.

— Но Септемберель обращённая, а у неё есть дочь, — Саартана одолевала сонливость, но он старался слушать куратора внимательно. — Как так?

— У леди Септемберель древняя кровь, а её муж — маг, — Кот перестал раскачиваться. — К тому же Берак из последнего поколения веригертов. Был. Любой молодой вампир при желании может оставить потомство. Так кровь становится ещё сильнее. Но это очень сложный и энергозатратный процесс.

— Дочка Септемберель — вампир?

— Да.

— А почему это не приводит к вырождению веригертов? Ведь кровь постоянно разбавляется.

— Веригертов — ведёт, а герти адаптируются, и с годами их мутация только набирает силу.

— А чтобы обратиться, обязательно умирать?

— Мы перезагружаем систему твоего организма, чтобы обновления начали работать. Иначе может случиться сбой, и ты сгниёшь заживо. И лишишься рассудка.

— Ладно... кажется, я готов.

— Ты будешь любить меня даже тогда, когда люто возненавидишь, — насмешливо предупредил Кот. — И не сможешь ослушаться прямого приказа. Я смогу делать с тобой всё, что захочу. А ты будешь благодарить меня за любое унижение.

— И как мне этого избежать?

— Убив меня?

— Это реально?

Кот улыбнулся, слегка обнажив клыки. Под полуопущенными ресницами метнулось зелёное пламя. Он шевельнулся — Саартан моргнул — и оказался у Хранителя за плечом. Наклонился к самому уху.

— Никто не застрахован, — лаконично ответил Кот.

Саартан поёжился. От куратора веяло холодом.

— Мих сказал, — Саартан громко сглотнул, чувствуя дыхание Кота на своей шее. — Что у тебя горячая кровь. Почему?

— У людей помимо физического есть ещё несколько тел более тонкого плана. Они пропитаны жизненной энергией. А герти — как чёрная дыра. Их жажда заменяет им всё. Но их кожа наэлектризована силой совсем другого порядка, и только кажется холодной при мимолётном прикосновении. Ты слишком напряжён, — голос Кота сделался ласковым и текучим. — Успокойся, отпусти мысли. Расслабься... Впусти в себя всю мощь и могущество рода Гофрейдх... Ты хочешь отдать мне всего себя...

— Хочу...

— Хочешь, чтобы я проник в тебя...

— Хочу...

— Хочешь ощутить сладостный ток в своих венах...

— Да...

Хранитель протяжно выдохнул, когда клыки Кота проткнули кожу на его шее.

Глава IV. Точка невозврата

Шприц-ампула пискнула. Саартан откинулся в пилотском кресле Гаона, чувствуя, как по венам бежит морозная змейка. Пить кровь Кота он уже не мог — желудок отторгал её, скручивался в мучительных судорогах. Да и обычную пищу Хранитель ел уже с трудом. Процесс обращения, растянувшийся на несколько месяцев, измотал его, но точка невозврата уже пройдена: впереди либо превращение в вампира, либо безумие и смерть. Исходя из нынешнего состояния Хранителя, безумие и смерть казались ему наиболее перспективным исходом.

— Дейдрре собрала нам скарб на месяц, — Михей забрался в соседнее кресло, окинул приятеля встревоженным взглядом. — Ты как?

— Месяц продержусь, — ответил Саартан. — Колоть себе замороженную кровь не то же самое, что пить тёплую живую, но разница в эффективности не такая уж большая. Лишь бы она была в организме.

— Может, останешься? Хреново выглядишь.

— Не дождёшься. Целительница — очаровательная женщина, но быть её пациентом — это выше моих сил.

— Ладушки, — Михей позволил щупальцам Гаона обвить свою голову. — Подключать тебя к кораблю я не буду, да и клипер мой с характером. Так что можешь отдохнуть в каюте. Как окажемся на Острове, я отпущу Гаона повидаться папой. Так и так нельзя светить технологии в Суушире. Поэтому возьми всё необходимое с собой.

— Я уже собрался, Мих, — Саартан прикрыл глаза. — Мне и здесь хорошо.

— Тогда, — Михей кивнул. Гаон мягко завибрировал. — Погнали. Надерём этому Мельхиору нежную цайарску попку!

— Мих?

— А?

— Залетим по пути в Нелекреан?

— К твоей вампирше? Ты в курсе, что Мирэной стал королём? Судя по твоим рассказам, он тот ещё засранец. Думаешь, нас пропустят во дворец?

— С тобой нас везде пропустят.

— Это да, но... Уверен, что тебе стоит встречаться с Септемберель? Особенно сейчас.

— Сейчас — особенно. Я должен ей кое-что вернуть.

— Она не отпускает тебя, да?

— Кровные узы разрушены.

— Я не о них.

Саартан открыл глаза, покосился на друга. Михей смотрел внимательно, без обычной лукавой полуулыбки.

— Смешной ты в этих проводах из головы, — Хранитель снова закрыл глаза и поёрзал в кресле, настраиваясь на долгий перелёт.

— Саа.

— Чего?

— Ты всё ещё любишь её?

— Боюсь, это навсегда, Мих, — ответил Саартан после долгой паузы.

— Слишком долго... и безнадежно.

— Ну почему же? Нелекреанские ангелы не бессмертны, а у меня скоро будет целая вечность впереди, чтобы... дожждаться.

— Как-то грустненько это прозвучало.

— Летим уже, а?

— Летим, — Михей вздохнул.

Он дал команду клиперу на взлёт. Гаон обрадовано уркнул и, похожий на бумажный самолётик, стрелой ушёл в небо.

Город-государство Нелекреан впечатлил Саартана даже больше, чем Столица. Он казался миражом среди юго-восточных диких джунглей из-за обилия стекла и прозрачного камня в хрупких на вид стройных башнях, уходящих тонкими шпилями высоко в небо. Все строения города соединялись между собой целой сетью мостов, многоэтажных балконов и лоджий, и среди этой паутины белого дерева и металла сновали юркие летучие экипажи, умудряясь лавировать среди пикирующих на своих крыльях с улицы на улицу горожан. Почти все нелекреанцы были крылаты, а некоторые из них имели настолько густое оперение на спине, что жёсткие щетинки напозлали даже на грудь, лицо и руки оригинальным рисунком. Люди-птицы, нелекреанские ангелы.

Саартана и Михея на удивление легко пустили в королевский дворец. Даже не пришлось прибегать к плутовскому дару убеждения. В должности канцлера Императора Арвинталя есть свои плюсы, как оказалось. Хранитель настоял на аудиенции с королевой и, получив согласие, оставил Михея любопытствовать в дворцовом саду, а сам под надзором бдительной стражи поднялся в личные покои её величества.

Снаружи многократно отражённое от стеклянных витражей и блестящих крыш домов солнце палило нещадно, а здесь, в королевских апартаментах, царилла благодатная прохлада и тень. Плотно задвинутые тяжёлые шторы на окнах и зажженные редкие свечи создавали в комнате уютный полумрак. Было свежо, как весенним утром, пахло ландышами, корицей и кофе. Хранитель нерешительно замер на пороге.

— Проходите, господин Саартан, — Септемберель поднялась с кресла, скользнула по гостю взглядом. — Вы изменились. Будете кофе?

— С чего вы взяли, что это вообще я? — брякнул Хранитель, жестом отказываясь от кофе.

— Энергетическую подпись сложно подделать, — эльфийка повела плечом, мол, как хотите, отошла к стеллажу с книгами, пробежалась нервными пальцами по корешкам книг. — О чём вы хотели поговорить со мной?

— Как же вы тогда не узнали меня там, в Лиге? — Саартан подошёл к ней почти вплотную.

— А должна была? — Септемберель чуть повернула к Хранителю голову.

— Могли бы.

Септемберель быстро развернулась, встретилась с Саартаном глазами. Грустно улыбнулась, провела тыльной стороной ладони по его щеке.

— Что же ты с собой сделал? — она наклонилась к уху Хранителя. — Глупый кролик.

Саартан двинул желваками, помрачнел. Отступил от эльфийки на шаг.

— Память вернулась ко мне не сразу, — Септемберель зябко обняла себя за плечи. —

Мой разум был в смятении после потери Хозяина. Но тебя я вспомнила. Ты отдал меня змею.

— Я отрубил голову Бераку.

— И надел на меня кандалы.

— Чтобы спасти тебя.

— И подчинил своей воле.

— Я... сглупил.

— Неразумный зверёк, — Септемберель невесело усмехнулась.

— Я не хотел делать тебя рабыней, — Саартан, глядя в пол, вынул из кармана брюк алую каплю серьги. — И пришёл, чтобы отдать тебе это.

Он протянул серьгу эльфийке. Септемберель поколебалась мгновение, осторожно взяла каплю кончиками пальцев.

— Ты отпускаешь меня? — глухо спросила она.

— А ты меня нет, — Саартан поднял на эльфийку полный боли взгляд.

— Мне жаль, — Септемберель с лёгким хрустом сжала серьгу в ладони и отвернулась. — Бедный мальчик.

Сердце Хранителя заныло, взмолилось, чтобы он сделал шаг — всего один шаг! — и обнял эти чуть подрагивающие плечи, прижал к себе затянутую лентами корсета спину, обжёг поцелуем тонкую шею — ещё одним, ещё и ещё, пока не перехватит дыхание! — но...

— Понятно. — Хранитель дёрнул головой, резко развернулся и направился к выходу. — Прощайте, ваше величество.

Септемберель не ответила. Только тяжело облокотилась на стеллаж, приложила руку к животу. Вздогнула, когда хлопнула дверь и низко опустила голову.

Михея Саартан нашёл у фонтана, изображающего крылатого воителя, пронзающего копьём многоглавую змею.

— А ты знал, — Михей лежал животом на парапете и задумчиво водил рукой в прозрачной воде, — что в Суушире раньше не было нагов?

— А сейчас? — Хранитель нетерпеливо огляделся.

Остаться в пределах дворца больше положенного ему не хотелось.

— А сейчас достаточно много для того, чтобы воевать с птицами. Мне вот интересно, это Шу их тут расплодил? Скрывает в Суушире своих незаконнорожденных детей?

— А у него законнорожденные есть?

— Твоя правда, — Михей слез с парапета. — Ты быстро.

— Я сделал всё, что хотел.

— Всё — это целовашки-обнимашки и одеялко сверху вместо одежды. Что-то я сомневаюсь, что ты провернул бы такие дела за пару минут.

Саартан болезненно скривился:

— Давай уйдём отсюда поскорее, Мих.

— Она тебя послала?

— Нет.

— А что тогда?

— Мих, — начал терять терпение Саартан, — я не хочу сейчас об этом говорить. Вернёмся на Гаон, пожалуйста. Здесь слишком жарко для начинающего вампира.

Михей вздохнул, дружески пихнул Хранителя плечом, сунул руки в карманы шорт и,

насвистывая мелодию, подозрительно напоминающую похоронный марш, потопал к воротам. Саартан хмыкнул и пошёл следом. У самых ворот их догнал Мирэной. Хранитель опасливо покосился на сопровождавших его стражников, но те, стоило королю остановиться, застыли как истуканы, не выказывая враждебности.

— Господин Саартан, — Мирэной окинул Хранителя прохладным взглядом, поднял бровь. — Вы изменились.

— Меня уже просветили, спасибо, — Саартан незаметно схватил порывающегося что-то сказать (и хорошо, если не сделать) Михея за майку. — Проблемы?

— Нет, — король Нелекреана отвёл взгляд. — Я... никогда не думал, что скажу вам такое, но... спасибо.

— За что? — удивился Саартан.

— Вы вернули моей жене свободу, а это дорогого стоит. Спасибо.

Мирэной без дальнейших разъяснений зашагал прочь. Михей присвистнул.

— А не такой уж он засранец, — сказал он.

— Ага, переломился поблагодарить, ишь ты, — откликнулся Саартан.

— Но ведь получается, что всё это время он знал, что серьга у тебя? И ничего не предпринимал. Почему?

— Почему он не убил меня, скажем, на полигоне? Несчастный случай не подстроил или ещё чего?

— Ну... да.

— Не знаю, Мих. Может быть, ему Лорд запретил.

— Или твоя вампирша не хотела.

— Это вряд ли. Мне пора принимать дозу котовской крови. Он солнца голова уже кружится.

— А Кот любит солнце.

— Флаг ему в... руки.

Михей рассмеялся, сцапал Хранителя под руку и потащил его на шумные улицы Нелекреана. Саартан с тоской оглянулся на занавешенное шторами окно королевских покоев. Ему показалось, что занавеска на нём едва заметно шелухнулась. Показалось...

Гаон нырнул в плотную пелену облаков и долго летел в их молочной кисее, пока, наконец, не отыскал узкое светлое пятно. Клипер вынырнул над бескрайним океаном и завис в воздухе, сбитый с толку изменившимися координатами. Рецепторы показывали, что где-то рядом земля, а внизу только сверкающая гладь воды под куполом чистейшего ослепительно синего неба, без намёка на облачко, и никакого острова. Даже самого захудалого рифа.

— Просто лети вперёд, — скомандовал Гаону Михей. — На голос папы.

Клипер поворчал, перенастраивая радары, сделал замысловатую петлю и устремился в кажущуюся бесконечность. Остров появился в обзорных экранах, когда Гаон уже шёл на снижение.

— Высадимся на побережье, — сказал Михей дремлющему в соседнем кресле Хранителю. — Оттуда уже пешкодрапом.

— Опять солнце, — вздохнул Саартан и сладко потянулся. — На твоём корабле самая

комфортная для меня атмосфера.

— Не привыкай спать в креслах, — Михей лихо спикировал на пустынный пляж и отключился от клипера. — Это привилегия Кота.

— Не пробовал подсовывать ему коробку? — Саартан нехотя вылез из удобного ложемент.

— Зачем это? — не понял Михей.

— Кошки любят забираться в коробки. Это же святая истина.

Михей прыснул, представив своего учителя свернувшимся клубком в картонном ящике. Саартан сдержанно улыбнулся. Пожалуй, за счёт крови он побольше своего друга знал о той мощи, что таилась в древнем герти, поэтому нелепость картинки забавляла его сильнее, но в то же время смущала. За то недолгое время, что Кот делился с Хранителем силой, Саартан проникся глубоким уважением к старому герти, только вот избавиться от привычки подкалывать его так и не смог. Холёная вредность не позволяла. И та же вредность мешала Хранителю наладить отношения с Иватарном, хотя Михей упрямо настаивал на том, что все члены его (как главы Высшего совета кураторов, разумеется. Знал бы ещё совет этот, что у них новый глава...) команды должны всецело доверять друг другу. Как же доверять тому, кто до сих пор не смирился с тем, что какой-то мальчишка занял место его любимого учителя и сердечного друга? Где ревность, там и враждебность...

Саартан почувствовал пристальный взгляд Михея. Подозрительно прищурился — мысли читает? Не должен бы. С некоторых пор разум Хранителя надёжно скрыт под завесой тьмы и амулета Вакея.

— Ты во мне дырку прожечь хочешь? — поинтересовался Саартан.

— Интересно, о чём ты так крепко задумался, — Михей встал с кресла, кивнул другу, мол, пора идти.

— О кураторах. Мы сейчас с тобой на них похожи.

— Ага, и прилетели вмешиваться в дела того, кто всю эту кураторскую фигню выдумал, — Михей хихикнул. — Глава Совета с напарником против отца-основателя.

— Что ты планируешь делать с Мельхиором?

— О, как звучит-то! Кто я для него? Муравей под сапогом всего лишь. Кусачий такой муравей, но так и эдак — насекомое. Только сапог не учёл, что у муравья друзья есть, — Михей ласково погладил Хранителя по плечу. — Цайары не верят в силу дружбы. А я верю.

— И я в тебя верю, — Саартан перехватил его руку у локтя в скрепляющем слово жесте.

Михей ответил на свойственное воинам и братьям рукопожатие. Посмотрел в глаза Хранителю с теплотой и благодарностью. Кивнул.

— На штурм Острова? — спросил Михей.

— На штурм Острова, — ответил Саартан.

Гаон проорчал что-то ободряющее и спустил трап на песок.

Маленькую деревню окружал высокий острозубый частокол. Михей и Саартан, не таясь, подошли к массивным воротам.

— Есть кто дома? — громко крикнул Михей.

В ответ за частоколом послышалось какое-то шевеление, и поверх зубьев высунулись головы. А за головами показались хищно блеснувшие на солнце острия стрел. В воротах

приоткрылось прямоугольное окошечко.

— Из какого отряда? — грубовато спросили из него.

— Э... Альфа? — Михей переглянулся с Саартаном.

— Что ещё за альфа? — окошечко открылось полностью. Выглянувший мужчина подозрительно оглядел путников. — Звери вы какие, я спрашиваю?

— Я — лис, а это, — Михей указал на Хранителя. — Дракон.

— А, Псы и Ящеры. Хм... У нас обычно разнополые пары приходят. Как вас угораздило-то?

— Да как-то... вот.

— Ладно. Оружие при себе имеете?

— Не, — Михей покрутился, показывая, что не вооружён.

Саартан развёл пустые ладони в стороны. Эти люди же не о внутреннем оружии спрашивают?.. Ворота загромыхали засовом, и створки разошлись.

— Проходите, — мужчина, молодой и крепкий, приглашающее махнул с резным посохом в руках. — Только без глупостей.

— Ладушки, — Михей завертел головой, разглядывая подошедших к ним людей.

Хмурые, настороженные. Одеты в самодельную одежду, с самодельным же оружием. Луки, копья, дубинки и всего у троих — посохи. Ни детей, ни стариков: самому младшему жителю деревни лет семнадцать, самому старшему — немногим за тридцать. Дома в деревне походили больше на обустроенные шалаши и навесы из жердей, плетёных стен с гамаками в несколько ярусов и верёвочными лестницами.

— Меня зовут Марке, — представился впусивший путников мужчина. — Я тут вроде старосты.

— Где тут? — моментально среагировал Михей.

— Э... — Марке почесал посохом затылок. — В деревне. Не на Острове же.

— А можно стать старостой Острова?

— Ну, если станешь — сможешь уйти отсюда. Или уплыть, я уж не знаю.

— А так просто, значит, не уплывёшь?

— Вы, ребята, с какой луны упали? — староста нахмурился. — Это же Остров! Сколько не греби в море, всё равно обратно приплывёшь. Все отряды хоть раз да пробовали!

— А что за... — Михей скривился и замолчал, получив болезненный тычок под рёбра от Хранителя.

— Мой друг очень устал, — мягко сказал Саартан. — На солнышке перегрелся. Ему бы воды и пожевать чего-нибудь. Получится?

— Отчего же не получится-то? — Марке подозрительно покосился на поджавшего губы Михея и повернулся к Хранителю. — Пока вы гости — мы угощаем. А захотите остаться, то отрабатывать еду придётся. У нас тут нет волшебного алтаря, всё сами добываем. Идёмте.

Саартан «понимающе» закивал и потащил друга за старостой в деревню.

— Они нас за кого-то приняли, — шепнул Саартан в ответ на возмущённые взгляды Михея. — Пусть так и остаётся пока.

— Ага, — так же шёпотом отозвался Михей и соорудил страшную мину. — Меня тоже слово «разнополые» малясь напрягло.

Саартан кхекнул. На это как раз он внимания не обратил.

Староста отвёл гостей в свой дом-шалаш, познакомил с женой Тейлой, накормил

обедом из рыбной похлёбки с лепёшками. Охотно рассказал о себе.

— Я на Остров попал уже маленьким, — говорил Марке. — Мне лет десять было где-то. Уснул в своей кровати дома, а проснулся на алтаре у Медведей. Долго ревел, хуже самых маленьких, никак привыкнуть не мог, что теперь надо как-то жить без папы и мамы. А дома-то всё мечтал стать самостоятельным, сбежать от родителей, эх... Сбежал вот. Дальше ничего, освоился. А когда подрос, встретил Тейлу, — староста с любовью посмотрел на хлопчущую у стола жену. — Встречаться тайно стали. Ну, а потом, сами понимаете: бабочка и изгнание.

Михей открыл было рот, чтобы что-то спросить, глянул на Саартана, вздохнул и кивнул, мол, конечно, понимаем мы всё. Бабочка. Чего уж тут непонятного-то? И алтарь у медведей — чем чёрт не шутит?

— Мы сперва хотели к Куницам идти, — продолжал между тем Марке. — Ходят слухи, что они принимает Взрослых. Их вожак свою какую-то Игру ведёт, Аист его пока никак не наказывает, вот люди к нему и тянутся. Но потом мы наткнулись на эту деревню. Подумали, что устали от всех этих игр и решили остаться. Я старостой стал, когда Лема убили.

— Убили? — Саартан перестал жевать лепёшку.

— Ну да, те же Куницы. Мы к ним за провиантом сунулись перед сезоном дождей. Одной рыбой не особо прокормишься ведь. Да и фрукты поднадоедают. А у них алтарь как раз прислал новую партию запасов, включая одежду... Да что теперь говорить-то? Поторопились, вот и попались. Вы-то что думаете дальше делать? К нам впервые два мальчика приходят, не знаю, как к этому остальные отнесутся.

— А... э-э-э... — Саартан с мольбой посмотрел на Михея: я запутался — выручай.

— А две девочки? — тут же нашёлся Михей.

— Девочек того, — Марке смутился. — Тоже не было. Да и в отряде... мы с Тейлой не единственные были, кого изгнали за... ну... сами знаете. Но все уходили обычными парами, даже если без любви спали друг с другом.

Хранитель поперхнулся и надолго закашлялся. Михей с гаденькой улыбочкой снисходительно похлопал его по спине.

— У нас с Саа всё сложно, — веселясь, сказал Михей. — Любовь — такая штука, знаете ли... неоднозначная. А у меня ещё волосы тогда длинные были, мордашка симпатная — тут любой пороги попутает. Вот Саа и... а там, сами понимаете — бабочка и всё такое прочее.

Саартан, сгибаясь от жестокого кашля, промычал что-то невнятное, но близкое к «убью». Михей приобнял его за шею, прильнул к нему боком. Хранитель протестующе дёрнулся, вскочил, раскрасневшийся, вытирая проступившие слёзы:

— Я не... мы не...!

Михей подлез ему под руку, улыбаясь от уха до уха.

— Саа у меня чувствительный, — пропел он медовым голоском. — Эмоциональный. Не осознал ещё. Можно мы наедине поговорим с ним? Ты не против, Марке, м?

— Да нет, не против, — староста пожал плечами. — Можете в детской устроиться пока. Вон там...

Тейла резко обернулась на мужа. Марке втянул голову под её предупреждающим взглядом в плечи и прикусил язык. Михей прищурился.

— Так куда идти-то? — спросил он, наступая на ногу ярившемуся Саартану.

— Я... — староста запнулся. — На улице тепло, пока можно пожить в сарае... Там подберём вам что-нибудь, если останетесь... Обедать можете у нас. Хорошо?

— Ладушки. В сарае — так в сарае. Мы с любимым неприхотливые. Михей захихикал. Саартан сжал зубы, сдерживая рык.

— Что. Это. Было?! — Хранитель пнул стоящие возле входа плетёные корзинки.

Корзинки с жалобным треском разлетелись и раскатились по всему сараю. За перегородкой возмущённо замыкали козы.

— Не кипятись, Саа, — Михей бухнулся в гамак, закрыл глаза и блаженно обмяк в нём. — Сам же сказал подыгрывать. Вот я и подыгрывал.

— Да они же теперь всерьёз думают, что мы с тобой... мы... — Саартан яростно потёр лоб, подыскивая подходящее слово.

— Любовники? — глумливо подсказал Михей.

— Да! То есть нет! То есть да! Мих!?

— А? — Михей приоткрыл один глаз.

— Но это же не так!

— Не так, — согласился Михей. — И я не понимаю, что тебя тогда взбесило, раз они ошибаются?

— Да потому что... — Саартан сел на бочку, скрестил руки на груди и наморщил лоб. — Не правильно это как-то.

— Тебе не плевать на мнение абсолютно незнакомых людей? Или ты тут решил навсегда обустроиться и собираешься баллотироваться в старосты? Кстати! Чёрный пиар — гарантированное средство для узурпации власти.

— Мих!

— Ну чего Мих-то? — Михей принял полусидячее положение в гамаке. Глянул на Хранителя смеющимися глазами. — Я бы на их месте тоже подумал, что мы с тобой — пара. В каком-то смысле так и есть же! Саа, давай сначала разберёмся, что здесь к чему, а потом уже будем переживать по поводу имиджа, м?

— Всё бы тебе разбираться, — буркнул Саартан и надулся. — А что меня в мужеложцы записали, тебя не волнует.

— Да ещё и в межрасовые, ай-яй...

— Да. Ты вообще лис. А это уже зоофилия!

— Ой, не говори! Подумать страшно! А если учесть, что ты драко-он... Не-не-не! Не надо мне таких картинок! Я ещё маленький и почти невинный!

— Почти?

— А ты думал, мы с Лу только за ручки держимся, м? — Михей подмигнул Хранителю. — Если твои рассуждения продолжать, то спать с демоном — вообще самый извращённый грех!

— На Земле тебя точно не поймут, — Саартан перестал дуться, встал с бочки. Быстро пересёк сарай и сходу запрыгнул в гамак к Михею, заставив того крякнуть и с кряхтением подвинуться. — А рога и хвост на определённые мысли наводят, да.

— Миры разные, и во всех свои заблуждения, — Михей удобно устроился под мышкой Хранителя, как под крылом дракона когда-то на Панайре. Хихикнул: — Вот ща кто-нибудь зайдёт, а мы тут вдвоём в одном спальном месте. Хочешь, я майку скину для правдоподобия?

— Вот ща, — передразнил друга Саартан, — я тебя отсюда скину, и будешь спать с козами. Как любитель рогов и хвостов. В сарае один гамак вообще-то, а солома на земле меня как-то не прельщает.

Михей рассмеялся. Хранитель поёжился и невольно улыбнулся: от смеха под рукой ему стало щекотно.

— Мих? — помолчав какое-то время, позвал Саартан.

— М? — Михей сонно заворочался.

— Спишь уже что ли?

— Угу, чего-то разморило от жары и похлёбки.

— Быстрый какой... мы же поговорить хотели.

— Так поговорили же, не?

— Не. Ты заметил, что в деревне какая-то напряжёнка с детьми?

— Ага, — сон мгновенно выветрился из голоса Михея. — И со стариками. Я так понял что из отрядов, чем бы они ни оказались, выгоняют Взрослых, то есть тех, кто вкусил плод любви. Секс на Острове под запретом то ли?

— Похоже на то. Но почему? Что за целибат такой?

— Выясним.

— А нам зачем?

— Ну, Саа-а-а, — Михей вынырнул из-под руки Хранителя. — Если я хоть что-то знаю о цайарах, то все они — игроки от природы. От Творца, можно сказать. И пока мы играем в их игры, наши планы касательно их самих в безопасности. Если бы мы нагло вломились к Мельхиору, он бы нас раскатал в блин и, посмеявшись от души, выкинул бы. Это в лучшем случае. А так ему интересно, что мы предпримем дальше и почему не пришли сразу.

— То есть, он знает, что мы на Острове?

— Думаю, да. Шу научил Глиста прятаться от Аиста, Глист прикроет Гаона, Гаон соберёт информацию об этом месте и, если припечёт, вытащит нас отсюда. Поэтому я отослал свой клипер, чтобы обезопасить наш отход. Иначе, если с Гаоном и Глистом что-то случится, единственным способом выбраться с Острова будет завершение Игры, правил которой мы с тобой даже не знаем. Вот и получается, что нужно со всем разобраться, а уж потом стучаться в дверь к Хозяину.

— Не нравится мне всё это, — Саартан вздохнул и потрепал друга по волосам.

— Зато как увлекательно, Саа! — Михей нырнул ему обратно под мышку.

— Да уж, — Саартан хмыкнул. — Твоё любимое состояние.

Глава V. Эффект бабочки

Они не скрывались. Шли открыто через джунгли, а Михей разве что в голос не звал Куниц. Но попасться в ловчую сеть было как-то обидно. Верёвочный мешок покачивался над землёй под бессильными трепыханиями застрявших в нём приятелей.

— У нас проблемы, Саа, — констатировал Михей, когда очередная его попытка обратиться лисом провалилась.

— Это какие же? — с иронией спросил Саартан.

Сам он попыток освободиться не делал.

— Я чувствую *силу*, она разлита здесь повсюду. Но не могу ею воспользоваться. Даже к внутреннему миру доступ перекрыт!

— Я знаю.

— Что знаешь?

— Пытался дотянуться до ампул с кровью Кота. Ничего не вышло.

— Ох, Саа! Почему не сказал?!

— Забыл.

— Забыл про то, что не принял дозу вовремя?! Это же жуть как летально, Саа!

— Не паникуй.

— Но ты же весь процесс обращения так нарушишь!

— Можно с Гаона через браслет забрать. Только тогда придётся выдать Мельхиору его местоположение.

— Да плевать! Передислоцируется... О! Саа! Ты гений!

Михей высвободил из верёвок руку с кураторским браслетом, вытянул из него серебристый куб, покрутил пальцами, выбирая нужную ячейку, нажал. Хранитель через его плечо с любопытством наблюдал, как тот вытягивает из куба... пилу?!

— Я чего-то то ли попроще, то ли, напротив, посерьёзнее ожидал, — Саартан крикнул, когда Михей, высунув язык от усердия, принялся кромсать пилой верёвку.

— У меня там бардак, — Михей неопределённо махнул инструментом. — Шу с Котом в один голос ругали меня за это. Но реально, Саа! Руки не доходят разобрать.

— Что же у тебя в менкарском кармане творится тогда? — иронично спросил Саартан. — Йену ничем не придавило там случайно?

— О, кстати про неё. Она свободна.

— Чего?!

— Я передал её Лурвэ. В качестве бэбика от меня.

— Бедный Файлэнг...

— А он-то чего? Готово!

Верёвка лопнула, и мешок рухнул в траву. Саартан застонал, больно ударившись копчиком о землю, ругнулся на друга, мол, не мог подушку какую подстелить?! Михей виновато улыбнулся, протянул Хранителю шприц-ампулу.

— Их мало на Гаоне, — сказал Михей. — Придётся решать дела быстрее.

Саартан молча взял шприц, закатал рукав на рубашке, задержал дыхание и впрыснул вампирскую кровь себе в вену. Зябко передёрнул плечами, медленно выдохнул. Михей посмотрел на него с сочувствием. И вскочил, высоко вскидывая над головой пилу.

— Мы парламентарёры! — крикнул он. — Нам надо поговорить с главным!

— Брось! — послышалось из кустов вместе с едва уловимым скрипом натягиваемой тетивы.

Михей послушно отбросил пилу.

— И ты! — велел голос, по всей видимости, обращаясь к Хранителю.

Саартан удивлённо глянул на шприц в своей руке.

— На джедайский меч в миниатюре похоже, — зашипел на него Михей. — Бросай! Там стрелков штук шесть в кустах!

Саартан аккуратно положил шприц-ампулу на землю и поднял руки:

— Мы пришли с миром!

— Это мы проверим, — кусты раздвинулись, выпуская на поляну настолько рыжего и до черноты загорелого мальчишку, что Михей рядом с ним казался каким-то блеклым и сереньким. — Фосса, Умби! Свяжите их!

На головы пленников надели мешки и скинули их только тогда, когда вокруг стало шумно от восторженных детских возгласов:

— Взрослые! Взрослые! В лагере Взрослые!

Связанных Михея и Саартана поставили на колени на высокий помост.

— Хорошо, хоть помидорами не кидаются, — вполголоса проговорил Михей и добродушно оскалился обступившим их детям. — Этот вона смотри, Саа! Мой ровесник же! А орёт «Взрослые» так обличающее, что мне прям стыдно становится. Завидуй, недотрога!

Последнее Михей выкрикнул, и парень, на вид даже постарше его смущённо отступил за спины товарищей. Рыжий загорелый мальчишка весело обернулся к пленникам.

— Рискнёте пройти тест бабочкой? — спросил он.

— Бабочкой! Бабочкой! Хорь будет проверять бабочкой! — завопили дети. — Позовите Мангусту! Ведите Мангусту! Мангуста! Мангуста! Тест бабочкой!

— Тоже мне: позовите Вия, поднимите мне веки! — Михей соорудил дурашливую рожицу. — Бабочка как-то покажет вам, насколько мы девственники?

— Безошибочно, — рыжий Хорь, вожак Куниц, опустил перед ним на корточки и подмигнул. Сказал тихо-тихо, одними губами: — Если мне нужно.

— Мы просто друзья! — быстро предупредил Саартан. — Что бы там ваш тест ни показал!

Хорь посмотрел на Хранителя с лёгким изумлением. Понимающе (Саартану показалось, что снисходительно, и он помрачнел) улыбнулся, поднялся и громко объявил:

— Тест бабочкой!

Дети заулюлюкали и засвистели. Саартан поморщился.

— Только время теряем, — раздражённо сказал он Михею.

— Как знать, — отозвался тот и разулыбался, когда на помост взошла девушка со стеклянной банкой в руках.

В банке порхал крупный махаон. Девушка обменялась с рыжим многозначительным взглядом. Хорь глазами указал на Михея.

— Я — Мангуста, жрица бабочки, — представилась девушка.

— Я — Михей, это мой друг — Саартан, — Михей беззастенчиво пялился на неё. — А ты красивая.

— У тебя Лурвэ есть! — шепнул Саартан.

— Ага, — Михей и бровью не повёл, улыбаясь жрице всё шире и шире.

— Твой друг Хорю не конкурент, — Мангуста тоже улыбнулась, опустила густые ресницы. — Лурвэ может спать спокойно.

— Мангуста! Ну, давай уже! — нетерпеливо крикнули из толпы.

Мангуста отступила от пленников, открыла банку и подняла её над головой. Махаон лениво взмахнул крыльями и выпорхнул сквозь широкое горлышко на волю. Покружил над помостом и подлетел к Хранителю. Сел тому на лоб. Толпа взорвалась радостными воплями:

— Взрослый! Извращенец! Совратитель!

Саартан рыкнул и со злостью мотнул головой, сгоняя с себя бабочку. Михей захихикал было и тут же умолк, когда махаон завис над ним. Бабочка сделала круг над макушкой Михея и... вернулась в банку. Мангуста торжественно захлопнула крышку. Михей восхищённо вздохнул:

— Богиня!

— Но... — Саартан ошалело заморгал. — Как же? Ты врал что ли? А Йена? Ты же сказал...

— Саа, потом! — Мангуста о чём-то тихо беседовала с Хорем, и Михей напряжённо прислушивался. — Мы в гости идём.

— К кому?

— Развяжите их! — скомандовал рыжий. Сразу несколько мальчишек кинулись выполнять его приказ. — И отведите ко мне.

— К вожаку Куниц, — ответил Михей, потирая освобождённые от верёвок запястья.

Дом Хоря располагался внутри старого бугристого дерева с чёрной морщинистой корой и раскидистой кроной, напоминал маленькую крепость и одновременно гнездо диковинной птицы: переплетённые между собой гибкие ветви и лианы плавно переходили в верёвочные лестницы, подъёмные механизмы, подвесные мосты и смотровые площадки. В нижней части ствола дерева было круглое помещение — своеобразный штаб маленькой армии Детей. Стол из обтёсанного пня с изрисованной картой Острова в центре, оружие и трофеи на стенах, расставленные прямо на полу корзины с фруктами, кувшины с напитками и разбросанными вокруг чашками. Сидеть в штабе можно было на свёрнутых шкурах, мешках или на невысоких чурбаках. Михей оглядывался, восторгаясь всему и ничему в отдельности, в то время как взгляд Саартана привлекли две не самодельные в штабе вещи: большой медный в зелёных пятнах окиси колокол под потолком у самого люка и ярко-красный, местами обшарпанный, со сбитыми рукоятками корабельный штурвал. Обычный колокол и обычный штурвал с обычного корабля, что ходят по морю, в необычном месте — на Острове, который невозможно найти. Не через алтари же они сюда попали — зачем бы?

— На берег иногда выносит обломки, — проследив взгляд Хранителя, вожак Куниц догадался о его мыслях. — Мы много интересного находим на Побережье, оно у нас под круглосуточным присмотром. Вчера вот мои ребята принесли мне странное известие о двух чужаках, вышедших из непонятной блестящей штуки.

— Ой, — Михей схватился за голову и повернулся к Саартану. — Я что, поля забыл поднять?

— Умница, — Саартан закатил глаза.

— Не, ну это не обязательно же были мы, да?

— С этого и надо было начинать, простофиля.

— Ну, Саа! Я же не нарочно!

Хорь и Мангуста переглянулись.

— Так вы с Материка? — спросила жрица, с нарастающим любопытством рассматривая гостей.

— Ну... — замялся Михей.

— Да, — не видя смысла скрывать очевидное, ответил Саартан.

— Как вы здесь оказались? — Хорь сгрёб в кучу несколько шкур, приглашая всех сесть. Собрал с пола чашки, понюхал их, сморщился и закинул в угол. — Из горла, — сказал он, пододвигая к гостям кувшин.

— Это сок, — улыбнулась Мангуста, заметив, как подозрительно прищурился Саартан. — Слегка перебродивший.

— Мы сюда прилетели... — Михей жадно припал к кувшину, умудряясь говорить между глотками. — Чтобы встретиться с Аистом... Он у нас забрал кое-что... Но... эвакуировать всех местных мы не сможем... сразу говорю.

Он отставил кувшин, облизнулся и выжидательно посмотрел на Хоря. Вожак Куниц снова обменялся со жрицей взглядом.

— Хорошо, — медленно проговорил Хорь. — Не сможете. А показать или хотя бы сказать, как выбраться с Острова?

— Самый безболезненный способ — доиграть Игру, — Михей подтянул колени к подбородку, задумался. — Мы не знаем, как поведёт себя Аист, если кто-то задумает бежать. Даже не знаем, сможем ли уйти сами. О, Хорь! Обязательно захватывать алтари силой? Ну, там... уничтожать противника?

— Не знаю, — вожак Куниц вздохнул. — Я рискнул предположить, что не обязательно, и объединил со своим отряды Енотов и Виверр. В итоге добровольно присягнувшие мне отряды лишились своих жриц. То есть бабочки перестали их слушаться и сдохли. Только у Мангусты осталась власть.

— О! Мангуста! — Михей послал жрице обворожительную улыбку. — Как ты это делаешь?

— Управляю бабочкой? — Мангуста скромно опустила глаза. — У меня со всеми животными так. Я им нравлюсь.

— А, — подал голос Саартан. — Тогда понятно, почему некоторым лисам вскружило голову. Только зачем было выставять моего друга невинным младенцем?

— Чтобы вам позволили остаться, — сказал Хорь. — Чтобы пересудов и сплетен меньше было. Двух Взрослых тяжело внедрить в отряд, а вот когда один из них вроде как и не Взрослый — легче. Получается, что... сложное имя у тебя, — он недовольно стрельнул взглядом в Хранителя.

— Саартан, — пожал плечами тот. — Можно Сарт.

— ... что Сарт как бы пленник под присмотром тебя, — вожак Куниц указал на Михея.

— Где-то когда-то так уже было, — проворчал Саартан. — Как вообще могла прийти в голову идея заставлять детей проверять друг друга на... на детскость? Это же бред!

— Дети долгое время не понимали, как бабочка выбирает, кому остаться, а кому уйти, — сказала Мангуста — А маленьким до сих пор не говорят. Села на тебя бабочка — значит, Взрослый. И всё. А Остров только для детей.

— Всё равно это извращение какое-то! — не унимался Хранитель. — Знаете, к каким последствиям это может привести?

Саартан поделился с вожаком и жрицей своими соображениями касательно безопасности детей в деревне. Хорь нахмурился. Мангуста беспомощно развела руками.

— Иногда приходят прямые задания: забрать ребёнка у Взрослых, — покачала она головой. — За выполнение — ценный приз. Невыполнение карается молчанием алтаря. Ни еды, ни вещей. Мы вынуждены...

— Может пора перестать зависеть от алтарей? — жестко спросил Саартан.

— А лекарства для малышей? Или то, что мы не можем сделать сами? Те, кто хоть чему-нибудь обучается здесь, очень быстро уходят из отряда в деревню Взрослых. Вот как с магами, например.

— А есть маги? — наострил уши Михей, отвлекшийся на дегустацию фруктов, которых он никогда раньше не видел.

— Есть. И магии тоже надо учиться. Потому что в ней огромное количество сочетаний предметов. Мышиный хвост со скорлупой дрозда — это один эффект, а добавь к ним морскую раковину — уже другой. С посохами проще — там всё зависит от личной силы того, кто ими пользуется. И то без особого мастерства запросто можно навредить себе и окружающим.

— Хитро придумано, — Михей почесал затылок. — Наглядный пример ценности старшего поколения. Точнее — отсутствия наследственности опыта. А вы давно на Острове?

— Давно, — Хорь криво усмехнулся. — А в отряде дольше, чем разрешено.

— О!

— Ага.

— Так, а если ты Мангусте... у вас с Мангустой свои дети будут?

— Вот поэтому мы должны покинуть Остров как можно скорее.

— О... ладно, Хорь. Мы поможем вам захватить все алтари. Дипломатия — достаточно мощное оружие, а в ней я неплохо разбираюсь. Скажешь мне, кого нужно уломать — я уломаю. Только чур потом мои методы переговоров не осуждать!

— Ты хочешь, чтобы мы доверились чужакам? — спросил Хорь и с сомнением глянул на подругу.

— Да вы же нам с порога всё выложили! — Михей всплеснул руками. — При желании мы можем заложить вас Мельхиору... Аисту то есть... в обмен на нашу с Саа свободу! Или что-нибудь в этом роде. Развалить весь ваш отрядный союз парой обличающих фраз!

— Вам никто не поверит, — Мангуста нахмурилась.

— Можем проверить, если никого время не поджидает, — поддержал друга Хранитель. — А я свою точку зрения о происходящем на Острове кошмаре уже высказал. Считаю её достаточным доказательством того, что мы на вашей стороне.

— Сам не понимаю, почему доверился вам как-то сразу, — пробормотал вожак Куниц. — Тоже какая-нибудь магия?

— Я обаятельный!

— Он обаятельный.

Ответили Михей и Саартан одновременно.

Три дня бурной деятельности понадобилось Михею, чтобы присоединить к Куницам Медведей и Кошек. С Медведями помог Марке, которому Михей пообещал защиту Тейлы и

их будущего ребёнка. С Кошками хитрый лис справился сам. Чего бы не справиться, когда там одни девчонки? Псы пока сомневались, а вот с разросшимся отрядом Гиен возникли сложности.

— Цовор этот — непроходимый болван! — жаловался Михей. — У него много людей, и он никак не может понять, почему власть должна быть у кого-то другого, а не у них. Наверное, с Гиенами придётся поговорить на кулаках. Он не устоит под напором шести отрядов.

— Псы могут поддержать его, — усомнился Хорь. Он склонился над картой и помечал захваченные территории. — Собачников тоже много.

— У меня есть компромат на Койота, не посмеет он Гиен поддержать.

— Какой компромат?

— Это личное, — Михей хихикнул. — Расскажу, если он попытается предать нас. Неплохо было бы на каждого такой компромат иметь. О! Надо попросить Мангусту организовать большой праздник!

— Это ещё зачем? И у нас алтари в последнее время ничего кроме крупы не присылают. Аист гневается.

— Гневался бы — вообще без еды оставил. Он вас дурит, — Михей подбросил в руке кокос. — А для праздника нужно только побольше перебродившего сока... это для тех, кто постарше, само собой! А то Саа у нас моралист, брови сдвинет, и вместо веселья мы получим общественные работы... Вот. Фрукты там, фонарики, огоньки цветные... мыльные пузыри! Я научу вас делать мыльные пузыри! Не те, что у вас в тазиках образуются от... хм... случайных пуков. А настоящие! Огромные! Красивущие! В переливах всего спектра, — Михей мечтательно закатил глаза. — Все офигеют! Ни в какое сравнение с вашей магией.

— Ну, а сам праздник-то для чего? — спросил вожак Куниц просто ради того, чтобы спросить. Он посмотрел на светящегося от предвкушения Михея и сам захотел увидеть пузыри, о которых тот так вдохновенно рассказывал. — У нас же военное положение.

— Ничего ты не понимаешь в командном духе, Хорюшка, — тяжело вздохнул Михей. — Совместные увеселительные мероприятия сближают. Там, где смех и радость, нет места вражде и предательству. Я ещё психологические тренинги проведу для социального сближения команды. Эффект тебя наповал сразит, вот увидишь!

Хорь не решился уточнять, что такое «психологические тренинги» и «социальное сближение». На его взгляд вполне достаточно было сока, фонарей и мыльных пузырей.

— Вот ещё чего, — Михей перестал жонглировать кокосом. — Нам нужно стереть грани между отрядами.

— Как это?

— Отныне нет никаких Куниц, Енотов, Медведей. Есть Хищники. Единый и непобедимый отряд.

Праздник удался на славу. Михей рискнул в очередной раз раскрыть сигналом с браслета местоположение Гаона и достал с клипера целый ящик фейерверков, чем вызвал дикий восторг у маленьких обитателей Острова, примкнувших к новоявленному отряду Хищников. Мыльные пузыри, из которых он устроил целое шоу, завладели душами ребят, а разноцветные огненные цветы, распустившиеся на полнеба, покорили их сердца. Право

командовать парадом Михей целиком и полностью передал Хорю, оставшись в тени рыжего лидера.

— Не обидно, что все лавры достались ему? — спросил у приятеля Саартан.

Друзья сидели поодаль от шумной веселящейся компании и потягивали сок, наблюдая, как вожак Хищников, обнимая за талию жрицу бабочки, отвечает широкими улыбками на восхищённые взгляды и окрики Детей.

— Неа, — Михей беззаботно болтал ногами. — Я счастлив, когда у меня получается что-то хорошо. Меня не волнует, что не все знают о моём участии. Это ты у нас зависишь от чужого мнения.

— Но ведь важно, что о тебе думают окружающие?

— Важность момента определяешь ты сам. Стоит тебе только изменить отношение к ситуации, как реальность изменяется в твою пользу.

— У тебя всё «ты сам». Извергается под тобой вулкан, а ты раздумываешь над своей ответственностью за происходящее, будто всё в мире зависит только от тебя.

— Вулкан?

— Да, — Саартан усмехнулся. — Неудачное сравнение. Но ты же понял.

— Понял, ага. Моя ответственность будет заключаться в том, каким образом я оказался на извергающемся вулкане. Причины и следствия, свобода выбора и другие любимые словечки Шу, — Михей рассмеялся. — Я уверен в своём мнении, и у меня всё срабатывает так, как надо. Ты уверен в своём, но у тебя почему-то всё через одно место происходит, уж прости. И кто прав, получается, м?

— Да ну тебя, — отмахнулся Саартан. — Бесполезно с тобой спорить. Лучше скажи, как мы завтра будем ломать Гиен.

— По возможности обойдёмся без фингалов под глазами, — Михей посерьёзnel. — Всего-то и нужно, чтобы Хорь привёл толпу Детей к стенам их логова, отвлёт. Дальше я... то есть, мы с тобой вступаем в игру.

— Что ты задумал?

— О, мелочь! Вынуть кубик из основания пирамиды.

Логово Гиен было с двух сторон окружено скалами, а подступы со стороны джунглей перекрывались многочисленными ловушками. Хищники пошли в наступление тремя звеньями: кольцо разведчиков, в чью задачу входило создание безопасного подхода к логову, и два полукруга наступательных отрядов под командованием Хоря и бывшего вожака Медведей — Бари. Гиены правильно оценили основной манёвр и оставили на главных воротах только треть своей армии, большую часть боевой силы сосредоточив вокруг алтаря. Псы сохраняли нейтралитет, выжидали, когда победа начнёт склоняться в пользу одного из отрядов. Насчёт неопределённости собак Михей успокоил Хищников, сказав, что невмешательство — уже помощь.

Отряд Хоря подошёл к главным воротам Гиен на рассвете. Вожак Хищников не торопился нападать, продвигался в джунглях открыто и нарочито медленно, давая возможность противнику подготовиться к обороне и основательно устать от этой подготовки вкупе с мучительным ожиданием появления врага. Цовор, вожак Гиен, вконец извёлся уже, когда первые Хищники вышли из зарослей.

— Я знаю, чего ты добиваешься! — крикнул он Хорю, завидев высоко поднятый над головами Хищников белый флаг. — Потянуть время! Переговоров не будет, жалкий грызун!

Подтверждая его слова, со стен логова сорвались стрелы. Цовор ругнулся на своих, мол, не тратьте снаряды! И послал нескольких бойцов проверить обстановку у алтаря.

— Я всё ещё надеюсь убедить тебя присоединиться к нам без кровопролития! — крикнул в ответ Хорь. — И я не грызун.

— Да пошёл ты!

— У нас численный перевес.

— Ха! Оботри молочко с губ своего перевеса! Тебе никогда не добраться до нашего алтаря! Ты даже к воротам подойти не сможешь!

— Не хотел бы это проверять, Цовор.

— Отчего же? Проверь! А то мы все здесь уже заскучали, пока вы пелёнки друг другу меняли по пути сюда!

Гиены разразились дружным хохотом, кто-то кинул со стены детскую бутылочку с соской.

— Штурмуем, — сказал своим Хорь. — Без лишнего геройства. Просто распалите их. Вперёд!

Прозвучал сигнал к атаке. Бари отозвался горном по ту сторону скалистой гряды. Хищники с криками и свистом рванули к логову Гиен. Цовор расплылся в злорадной ухмылке:

— Попались.

Вожак Псов видел, как ухнули под землю первые ряды нападавших Хищников, как скомкалась их стремительная атака, слышал ликующие крики Гиен и горн Хоря, играющий отход. Он помедлил секунду и поднял руку. Псы подобрались. Рука Койота уже готова была опуститься, чтобы дать команду собакам ударить в спину Хорю, но подбежавший запыхавшийся гонец из лагеря заставил её замереть в воздухе.

— Они украли бабочку! — выпалил гонец и повалился на землю, задыхаясь от быстрого бега.

— Это невозможно! — у Койота вытянулось лицо. — Никто не посмел бы!

— Посмели... мы их упустили.

— Тогда Хищники обречены.

— Нападём на них? — спросил один из Псов.

— Нет, — Койот сжал руку в кулак и опустил её: отбой. — Аист сам уничтожит их за такое нарушение правил. А мы добьём Гиен и разгоним по джунглям тех, кто уцелеет из Хищников.

Псы развернулись и скрылись в зарослях.

Хищники, не попавшие в ямы, укрылись от града стрел, кто где, и ждали команды от вожака. Хорь сжал кулаки. Что им скомандовать? Продолжать наступление было бессмысленно: Гиены прочно укрепились в своём логове, а образовавшийся между джунглями и воротами ров сильно уменьшал шансы на быстрый прорыв. Бари вёл вялую перестрелку с защитниками алтаря, сковывая их намёком на бой, но не более. Хорь колебался с принятием решения. Михей и Саартан появились вовремя. Раздался грохот, и над логовом Гиен потянулся густой дым. На стенах у ворот поднялась суматоха.

— Миледи, мы не причиним вам вреда, — промурлыкал Михей, наскоро связывая жрице Гиен руки. — Это для вашей же безопасности. Как вас зовут?

— Лирика, — жрица надула губки и поглядывала на Михея скорее с любопытством, нежели со страхом или неприязнью.

— Какое прекрасное имя! — искренне восхитился Михей. — Совсем не подходящее Гиенам! Я Михей, а это...

— Мих, заканчивай любезничать! — Саартан поудобнее перехватил банку с бабочкой. — Нас тут окружают, между прочим!

— Дела зовут, миледи! — Михей послал Лирике воздушный поцелуй. — Всё будет хорошо.

Жрица зарделась. Хранитель взвёл очи горе.

— Каков план? — спросил он у друга.

— Раздавить бабочку, — пожал плечами Михей.

— Ой, вы что! — у Лирики от ужаса расширились глаза. — Бабочка и жрица — неприкосновенны же! Вас накажут! Всех! Аист наслёт на вас проклятье!

— Теперь она нам соперничает? — Саартан поднял бровь. — Талант!

— Не перехвали, — Михей осклабился. — Милая Лирика! — он одарил жрицу тёплой улыбкой. — Мы на ты с проклятиями, они нам не страшны. К тому же, ни я, ни мой друг не принадлежим к Хищникам. Мы действуем сами по себе. Я...

— Мих! — Саартан одёрнул его. — Гиены!

Гиены взяли их, засевших в шалаше смотровой площадки на сухом раскорячившемся посреди расщелины в скале дереве, в плотное полукольцо и постепенно сжимали его.

— Доставай нашу крылатую заложницу, Саа, — Михей встал на помосте в полный рост, крикнул: — Всем стоять! Или мы убьём бабочку!

— Кишка тонка! — Цовор пробился через своих ребят к подножью скалы. — Убьёте бабочку, и...

— Знаем, знаем, — оборвал его Михей. — Аист наслёт на нас жуть какое страшное проклятье. Я уже объяснил вашей жрице, что мы не боимся гнева Хозяина Острова. А так как мы с Саа не из Хищников, то проклятье не коснётся отряда Хоря. Советую всем тщательно подумать, какую сторону выбрать, когда вашей бабочки не станет!

— Убьёшь её — умрёшь на месте! — прорычал Цовор.

Гиены вскинули луки.

— И что дальше, м? — Михей подбоченился. — Твои люди сами побегут к тому, у кого останется единственная жрица на острове. Бабочку Псов мы тоже забрали. У Хоря один шаг до победы. И все, кто сегодня назовёт себя Хищником, завтра вернётся домой!

Некоторые луки опустились. Цовор зло вырвал у стоящего рядом растерянного мальчишки копьё, взвесил его в ладони. Саартан вынул трепещущего махаона из банки, аккуратно зажал в руке и поднял над головой.

— Я — сам по себе ходячее проклятие, — тихо, но так, чтобы все его слышали, проговорил Хранитель и отодвинул Михея себе за спину. — Именно поэтому я не боюсь раздавить вашу букашку. Причинишь мне вред, и ни один из твоих людей не уйдёт с Острова живым. Это я тебе обещаю... малыш.

Гиены попятились. Цовор сморщился. Он молча поигрывал копьём и смотрел на Саартана исподлобья, не решаясь что-либо сделать.

— Ох, Саа! Ты так это сказал, что у меня мурашки по коже побежали! — Михей выглянул из-за плеча Хранителя и заглянул тому в лицо. — Ох, Саа...

Жидкая тьма кляксой растекалась по скулам Саартана, его губы кривила злая усмешка.

— Испугался? — Саартан скосил на друга чёрные глаза. — Лисёнок.

— Мифлецет! — выдохнул Михей. — Разрушитель! Но почему? Тебя что, слово «проклятье» возбудило?

— Не исключено, — Саартан подмигнул Михею. — Твоему Саа силёнок не хватит на это...

Пальцы Хранителя сжались на хрупком тельце махаона. По логову Гиен прокатился дружный вздох. Лирика вскрикнула. Цовор зарычал и, не целясь, швырнул копье. Копье высекло искры в камне в паре дюймов от уха Михея, чуть не задев древком. Михей вжал голову в плечи:

— Уходим, Саа! То есть Миф!

Он не обратил внимание на злобное: «Как ты меня назвал?!», схватил с помоста ворох петард, ширкнул огнём и запустил фейерверки один за другим в карабкающихся по лестницам к смотровой площадке Гиен. Под весёлый грохот и треск перевернул лавку, укрывая за ней перепуганную Лирику. И поволок Саартана к спущенному с вершины скалы узловатому канату.

В логове Гиен начался хаос. Сквозь дым в днище помоста втыкались редкие слепые стрелы, кто-то кричал, паникуя, за стеной снова заиграл горн Хищников. Цовор в бессильной ярости лупил кулаком в подпорку смотровой площадки...

Михей и Саартан взобрались на вершину скалы. Михей глянул с неё вниз, удовлетворённо вздохнул:

— Кэп всегда говорил, что где я, там взрывы, хаос и апокалипсис, — он хихикнул. — Не стоит его разочаровывать.

— Хочешь ко мне в ученики, лисёнок? — Саартан хрустнул пальцами и шеей, разминая. Жидкая тьма на его лице застыла пугающей маской. — Ты прирождённый адепт Разрушителя.

— О! Я успел про тебя позабыть на пару минут! Чего тебе надо-то? Конец света ещё не наступил! Ни одного предвестника не было! Всё должно быть по правилам.

— С каких это пор тебя волнуют правила? — Саартан усмехнулся.

— Я — глава Высшего совета кураторов, между прочим! — Михей упёр руки в бока. — Должен следить за тем, чтобы всё было честно.

— Я пока уничтожил только одну букашку, приятель, не нервничай.

— О, так мы теперь приятели? — Михей изогнул бровь точь-в-точь, как Иватарн, и машинально потянулся накрутить на палец прядь волос. Вспомнил, что носит теперь короткую стрижку, разочарованно опустил руку. — Ты же сначала убиваешь, а потом знакомишься!

— А ты меня настолько хорошо знаешь?

— Ой, ну вот сейчас прям самое время просить тебя рассказать о себе!

— Ужин при свечах? Или в кино сходим?

— Пф-ф!

— Ах, ну да! Боишься, что Саа ревновать будет.

— Вот о нём, кстати. Где он?

— Ты так ничего и не понял, Лисёнок...

Пурпурное сияние накрыло их мерцающим куполом.

— Ох, — Михей задрал голову и закусил губу.

— Начальство вызывает на ковёр? — насмешливо предположил Саартан.

— Мельхиор хоть и создал кураторскую организацию, он мне не начальник. Но лучше уж на ковёр, чем превращаться в горстку пепла за убийство священного насекомого.

Хранитель расхохотался. Михей покосился на него и неуверенно улыбнулся. Купол вспыхнул, сжимаясь в портал.

Глава VI. Семейные неурядицы

Благоухающий цветами сад заливало ласковое солнце. Солнечные лучи, проходя сквозь густую сочную листву кустистых деревьев, дробились и рябью ложились на выложенную мраморными плитами дорожку, убегаящую к бассейну скульптурной композиции фонтана. На бортике бассейна сидел веснушчатый чуть лопухий юноша в свободных белых одеждах и вслух читал книгу маленькому мальчику, возившемуся у его ног среди раскиданных игрушек на широкой подстилке. Юноша вздрогнул, замолчал и поднял голову, когда в саду раскрылся портал.

— О! — рыжий мальчишка в грязных майке и шортах восхищённо огляделся. — Я думал, нас в подземелья кинут! Ну, или сразу на плаху. Смотри, какая красотища, Саа! То есть, Мифушка.

— Не называй меня так, — мрачно отозвался названный Мифушкой угрюмый молодой человек в чёрной маске.

— А как тогда? Миц? Мет? Цет? Фет?.. Фле?

— Здесь нельзя колдовать! — юноша вскочил и подхватил ребёнка на руки.

Странная парочка воззрилась на него с недоумением.

— Ты кто вообще? — спросил рыжий.

— Меня зовут Эрих. А вы кто такие?

— Я — Михей, а это...

— Мифлецет, — зло бросил человек в маске. — Без всяких сокращений.

— Ну! Слишком длинно же! — возмутился Михей. — Чем тебя Миф не устраивает? Миф и Мих — прикольно же!

— Ниф-Ниф и Наф-Наф! — скривилась маска.

Михей рассмеялся:

— Мими-отряд!

— Да иди ты! Оставь просто Саартан. Саа.

Эрих растерянно переводил взгляд с одного пришельца на другого. Мальчик у него на руках начал хныкать.

— Рих, у нас закончились пелёнки, я... — Бэт вышла к фонтану и остановилась, не договорив.

Парочка переглянулась.

— Ну, приветики! — Михей сделал шаг вперёд. — Бэт.

— Забавно, — Саартан медленно повернул голову к юноше с ребёнком.

— Элис, ты их знаешь? — Эрих нахмурился и попятился.

— Я... — кошка выпустила когти. — Не подходите!

Михей лихорадочно соображал. Бэт. Ребёнок. Волосики чёрные, глазки глубокого тёмно-синего цвета, сумеречные. Кожа смуглее, чем у лопухого пацана (кто он?) и у самой кошки. Сын Саа? Но как так-то? Мальчику годика два уже... Но если предположить, что время течёт на Острове так же, как и во всём Шельяаре — то есть, быстрее, чем в Суушире — то вполне возможно. Тогда что за валет у дамы? В памяти, вызванный быстрым ассоциативным рядом, всплыл мир Тэмур и его герой — Эрих Кофман. Кофа... Михей

пробивал Кофу по базекураторов, его действительно когда-то звали Эрихом. Тогда, исходя из размышлений и слов Мельхиора, сейчас лицом к лицу стоят Разрушитель с потенциальным Спасителем.

— Ой, — Михей замер и мельком глянул на воплотившегося Мифлецета. — Встреча века.

— Почему я не могу подойти? — спросил Саартан, обращаясь к Бэт. — Мы же теперь семья, не так ли?

— У тебя нет никаких прав на моего сына! — прошипела Бэт и загородила собой подошедшего к ней Эриха с мальчиком. — Я никогда не была нужна тебе по-настоящему! Не смей говорить мне про семью!

— Так это правда, — задумчиво проговорил Саартан. — Мой сын... Чудно.

Он двинулся к фонтану. Бэт выставила перед собой когти:

— Стой!

Эрих осторожно усадил мальчика под бортик фонтана, встал с ней плечом к плечу, поднял руку, потрянул ею, материализуя в ладони глефу, направил остриё на Хранителя.

— Миф! То есть Саа! погоди! — Михей попытался остановить своего друга. — Давай всё обсудим!

— Забери мальчишку, — Саартан даже не взглянул на него. — Я их... отвлеку.

— Не-не-не! Не надо никого отвлекать! Саа! Пожалуйста! Ну, стой!

Саартан схватил Михея за грудки и притянул к себе. Заглянул в глаза, прищурился.

— Ты начинаешь мне мешать, лисья морда, — процедил он. — Я не оставлю своего сына с этой лживой девкой и её прихвостнем! Унеси мальчишку, или я...

Глефа Эриха взвизгнула, рассекая воздух. Хранитель оттолкнул Михея, выводя из-под удара, и принял лезвие на миг окутанное тьмой предплечье. Зарычал, выбросил вперёд пальцы-щупальца. Чёрный плащ появился и взметнулся за его спиной, сворачиваясь в узкие острые крылья. Эрих увернулся от щупалец, затвердевших на кончиках, как тонкие пики, снова взмахнул глефой.

— Саа! Это Кофа! Вам нельзя драться! Пророчество... — проорал Михей и замолчал, вынужденный отмахиваться от налетевшей на него Бэт.

— Кофа?! — в глубине чёрных глаз Саартана разгорелся багровый уголёк.

Хранитель уже не зарычал, а взревел, отбил летящее на него лезвие голой рукой и накинута на противника с удвоенной силой. Крутанулся. Край его острого крыла полоснул Эриха по груди. Юноша охнул и отшатнулся, выронив глефу и зажав ладонью рану. Саартан с торжествующей гримасой поднялся в воздух, завис на пару секунд над землёй и рванул к нему, чтобы добить. И тут Эрих неожиданно выпрямился, взмахнул руками. Ослепительно белый свет ударил в Хранителя, превратив его атаку-полёт в беспорядочное кувыркание назад и унижительное падение в колючие кусты. Михей и Бэт ахнули, обменялись взглядами и по взаимному негласному согласию отскочили друг от друга. За спиной Эриха гордым полумесяцем раскрылись белоснежные крылья.

Хранитель выбрался из кустов, раздражённо стряхивая с себя листья и сломанные ветки. Ухмыльнулся, увидев преобразование Эриха.

— Вот, значит, как? — Саартан развёл руки в стороны.

Послышался треск разрываемой ткани. Одна пара крыльев, та, что уже была, поднялась у него над головой своим чёрным полумесяцем, вторая раскинулась за плечами, а третья обняла бедра.

— Ох, нет! — простонал Михей и полез в карман.

Бэт дёрнулась к нему, но голос Мельхиора заставил её застыть на месте.

— Значит, ты вспомнил? — спросил Хозяин Острова, появляясь из голубоватой дымки на вершине самой высокой статуи фонтана.

Саартан догадался, что вопрос был задан ему, оскалился и скрестил руки на груди:

— Не должен был? — вопросом на вопрос ответил он Аисту.

— Побочный эффект, — Мельхиор грустно качнул головой. — Я надеялся, но не особо ждал. Теперь тебе не открутиться от местного пророчества. Что ж, в конце концов, пора избавиться от этой тварной оболочки, как считаешь?

— Она мне нравится.

— Этот свитер уже весь в заплатках, купи себе новый.

— Как ты нашёл меня?

Хранитель посмотрел на набычившегося Михея и отрицательно качнул головой, мол, не делай глупостей. Михей упрямо поджал губы и превратил глаза в щёлочки. Бэт напряжённо наблюдала за ним, отступив к сыну, похожая на готовую к прыжку пантеру. Эрих замер в торжественной позе, прикрыл глаза и внимательно прислушивался к разговору.

— Зеркало твоей матери, — Мельхиор присел на корточки. — Оно само нашло тебя.

Михей поднял взгляд на Хозяина Острова.

— Что такое это Зеркало? — спросил он.

Аист дёрнул губами: то ли улыбнулся, то ли выказал презрение. Окинул с высоты фонтана Михея изучающим взглядом.

— Твой новый зверёк? — Мельхиор вернулся вниманием к Хранителю.

— Мой муравей, — Саартан подмигнул зреющему возмущениями Михею.

Аист хмыкнул.

— Тогда держи его в банке, — проворчал он. — Раздражает.

Сдержать негодование Михея превратилось в нелёгкую задачу. Саартан поморщился, сложил все шесть крыльев за спиной, неспешно подошёл к пыхтящему мальчишке и положил ему руку на плечо. Михей сгорбился и поглубже засунул руки в карманы шорт. Задыхал часто, раздувая ноздри, но промолчал.

— Ты подсунул Зеркало кураторам, — Саартан задумчиво разглядывал рыжую макушку. — Чтобы они заточили меня в нём вместо Созидающей.

— Спрятали.

— Как ты хотел спрятать своего сына?

Теперь поморщился Хозяин Острова.

— Ты создал дурную репутацию детям смешенной крови в нашей семье, — сказал он. — Мои братья планировали использовать тебя для ликвидации Менкара, а затем уничтожить. Они до сих пор верят, что ты погиб при взрыве. Или стал одним из пленников Котлована. Кесефа чувствовала, что ты жив, и просила меня найти тебя. Я посылаю самых доверенных кураторов в миры с пророчествами, искал Разрушителя. А ты сам пришёл ко мне.

— Чтобы умереть как Разрушитель и воскреснуть твоим любимым племянничком?

— Почти.

Михей шумно выдохнул и зажмурился. Саартан мягко надавил ладонью на его плечо.

— И сравил меня с драконоборцем, чтобы вырастить себе Спасителя.

— Я должен обезопасить Суушир. Не хочу, чтобы ты и здесь нашалил лишнего. А силу

Кофе ты передал сам. Желания и эмоции цайаров созидательны, поэтому мы держим их в узде. Бастарды всё никак не могут этому научиться. Поэтому они опасны.

— Ох! — не выдержал Михей. — Так Саа кузен Шу?!

— Лисёнок шокирован? — Саартан усмехнулся. — Ирония судьбы, правда?

— Но так даже в сказках не бывает! — Михей уставился на него круглыми глазами. — Это... уже слишком! Ты то дракон, то не дракон, то радужный, то красный, то чёрный, то вообще не пойми кто! И... О! Вот про что ты говорил! Вот чего я не понимал! Ты-Саа и ты Миф — одно и то же! И там, в твоём сознании, ты не подслушивал, ты просто никуда не уходил! И убил меня... дважды. И... как же мне теперь тебя называть? Ты ведь... ты ведь мой Саа, понимаешь?!

— Твой Саа, — Саартан кивнул. — Так было. Так будет. Если ты во мне ещё не разочаровался, конечно.

— Я? — Михей искренне удивился. — Ох, Саа! Да я в тебе души не чаю! Ты же...

— Ах, ну хватит уже! — Мельхиор выпрямился. — Пора с этим заканчивать. Пророчество должно оставить этот мир.

Эрих открыл глаза. Глефа снова оказалась у него в руках. Он шевельнул крыльями, сделал шаг навстречу Хранителю. Бэт подхватила сына на руки, прижала к себе и скрылась с ним за живой изгородью высокого кустарника. Михей, не долго думая, выхватил из кармана шприц-ампулу, вывернулся и в подскоке всадил его в шею Саартану. Не успели пятки Михея коснуться земли, а ампула упала на мраморные плиты, как кинжал с рубином в оголовке по самую рукоять вошёл в сердце Хранителя.

Мельхиор вскинул брови и жестом остановил им сотворённого Спасителя. Саартан пошатнулся, крылья за его спиной взметнулись чёрными лентами, рванули к ойкнувшему Михею, спеленали его в кокон. Маска на лице Хранителя ожила, потекла, потянулась извивающимися струйками к испуганному мальчишке, чтобы выпить его, высушить. Где-то вдалеке послышался громкий детский плач. Эрих заморгал, приходя в себя, его белые крылья опали и рассыпались снежным пухом. Глефа растворилась в ладонях. Эрих ошалело завертел головой.

— Элис! — он бросился сквозь кусты на плач.

Струйки тьмы развеялись дымом перед самым носом Михея, чёрные крылья обмякли, повисли безвольно на поникших плечах Хранителя. На его потемневшие губы легла тень усмешки. Он последний раз вздохнул, медленно осел на мрамор и уронил голову на грудь. Михей опустился перед ним на колени, согнулся, уткнулся лбом в плечо, аккуратно вынул кинжал и осторожно обнял. Мельхиор цокнул языком.

— Смелый ход, — сказал он и спрыгнул на бортик фонтана. — Однако, дорогуша, ты упустил важные детали.

Михей промолчал. Только сильнее прижал к себе своего бездыханного Саа.

— Во-первых, — Аист принялся расхаживать по парапету, заложив руки за спину. — Нельзя отдать душу тому, кто не сможет её принять. Мало кто из существ Шельяара способен управиться с таким подарком. Неужели тебя это не насторожило? Ты же умный мальчик... Во-вторых, умирая в тварной оболочке, цайар лишается всех накопленных душ, если он не успел их вложить во что-нибудь дельное и красивое. Даже цайар-полукровка. Даже если он умер лишь для того, чтобы переродиться во что-то другое. В вампира, например. Хм... Душа моего Фаахи свободна и теперь в Суушире, я найду её и заберу на Остров.

Михей скрипнул зубами.

— В-третьих, — Мельхиор довольно улыбнулся. — Отец твоего Саа — таки дракон. Даже — Дракон. Из самых первых, Высших. Как ты думаешь, дорогуша, придётся ли по вкусу драконьей сути твоего друга безумие вампирской жажды? Между прочим, обращение условно бессмертных рас в кровососов — страшное преступление с высшей мерой наказания. Одному куратору придётся ответить за твоё безрассудство. И ты сам, как глава Высшего совета, подпишешь ему смертный приговор.

Аист перестал расхаживать и обернулся на Михея, ожидая реакции. Михей хмуро глянул на Хозяина Острова.

— Ты хочешь, чтобы я что-то сделал для тебя, — проговорил он.

— Правильно, — Мельхиор удовлетворённо кивнул. — Я закрою глаза на обращение в вампира моего непутёвого племянника в обмен на твою душу.

— Зачем тебе такая безалаберная душа?

— Пригодится.

— А что будет со мной?

— Будешь жить как прежде. И работать на меня. Эрих Кофман будет твоим заместителем в Высшем совете и лицом кураторской организации перед моей семьёй. Это обезопасит Совет и Фаахи. Иначе всем кураторам конец: их не просто разгонят — раздавят. Потом я заберу тебя к себе.

— А Саа?

— Оставь его себе. Я получил от него всё, что хотел. Он больше не Хранитель Менкара. Саартан не смог поглотить своего друга, вонзившего кинжал в его сердце, решил пожертвовать собой. И ключ от менкарских ворот перешёл к его сыну. А мой племянник... с тобой он будет всегда у меня на виду. Ведь ты уже согласился стать моей собственностью, не так ли?

— Так ли, — Михей закусил губу.

— Вот и замечательно.

Хозяин Острова шагнул с бортика бассейна на землю. Михей вздрогнул, когда окружающий их с Мифлецетом сад сменился развевающимся над кроватью, размером с маленькую комнату, светлым балдахином, и как эхо Аиста голос Кота произнёс:

— Замечательно.

Михей бережно уложил Хранителя на подушки. Помедлил, собираясь с духом, и прыгнул на шею куратору:

— Учитель!

Кот, до этого расслабленно сидевший в углу кровати, проворчал что-то неподвластное интуицу, обнял своего ученика. Потрепал по рыжей макушке.

— Рассказывай, — вздохнул он. — Я уже полдня жду хоть каких-то объяснений.

— Ох... — Михей замялся, не зная, с чего начать. — Саа, наверное, проснётся дико голодным.

Куратор бросил быстрый взгляд на неподвижного Саартана.

— Что ты сделал?

— Ввёл твою кровь и... убил.

— Чем ты думал?! — Кот отпихнул от себя мальчишку. — Для нормального обращения ему нужна живая кровь! А не замороженная пакость!

— Если бы я этого не сделал, то Саа сразился бы со Спасителем, тем самым приняв

пророчество, и погиб бы! И Мельхиор заполучил бы его вместе со всеми потрохами! А пока Саа в смертном теле... ну, или в почти смертном теле... этот недоптиц не имеет над ним власти! Цайары же не могут просто так калечить смертных своими руками, да? О... только не злись, учитель! Но я ошибся насчёт того, что дракон — всего лишь форма Саа. Саа — полукровка...

— Замечательно, — мрачно повторил Кот.

Он перебрался по кровати к Саартану, пощупал отсутствующий пульс, поводил ладонью над его грудью, прислушиваясь к ощущениям.

— А на вторую половину он кто? — спросил куратор.

— Цайар, — невинно ответил Михей.

— Кто?!

— Он сын сестры Мельхиора, — Михей на всякий случай отполз от своего учителя подальше. — И какого-то крутого Дракона.

Кот вперился в него недобрым взглядом, угрожающе приподнял верхнюю губу, обнажая клыки. Михей с несчастным видом пожал плечами:

— Я думал, Саа всего лишь менкарец в шкуре дракона.

— Думал он! — прорычал Кот. — Ты хоть знаешь, каким местом это правильно делается?!

— Но, учитель...

— Ты понимаешь, во что меня втянул?! Глава Совета в порошок нас сотрёт! И то это при условии, что обращение завершится удачно. В чём я лично о-очень сомневаюсь!

— Глава Совета? — Михей робко хихикнул.

— Ах... да, — Кот схватился за голову. — Я и забыл.

— Саа сейчас человек, — Михей растянулся на шёлковой простыне. — Да, дракон. Да, цайар. Но Саа такой где-то за пределами тварной реальности. Этот парадный костюм висит у него пока в шкафчике, а он пользуется костюмами попроще.

— Вампир! Что может быть проще! Это же...

— А где Кэп? — неожиданно спросил Михей.

— А... — потерявший мысль куратор запнулся. — Воркует где-то здесь с гостеприимным Хозяином Острова. А что?

— Хотел убедиться, что с вами всё в порядке, — Михей улыбнулся. — С обоими.

— Если ты и дальше будешь так испытывать терпение Творца, то это ненадолго, — буркнул Кот. — Мне не нравится, когда я засыпаю в одном месте, а просыпаюсь в другом. И мы с Ивом в отпуске! В от-пус-ке! Были... Ладно. Нам нужно придумать, чем накормить Хранителя, когда он проснётся. И попробовать дать ему мою кровь. Может быть, ещё не поздно...

Михей не стал поправлять учителя замечанием, что Саа теперь скорее Разрушитель, а не Хранитель. Только кивнул.

— Что это за дрянь на нём? — Кот надкусил своё запястье, стянул с лица Саартана липкую плёнку — всё, что осталось от чёрной маски — разжал ему челюсти. Тягучие алые капли упали Хранителю в рот.

— Отголоски Менкара. Как и предполагалось, новым Хранителем Менкара стал сын Саа. Только вот Мельхиор не уточнил, что предыдущий Хранитель должен сам захотеть отдать ключи от ворот.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Саа мог убить меня, чтобы выжить самому. Но он сделал именно тот выбор, который был нужен Мельхиору. Да, чёрт возьми, мы с самого начала скидывали на стол именно те карты, которые были нужны этому проклятому Аисту! Он всё знал наперёд! Хуже Шу, чеслово!

— Цайары, что ты хотел.

— Угу, у меня самооценка скатилась ниже плинтуса, — Михей насупился. — Как теперь добро причинять?

— Кто-то должен был тебя осадить, — Кот приподнял Саартану веко. Прищурился, пытаясь разглядеть в чёрных глазах состояние зрачка.

— Ну-у, ты что? На его стороне?

— Я на своей стороне, Михей, — суховаато ответил куратор. — И мне твёрдости не хватает надавать тебе по ушам. Со всем уважением к твоему статусу главы Совета. Чем ты отличаешься от того же Мельхиора, когда рискуешь жизнями своих друзей так, как тебе заблагорассудится? Ты ещё и надеешься исключительно на собственную удачливость, а не на холодный расчет, как цайары. Что хуже.

Михей пристыженно понурился. Балдахин всколыхнулся. Иватарн, злой, с горящими глазами, потирающий кулак, раздражённо плюхнулся на кровать.

— Обидчик пережил беседу? — иронично поинтересовался Кот.

— К несчастью! — Иватарн откинулся на спину. — Но я доходчиво объяснил этой козлиной бородке свою точку зрения о его методах спасения Высшего совета и всей Системы! Аист думал, что выбрал самого адекватного из нас для переговоров. Ан нет! Я и не знал, что всё ещё способен набить морду высшему по званию. Жаль только, что рогатый не доставил мне удовольствия насладиться мордобоем. Понимающе так лыбился, и ни одной ссадины!

Михей булькнул в простынь, подавившись смешком. Кот тактично кашлянул, чтобы не рассмеяться. Иватарн подозрительно покосился на них обоих и перевёл взгляд на Саартана.

— Как он?

— Приходит в себя, — Кот снова пощупал пульс. — Кем кормим?

— Вы мне оба всегда казались примером адекватности, — поднял голову Михей. — А вы сидите тут такие спокойные, даже нездорово позитивные! Мне аж страшно становится. Моё безумие заразно что ли?

— Когда ситуация до безобразия идиотская, и выхода нет, что толку портить воздух? — философски заметил Иватарн. — И я уже отвёл душу.

— И я, — невесело усмехнулся Михей. — Ладушки! Пусть Саа ест меня. Я его породил я его и накормлю.

— Он может озвереть в первую же секунду как...

— Не озверю, — прервал Кота Саартан и открыл глаза.

— О! Саа! — Михей ужом ввинтился ему под руку. — Как ты себя чувствуешь? Ты стал вампиром? Хочешь крови? Ой! Я такой грязный! Тебе же, наверное, противно будет меня кусать! Я сейчас!

Михей подтянул край простыни, наслюнявил его и начал тереть себе шею. Кураторы переглянулись. Саартан сел с ним в обнимку, перехватил его руку, вырвал простынь и отбросил её в сторону.

— Перестань истерить, голова раскалывается, — попросил он, морщась. Чёрные глаза по кругу обежали балдахин, задержались на кураторах. — Так. Сладкая парочка здесь, но мы

всё ещё на Острове. Я чую... хм... дядю. Что произошло?

— Дядю? — Иватарн вопросительно двинул бровью.

— Как ты нас назвал? — ощерился Кот.

— Саа, давай определимся, — вмешался Михей. — Чтобы всем всё было понятно. Как тебя зовут? Твоё истинное имя?

— Цевехан, — Саартан послал кураторам едкую ухмылку.

— О! Племянника Мельхиора зовут Цевехан. Угу. Наполовину сверхдракон, наполовину цайар...

Брови Иватарна поползли на лоб. Он ошарашено сел на кровати. Кот ободряюще похлопал напарника по плечу, мол, это ещё цветочки.

— ... а Захария?

— Так звали человека на Менкаре, — лениво отозвался племянник Мельхиора. — Имя сделали фамилией. А Саартан — дракон с Панайры. Хранитель треклятого Зеркала. Кстати, можете продолжать меня звать Хранителем, цыплятки, если вам нравится... Ещё я Мифлецет, но это прозвище самого разыскиваемого преступника в Шельяаре, о котором brave соколики одного доставучего нага слыхом не слыхивали. Я разрушил сотни миров прямо у вас под носом, уважаемые кураторы. И уничтожил Менкар. Неосознанно, правда. Но тут уж не моя вина. Осознанно я бы и Котлована не оставил...

— Полегче, — посоветовал посмурневший Иватарн.

— Да, Мифушка, не увлекайся, — Михей опасно оглянулся на прикрывшего веки Кота. Не к добру это... — Эти brave соколики хоть и в отпуске, но о долге службы никогда не забывают. Настучат ещё моему новому заму, а он тебя недолюбливает. Помнишь, как палкой своей махал?

— Мы настучим?! — Иватарн гневно сверкнул глазами. — Ты за кого нас принимаешь, глава недоношенный?! Сами с ним разберёмся!

— Что за новый зам? — спокойно спросил Кот.

Михей старательно проигнорировал «недоношенного главу», чтобы не будить в Иватарне спящего дракона.

— Кэп, Саа это от злости на судьбу так говорит. Он совсем не гордится своими поступками в тёмном прошлом. Чеслово! А зам... Эрих Кофман, он же — Кофа, — вид у Михея стал совсем ангельский. — Ныне Спаситель, тот, кто при случае навалает Разрушителю, то бишь Мифлецету с позывным «Хранитель», если последнему вдруг захочется снова похулиганить. Но я пока не дал колесу пророчества раскрутиться, предотвратив бой между противоборствующими сторонами и обратив одну сторону в вампира. Ты же всё-таки стал вампиром, Саа? Клыки прорезались?

Под пристальным взглядом Михея и кураторов восстановленный в позывном Хранитель приоткрыл рот и потрогал языком тонкие иглы на месте обычных человеческих зубов.

— Обращение завершится, когда он выпьет крови и как следует выпится, — пояснил Кот и мстительно добавил: — А вот не побрился самый разыскиваемый преступник перед обращением зря. Борода ещё долго будет отрастать снова и снова. И о-о-очень быстро. Пока ты не научишься контролировать гигиеничность своего облика.

Михей захихикал, заметив, как вытянулось лицо у его друга. Время, проведённое на Острове, украсило подбородок Саартана густой чёрной каймой.

— А если побриться сейчас? — без особой надежды спросил Саартан.

— Не поможет.

— Тебе идёт, Саа, — Михей постарался сказать это как можно серьезнее. — Такой брутальный. Я и внимания не обращал. Под маской-то и вовсе не особо видно было.

— Дайте мне крови и забудем об этом, — прошипел Саартан.

— Я не зря шею мыл, — Михей улыбнулся и потянулся к нему. — Пробовал когда-нибудь лисятину?

Саартан заколебался.

— Выбора у тебя не особо много, — проговорил Кот. — Мы подстрахуем. Обещаю в случае крайней нужды оторвать тебе башку, дабы спасти нашего горячо любимого главу Высшего совета. Я уже набил руку. Сработаю чисто.

Хранитель угрюмо зыркнул на куратора. Тот стойчески выдержал тяжёлый взгляд.

— Не уверен, что попаду в вену с первого раза, — виновато шепнул Саартан наклонившемуся к нему Михею.

— Ничего, Саа, я готов потерпеть, — Михей склонил голову, подставляя шею.

Мельхиор раздумывал. Покачивался с носка на пятку, по-птичьи вывернув голову, и разглядывал узорный потолок.

— Хорошо, — наконец сказал он. — Но чем ты будешь платить?

— Опять я? — Михей возмущённо подтянул ноги в кресло и уселся в позе лотоса. — С чего это?

— Ты проник на мой Остров без моего на то разрешения, — Аист опустил на него странные металлические глаза. — Устроил бедлам и убил бабочку.

— Технически, — Михей почесал лоб, — бабочку убил Разрушитель.

— Мне его наказать? — Хозяин Острова сделал ударение на «его».

— А зачем вообще наказывать? Подумаешь — насекомое!

— Вы нарушили правила.

— Мы вне зоны их распространения.

— Тогда дела Острова вас не касаются.

— Но ты сказал, что отпустишь тот отряд, что захватит все алтари! Хищники выполнили твоё условие. Хорь всё сделал сам. Мало ли почему чужакам взбрело в голову проникнуть к Псам и Гиенам? Я никого, кроме Саа, не посвящал в свои планы раздавить бабочек. И ты же уже большой мальчик, чтобы играть с детишками! Настолько большой, что возникают подозрения о некоторых отклонениях сексуального характера...

— Не заговаривайся.

— Послушай, Мельхиоружка, — проникновенно заговорил Михей. — Ты заставляешь отбирать детей у Взрослых. Взрослые бояться. А страх толкает людей на жестокие поступки. И он же оправдывает аморальные действия. Твоя Игра может привести к печальным последствиям: невинность станет опасной, от неё начнут избавляться. Ты ведь не маньяк какой-нибудь, миры спасаешь... Если тебе скучно, я придумаю для тебя новую забаву. Без извращений над детьми.

— Никогда бы не подумал, — Аист взмахнул рукой, и перед ним появился высокий мольберт, — что такая чушь, вроде избавления от невинности для того, чтобы уберечь ребёнка от меня, может прийти кому-то в голову. Мастера Игры любят ставить свои фигуры перед сложным выбором, но никогда не делают этот выбор за них. Если кто-то додумался до извращённых идей, то это накладывает тень на него самого, но никак не на того, кто всего лишь развесил декорации.

— Ты пытаешься снять с себя ответственность? Ведь если бы не ты...

— Если бы не я, многие дети давным-давно померли бы кто с голоду, кто от болезни, кто от случайного ножа в подворотне на Материке. Большинству из них некуда возвращаться. Что ты будешь с ними делать?

— Отправлю в Лигу или в Гильдию, — Михей пожал плечами. — Оплачу обучение в Академии. Шу оставил мне всё своё состояние. А он богат до неприличия.

— Всех не спасти.

— Да, но я помогу хотя бы этим.

Мельхиор оглядел Михея с интересом. Помолчал. Шевельнул пальцами, доставая из воздуха кисть и краски.

— Давай уточним мои сексуальные предпочтения, — насмешливо проговорил Хозяин Острова. — Раздевайся.

— Чего?! — Михей вытаращился на него с ужасом.

Аист коротко рассмеялся.

— Тебе нечем больше платить, а просто так Детей с Острова я не отпущу. Раздевайся.

— Хочешь, чтобы я расплатился натурой?! Я ещё маленький!

— И сколько сотенок тебе стукнуло, малыш? — перед Михеем упала одежда прислуги, той, что носят горничные в богатых домах Арвинталя: фартук и чепчик с рюшечками. — А натуральнее души ничего нет. Надень это, если хочешь, чтобы я отпустил Детей.

— А Взрослых? — Михея всего перекосило от одной мысли, как он будет выглядеть в этом наряде.

— Зависит от того, насколько терпеливо ты будешь мне позировать.

— Ох, пози-и-ировать!

— А ты что подумал?

Михей покраснел до кончиков ушей, сполз с кресла и с сопением принялся стягивать с себя майку.

Гаон радостно гудел и вибрировал. Михей блаженно жмурился, улыбался, обмениваясь с клипером импульсами нежности. Хранитель нетерпеливо фыркал в кресле второго пилота, кутался в плед и откровенно зевал.

— Чего недовольный какой? — промурлыкал Михей.

— Ты сейчас слюни пускать начнёшь, — Саартан нахохлился под пледом. — У меня ощущение, что я подглядываю за чем-то интимным.

— Отчасти так и есть, — Михей открыл глаза. Светлые, прозрачные от полученной порции любви корабля. — Эмпатия с кораблём — эмоциональная близость, сродни интимной.

— Тогда закругляйся. Мне не комфортно.

— Ты проспал двое суток и не выспался? Или Кот тебе передал нетерпимость к открытому выражению чувств?

— Ты на громкой связи, — сказал из динамиков скрипучий голос Кота. — Нет у меня никакой нетерпимости.

Послышалась возня, характерное вампирское шипение и смешок Иватарна.

— Ты лизнул его в ухо, Кэп? — любопытствовал Михей.

— Почти, — хохотнул в динамиках Иватарн. — Он от меня убежал.

— Я бы тоже от тебя убежал, попробайся ты меня полизать, — пробурчал Саартан, скрываясь под пледом по самые глаза.

— Да я бы сам от себя убежал, возникни у меня такая блажь! — хмыкнул Иватарн. — Эй, Плут! Я поднимаю Глиста. Держись в хвосте.

— Так точно, Кэп! — отозвался Михей.

Гаон уркнул, обвил его голову щупальцами. Вздрогнул всем своим блестящим телом и мягко пошёл на взлёт. В обзорных экранах появился острый плавник белого катера. Облака на небе порозовели — Хозяин Острова указывал двум кураторским кораблям путь на Материк.

Какое-то время летели молча. Михей дал клиперу мысленную команду заблокировать открытый канал связи с Глистом.

— Саа, — позвал Михей.

— Ну? — Саартан заворочался в кресле.

— Почему ты оставил сына на Острове?

— Ему будет лучше с матерью.

— И с Кофой? — осторожно уточнил Михей.

— У фонтана он читал Заку сказку.

— Он садист и убийца.

— Мих, ты сам говорил, что Мельхиор изменил его. К тому же Элисбэт переедет жить в Цитадель. У нас будет возможность приглядеть за ними.

— Всё равно. Мне как-то... не по себе.

— Из меня никудышный отец, — Саартан вздохнул. — Это я — садист и убийца сейчас.

— Да брось ты!

— Ты ничего обо мне не знаешь, Мих. Во мне личность Саа с памятью Мифлецета. Это как разбавлять крепкий горячий чёрный чай холодным молоком с ложкой сахара. Чай остаётся чаем, а молоко и сахар когда-нибудь закончатся.

— Нет, — покачал головой Михей. — Чай с молоком — это совсем другой напиток. Другой вкус, другой аромат, другой эффект. И вообще. С чего ты взял, что закончится именно молоко? А ещё ты забыл, что глава Высшего совета кураторов всегда даёт людям второй шанс.

— Хочешь сделать из Разрушителя куратора? — Саартан высунулся из-под пледа.

— Как вариант. Мы с тобой уже давно напарники, Саа.

— Но ты должен сидеть в кабинете и разбирать отчёты. Оперативная работа не для главы.

— У меня теперь есть зам для отчётов, переговоров и публичных выступлений, — Михей стрельнул в Хранителя весёлым взглядом. — Нам ещё портал достроить надо. А тебе передать амулет Ракешу.

— Мельхиор думает, что душа Шульги высвободилась после того, как я умер?

— Ага, — Михей широко улыбнулся. — Но мне тяжело было сдерживать ликование, когда он самодовольно распинаялся о том, что чужие души покидают цайаров после смерти, если те не успели вложить их «во что-нибудь дельное и красивое». Сидел и сжимал зубы, чтобы не завопить, мол, а мы уже вложили всё, что нужно, куда нужно, — он захихикал. — Я же говорил, что ты — лучший в мире ювелир!

Щупальце Гаона услужливо опустилось с потолка. Перед Хранителем закачался на цепочке маленький золотой кувшинчик. Саартан взял амулет, усмехнулся и надел себе на шею.

— Нам повезло, что мы догадались оставить кулон на Гаоне, — сказал он.

— Знал бы я тогда ещё, что ты у нас тоже цайар, разыграл бы эту партию куда лучше, — с сожалением проговорил Михей.

— Но ведь амулет у нас, всех детей эвакуировали с Острова, пророчество временно заморожено... я утряс свои семейные дела, как смог. Все живы, Мельхиор остался с носом.

— Не... совсем.

— Подумаешь! Ну, будет висеть в спальне у него твой портрет в костюме горничной!

Что с того? Его же никто не увидит. Мой внучек обретенный дядя — псих-одиночка. И даже если кто и увидит — тебе же плевать на общественное мнение. Нет?

— Да я не о портрете переживаю! И спасибо, что не подкальываешь насчет этого, Саа. Честно. Я это ценю. Дело... в другом...

Михей закусил губу и страдальчески наморщил лоб. Саартан развернулся к нему полностью.

— Ты обещал рассказывать мне всё без утайки, — голос Хранителя стал требовательным. — Мих?

— Я отдал Мельхиору душу, — нехотя признался Михей.

— Что?! — Саартан подскочил в кресле. — Как?!

— Он угрожал засудить Кота за твоё обращение в вампира. Ты же у нас дракон. То есть Дракон.

— Но я же не сошёл с ума, как Септемберель!

— Тогда мы ещё не знали, как ты себя поведёшь. Может безумие постепенно накрывает? Драковампов же не бывает. И цайвампов тем более.

— Я поговорю с дядей, — Саартан решительно стукнул кулаком по подлокотнику кресла.

— И он потребует что-нибудь другое в обмен на мою душу. Например, душу Шу, когда узнает, что мы его с ней провели. И ты отдашь. И тогда мы проиграем. А пока счёт равный. И... нет, Саа! Не перебивай. У меня теперь есть шанс подобраться к тайне Зеркала.

— Одно Зеркало висело в комнате моей матери, второе — у её брата. Они общались через них! В детстве! Никакой тайны! — Саартан разозлился.

— А что за двери в коридоре между Зеркалами?

— Двери?

— Вот видишь! Ты не знаешь.

— Ну и хрен с ними! Сдалось тебе это Зеркало! Душа, Мих! Ты отдал Мельху самое ценное! Как Андарс, стал цепным псом.

— Лисом, — кокетливо поправил друга Михей. — Цепным лисом. И ты сам хотел сделать меня рабом, помнишь? Чтобы ноги вытирать о мою мягкую шкурку. Это наследственное, видать.

— Я... — Хранитель задохнулся от гнева. Мотнул головой. Помолчал, успокаиваясь. — Поверить не могу.

— Мельхиор отступился от нас, получив своё, — Михей дотянулся до друга, дотронулся до его укрытого пледом колена. — Это нам на руку. Мы придумаем что-нибудь потом. Мой папа поможет. Андарса ведь тоже надо вытаскивать из когтей цайаров. А как к ним подобраться, если не через одного из них?

— Точно спятил, — констатировал Саартан, хмуро глянув на руку на своем колене.

— Ага. Но ты ведь со мной?

— Спятил с тобой? О, да!

Иватарн был весел и возбуждён. Он с удовольствием принимал от Глиста техническую информацию и радовался как ребёнок, которому дали порулить на отцовской машине. Кот исподтишка поглядывал на напарника. Сам он подключаться к кораблю не стал. Мало ли что вложил в сознание катера Фаарха? К тому же куратор терзали сомнения по поводу произошедшего накануне вылета разговора с Хозяином Острова, и эмпатия сейчас только бы

испортила Иву настроение.

Мельхиор выцепил Кота, пока Хранитель отсыпался после обращения, а лис и дракон занимались синхронизацией кораблей. Кот тогда усмехнулся, демонстрируя клыки, когда Аист подошёл к нему с вежливой улыбкой.

— С одним не вышло, решил попытать счастье с другим? — язвительно спросил Кот. — Думаешь, я адекватнее ученика твоего ученика?

— Я слышал ваш разговор с мальчишкой, — не стал скрывать Мельхиор. — Невольно. В этом доме невозможно что-то утаить от меня. Ты мне показался благоразумным.

— Тогда ты должен быть доволен, что обыграл всех и каждого. Что тебе ещё от нас нужно?

— Я перенёс тебя с напарником сюда не только для того, чтобы обуздать нового главу совета...

— Ты шантажировал моего ученика? — Кот нехорошо прищурился.

— Конечно, — Аист насмешливо склонил голову. — Я же цайар. А мы, по вашему всеобщему мнению, только шантажом и дышим. Не хотелось вас разочаровывать.

— Тебе копыт не хватает.

— Для чего?

— Для полноты образа. И хвоста свечкой. Рога и борода есть.

Мельхиор застыл с непонятным выражением лица, видимо, обдумывая слова куратора.

— Кое-кто, — певуче растягивая гласные, заговорил Хозяин Острова после недолгого молчания, — уже обещал мне поработать над моим образом. Пожалуй, стоит заняться этим на досуге. Трепет. Вот чего я давно не видел в глаза смертных.

— Я не смертный.

— Ты трудноубиваемый. С бессмертием это не идёт ни в какое сравнение.

— Вы тоже умираете.

— У нас единый эгрегор. Мы выходим из него и в него же возвращаемся. Меняется только окраска. Наше бессмертие в нашем единстве.

— Пф!

— Не завидуй. Иногда у меня возникает эгоистичное желание стать уникальной личностью, вроде тебя. Но я вспоминаю вашу похоть, жажду наживы и власти, ваше лицемерие. И помутнение проходит.

— Что тебе надо?

— Зеркало. Я подсунул его тебе, чтобы оно отыскало моего племянничка. А теперь ты подсунешь ключ от одной из дверей внутри Зеркала своему ученику.

— Зачем мне это делать? И почему ты сам не подкинешь ключ Михею?

— У цайаров слишком много ограничений на «сам», дорогуша. Правила Игры строги, но без них наша созидательная сила давно бы привела миры к Хаосу. Слышал такое: благими намерениями выстлана дорога в Ад?

— Ад придумали вы.

— Да, но тем не менее. Я не буду угрожать тебе, Ньярхайд. Ты и сам понимаешь, что я своего добьюсь. Только более жёсткими методами. У тебя сейчас есть шанс подложить подушку под зад своего чересчур деятельного ученика. Ну, и в качестве бонуса... я могу вернуть твоему напарнику способность к продолжению рода. Ах, да что я такое предлагаю! — Мельхиор жеманно взмахнул руками. — Тогда ведь он может сбежать от тебя к какой-нибудь девахе, чтобы плодиться и размножаться! Нет, нет, прости! Я

оговорился.

— Почему бы тебе не предложить это Иватарну? У меня нет прав решать за него.

— Он отказался меня слушать.

— Рука у него тяжёлая, — Кот прикрыл веки.

Его напарнику частенько не хватало такта, чтобы выразить гнев без рукоприкладства. Ив считал, что порою честно съездить по физиономии гораздо лучше подлых укулов словами.

— За полвека совместной жизни ты уяснил только это?

— Хватит пытаться вывести меня из себя, цайар.

— Никакого почтения! — вздохнул Хозяин Острова с притворной грустью. — Фаахи совсем вас разбаловал. Что ж, моё дело — предложить.

Он положил на стол маленькую колбочку, закупоренную сургучом, с розовой жидкостью внутри и серебристое перо.

— Двери в Зеркале заперты на генетический код. Моё перо — ключ к одной из них. Ты можешь оставить его на столе, и тогда твой ученик поранится, пытаясь взломать двери самостоятельно. Или же ты подложишь ключ в Хранилище так, чтобы Михей обязательно его нашёл. И тогда ничего страшного не случится. А это, — Мельхиор ткнул когтистым пальцем в колбу, — для твоего напарника. Принимается внутрь. Идёт мягче с чем-нибудь алкогольным. Отличный подарок на день рождения, как считаешь? Или на свадьбу...

Кот не ответил. Он словно превратился в статую: холодный, отстранённый, недвижимый. Только зелёные искорки вспыхивают под полуопущенными ресницами.

— У меня ещё много плюшек осталось, — улыбнулся Хозяин Острова, не обращая внимания на отчуждённость куратора. — Я выгодный наниматель. И сильный протектор. Вдруг понадобится? Подумай.

Мельхиор вышел из комнаты, которая негласно на три дня стала местом сбора главы Совета и его команды. А Кот думал. Тогда, и сейчас, сидя в кресле второго пилота.

— Ив?

— А?

— Ты бы хотел иметь детей?

Кот спросил и сам смутился своего вопроса под удивлённым взглядом жёлтых глаз.

— Я в общем, — быстро поправился он, стремительно обрастая колючками и каменея лицом. — Жена, соски, пелёнки?

— Э-э-э... — Иватарн качнул головой. — Ты же знаешь...

— А если бы мог?

— Почему ты спрашиваешь? У нас опять кризис отношений?

— Это просто вопрос! — колючки Кота стали почти осязаемыми. — Так трудно ответить?

Иватарн какое-то время смотрел на напарника, размышляя. Вздохнул. Снова покачал головой.

— Может быть, но не сейчас, — ответил он.

— Почему?

— Я не готов к семейным отношениям.

— А когда будешь готов?

— Наверное, когда надоем тебе, — Иватарн улыбнулся.

— Какой-то принцессе придётся очень долго ждать.

Воображаемые колючки Кота обмякли, превратились в шерстинки. Белые и пушистые. Иватарн вскинул и опустил брови, умиляясь. Улыбнулся шире, вернулся вниманием к Глисту. Он не заметил, как его напарник спрятал обратно в карман колбочку, которую мусолил в ладони с начала разговора.

Лурвэ застенчиво обвивала хвостом затянутую в чёрную блестящую кожу узких брюк ножку и обнимала себя за плечи крыльями. Маленькие и кожистые, «застёгнутые» под горлом на крючочки-коготки, крылья походили на готическую пелерину, накинутую поверх огненно-красной блузы, и весь вид демонессы был бы достаточно агрессивным, если бы не смущённое трепетание ресниц и румянец на серых щеках. Принцесса Ада наблюдала, как младенец смеётся, булькает и забавно причмокивает губками в руках счастливого Михея.

— Она прекрасна, Лу! — Михей подлетел к демонессе и чмокнул её в щёку. — Такая красивая!

— Не серая, — кивнула Лурвэ.

— Ну что ты! Я даже немного расстроен по этому поводу! — Михей поднял дочь на вытянутых руках, восхищённо разглядывая. — У неё твой цвет волос! И рыжая прядь, ты посмотри!

— И твои глаза.

— Ангелочек!

— Да ну?!

— Ой! Демонёнок! Наша Лана, Лань.

— Я хотела назвать её... Лувэй.

— О! Я только за! Но ведь нужно оставить её что-то от себя прежней, м?

— Лань Лувэй звучит... ничего, — Лурвэ неуверенно улыбнулась.

Браслет Михея запиликал. Михей осторожно передал ребёнка матери, коснулся браслета и вытянул из него отливающий металлом куб. На кубе красным пульсировала точка.

— Что такое? — встревожено спросила Лурвэ, баюкая на руках дочку.

— Разгерметизировалась камера с артефактом. Белый код... хм... неизученный, — Михей задумчиво потёр висок. — А я обещал не беспокоить Кота с Кэпом хотя бы пару месяцев. Придётся проверить самому.

— Снова улетаешь? — Лурвэ погрузилась.

— Только проверю всё и вернусь, — Михей свернул экран, потёрся щекой о щёку жены, нежно поцеловал её в уголок губ. — Это личное Хранилище пристанища Меру. Я не могу поручить проверку кому-то ещё.

— Хорошо, — вздохнула Лурвэ, печально отстраняясь.

А когда Михей активировал настроенный на Хранилище портал в браслете и исчез, прижала дочку к себе, ткнулась носом в белоснежную её макушку и прошептала:

— У меня плохое предчувствие.

Михей появился в Хранилище, огляделся. Один квадратик камеры мигал красным, перед ним в воздухе плавало перо, сверкающее, как начищенное серебро.

— Что за..? — Михей нахмурился, подошёл к артефакту и протянул руку.

Перо само легло ему на ладонь, вспыхнуло. Михей выгнулся, невольно сжимая руку с

артефактом в кулак, застонал. Из его груди полился голубоватый свет, и Зеркало, мерцающее с обеих сторон ярко-синим сиянием, материализовалось среди уходящих в бесконечность ангара панелей, втянуло в себя мальчишку, как дым в трубу, распалось на две половинки и упало на пол стёклами вниз. Разгерметизированная камера перестала мигать и помутнела. В Хранилище повисла тишина.

Больше книг на сайте - Knigoed.net